

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторически журнал № 8 (47)

август, 2020

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вашему вниманию представлен августовский номер литературно-исторического журнала «Александръ». Я благодарен гостю номера Павлу Кренёву за поднятую злободневную тему судьбы русской деревни. Будучи жителем Тамбовской области, я, как никто другой, вижу и понимаю остроту трагедии, происходящей в стране, – исчезновения веками сложившегося уклада жизни деревни.

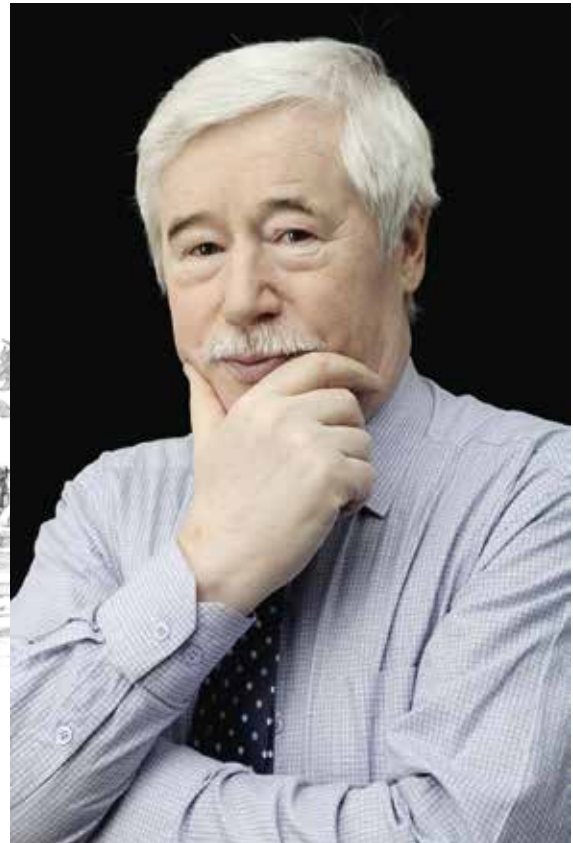
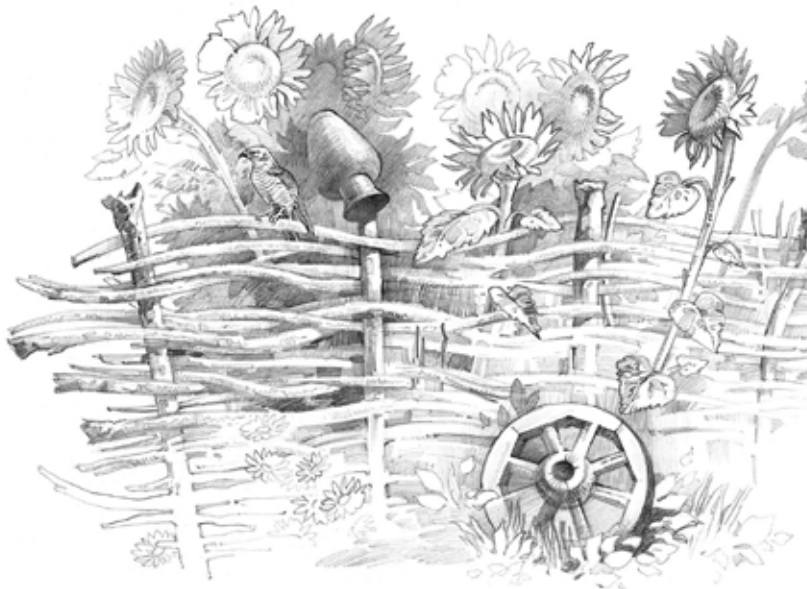
В августовском «Александръ» поставлена цель в рамках, которые позволяет объём журнала, показать, насколько богата, неповторима и самобытна культура каждой малой родины, какой чистой красотой обладает русская земля и какие сильные духом и прекрасные люди рождаются в деревне.

Эта тема постоянно поднимается на страницах «Александра», поднимая её и я в литературных, а особенно в научных работах и выступлениях (рекомендую посмотреть на YouTube). Жутко становится оттого, что вымирание русской деревни развивается массово и «ударными» темпами именно в настоящее время по всей России, даже в самых благоприятных регионах. Мы очень много потеряли безвозвратно и бездарно.

Всегда благодарен писателям, которые прославляют свою малую родину, а страницы «Александра» всегда открыты для таких произведений.

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

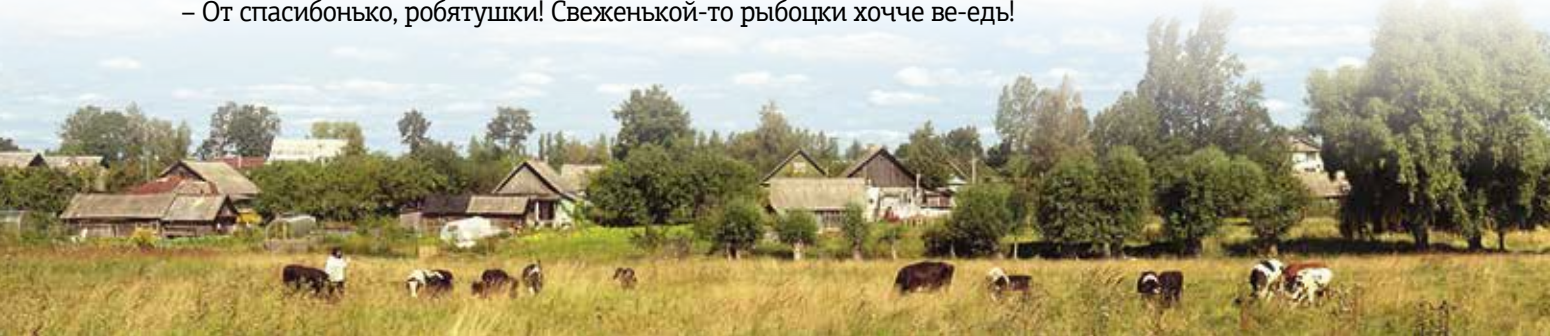
РЕКВИЕМ РОДНОЙ ДЕРЕВНЕ

Родина моя – Беломорье! В далёкой-далёкой памяти, словно из тумана, выплывают окутанные розовой мглой фотографии моей памяти. Вот моя бабушка Агафья ходит после шторма по мокрому отливному песку в резиновых обрезках и собирает в корзинку анфельцию, ценную водоросль, которая пойдёт потом на производство агар-агара. Я хоть и малыш, но уже знаю: из анфельции делают мармелад, который я люблю...

Вот я вышагиваю по причалу, который верой и правдой служит принадлежностью рыбного завода – хозяйства, которым руководит мой отец. К причалу то и дело подходят тяжеленные вёсельные тонкие карбасы, почти до краёв заваленные только что выловленной беломорской селёдкой. И молодые ребята-колхозники со смешками и прибаутками вываливают селёдку в парные носилки и поднимают по трапам на длинный причал. А там на рельсовых тележках-дрезинах селёдка уезжает в жерло склада, где вовсю идёт приёмка рыбы – взвешивание, сортировка, закладка в места обработки и засола. Там хозяйничает мой отец.

А на берегу группа старушенций с корзинками, с вырисованным на лицах терпением, по очереди подходит к селёдочке, что в карбасном чреве... Там происходит древний ритуал, священнодействие рыбацкой удачи: рыбаки погружают вместительные саки в груды привезённой сельди, черпают ими добрые порции и выливают их в корзинки бабушек, в их вёдра, туюски... Среди женского старичья стоит радостный ропот:

– От спасибонько, робятушки! Свеженькой-то рыбацки хочче ве-есть!

В глубине морского пространства торчат из воды колья. Там стоят ставные невода, в них ловят сёмгу, ту же селёдку, пинагора, камбалу, треску.

Постукивает в деревне маслобойка – такого ароматного сливочного масла больше нигде не отыщешь; стоит перезвон кузнечных молотков в местной кузне; на пажитях, что за деревней, пасётся тучное коровье стадо с предводителем – громадным бычарой – во главе. По окраинам деревни на травянистых припольках разгуливают лошади и стада овец.

Ловят рыбу в Мировом океане колхозные траулеры. В полную нагрузку работают восьмилетняя школа, клуб, пекарня, сельсовет, профсоюзная, комсомольская и партийная организации, много сельхозтехники, гаражи, ремонтная база, собственная электростанция, своя телефонная сеть с выходом на весь мир, своё радио... Всё свидетельствовало о наличии большого, крепкого хозяйства. Это был колхоз-миллионер. Моя Лопшеньга...

Я жил в деревне в те времена, и я всё это помню.

Так было в солнечные времена, когда Поморье процветало, в его жизни присутствовали смысл и логика, когда в моей богатой деревне, славящейся красотой всегда свежестроенных домов, всё крутилось и вертелось. Моя деревня жила вместе со своей страной и вносила в её развитие посильный немалый вклад.

Приезжайте сейчас на Белое море, прогуляйтесь по поморским деревням. Прислушайтесь к тому, о чём говорит народ.

Не слышно ни коровьего мычания, ни лошадиного ржания. Как можно услышать тех, кого больше не существует? Никто не работает на бывших колхозных полях. Не пашет, не сеет. Как можно работать на полях и сенокосных угодьях, которых тоже просто нет – там теперь побеги молодых деревьев. Давно сгнили колхозные тракторы, плуги и косилки. Вместо просторных и тёплых гаражей – развалины и пустыня.

Все действовавшие до недавнего времени деревенские производства замерли. Ну ладно, не было бы своей рабочей силы, но её полно, и молодёжь криком кричит, когда надо уезжать в город на заработки. Все хотят оставаться и жить в родных домах. А как жить без куска хлеба?

Нет больше колхозных тральщиков, их под лукавыми предложениями и при содействии областных вороватых чиновников украли мурманские бандиты.

Поморская деревня – хранительница векового крепкого былинного крестьянского уклада – оказалась не способна противостоять хищническим воровским приёмам современных жуликов и проиграла в судьбоносной борьбе. Обокраденная, лишённая средств выживания, она теперь никому не нужна.

В Белом море полно рыбы, но её никто не ловит: это не нужно нынешним хозяевам. Зачем тратить деньги на развитие поморов, когда пока ещё можно «рубить бабло» в привычном Мировом океане?.. И всё это на глазах у Российского государства... Поморская деревня погибла. Пусть это будет на совести Великих Руководителей Страны.

Павел КРЕНЁВ,
статс-секретарь Союза писателей России

В НОМЕРЕ:

ГОСТЬ НОМЕРА

7 Павел Кренёв.
Мина

РОДНОЕ

11 Наталья Баранова.
История жизни, уходящая с жизнью

МАЛАЯ РОДИНА

14 Владимир Герасимов.
Напиши о нас...

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

21 Юрий Самохвалов

22 Николай Чербаев.
Я многое помню из детства

ПРОЗА

25 Леонид Иванов.
Не блазни

ПУШКИНИАНА

29 Аркадий Захаров.
Дела давно минувших дней

ЛИРИКА

37 Николай Ступин.
Надежды искренняя грусть

ДУХОВНЫЕ ЗЁРНА

40 Татьяна Никитина.
Икона Божией Матери
«Одигитрия Выдропусская»

ДУХОВНОЕ

47 Виктор Бакин.
Воспоминание о Великорецком

ПОБЕДЕ — 75

54 Владислав Бусов

57 Ирина Демина.
Мой бессмертный полк

НАРОД-ПОБЕДИТЕЛЬ

59 Владимир Казмин.
Три Ивана

РУСЬ ИЗНАЧАЛЬНАЯ

65 Николай Толстикова.
Державные братья

КРАЕВЕДЕНИЕ

72 Виктор Елисеев.
Детство за колючей проволокой

КРАЙ ТАМБОВСКИЙ

75 Пётр Куликов

ДЕТЕКТИВ

77 Владимир Газетов,
Вадим Хоменко.
Смерть в квартале Кеманкеш

АЛЬТЕРНАТИВА

87 Виктор Усов.
Операция «Ковчег»

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

94 Александр Сергеев.
Союз писателей – связь времён

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

А. В. ОРЛОВ (Москва), поэт, прозаик, историк;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральные менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 8 (47), август 2020 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 1.08.2020 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в

АО «Издательский дом «Мичуринск»,

393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск,

ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.

E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

МИНА

Бабка Евдокия прямо в шлёпанцах побежала к остановившемуся у калитки газику.

– Ой, робятки, – запричитала она, обращаясь к вылезавшему из машины молодому офицеру, – может, не надоть, а? Подишь, дом ломает. Куды же мне тады, робятки!

Лейтенант поправил фуражку и солидно сказал:

– Почему ломает? Мы не в первый раз.

Пройти к дому он, однако, не решался. Полная и, видно, крепкая ещё баба загораживала вход во двор. Не зная, как быть в таких случаях, лейтенант спросил:

– А зачем тогда вызывали?

– Никто вас, робятки, и не звал, – ласково, но решительно ответила бабка Евдокия, стараясь говорить тише, чтобы не разбудить зятя. В ней затеплилась надежда: может, не услышит, окаянный. Сзади всё же хлестко стукнула

дощатая дверь веранды, и сапоги зятя загрохотали по настилу.

– Здравствуйте, – сказал он, отстраняя Евдокию и протягивая руку лейтенанту. – Пётр Иванович, будем знакомы. Жду вас с утра, да в последний момент вздремнул малость. Сами понимаете, отпуск.

Лейтенант сообразил, что в лице Петра Ивановича приобрёл решающую опору. Обернувшись к машине, он негромко, командирским тоном бросил:

– Петров, Ибрагимов, приготовиться к разведке.

Из газика бойко выскочили двое солдат, держа в руках продолговатые ящики зелёного цвета. Разложив эти ящики на земле, они достали из них какие-то трубки и стали всовывать их одну в другую. Получилось два стержня с широкими цилиндрами на концах. На голову

солдаты надели наушники. Бабка Евдокия смотрела на эти зловещие, с её точки зрения, приготовления, а в душе шевелилась тревога: сломают! Ох сломают домишко! Она подошла к зятю и вполголоса попросила:

– Ты уж посмотри за ними, Петенька. Как бы не натворили чего. Им-то не жалко. А куды мне тады?

Зять, подмигивая солдатам и офицеру, нарочито громко возразил:

– Ну Евдокия Терентьевна, ну почему вы так не доверяете советским воинам?

– Мы готовы, – сказал офицер. – Ведите, Пётр Иванович, показывайте.

Когда солдаты и зять направились к дому, бабка Евдокия тронулась было за ними, но лейтенант остановил её:

– Извините, вам нельзя, не положено.

– Как нельзя? – возмутилась Евдокия. – Мой дом – и нельзя?

Она хотела сказать ещё что-то резкое и решительное, но, увидев, как у лейтенанта нахмурились брови, благоразумно замолчала. «Лучше не перечить, – подумалось ей, – а то специально испортят чего-нибудь. Понаехали тут с трубками».

Она ещё потопталась в раздумье у калитки: куда же ей-то податься? Может, пойти пожалиться к соседке Нестеровне? Потом вспомнила, что та угреблась спозаранок в лес за клюквой. Евдокия пошла на речку. Было здесь у неё укромное место на склоне крутого травянистого берега, между двух старых разлапистых лип. Место это показал ей Фёдор. Здесь они целовались с ним в тёплые летние ночи того далёкого предвоенного года. С тех пор в радость и в печаль приходит сюда Евдокия, чтобы поговорить с Феденькой, посоветоваться, излить душу. Сев под липами на дощечку и глядя на воду, она вернулась мыслями к дому.

Построил его Федя перед самой войной. Построил за малый срок. Он словно торопился, боялся, что не успеет. Времени у него было мало и без того. Работал Фёдор бригадиром в колхозе, днями пропадал на поле, домом занимался до глубокой ночи. Молодая жена его Евдокия вначале помогала, как могла, а

потом, когда дитё ждали, Фёдор всю тяжёлую работу по строительству взял на себя – «один управляюсь...».

Евдокия сокрушалась:

– Отдохнул бы, высох весь. Куда торопишься-то?

Федя только улыбался:

– Вот нарожаем с тобой ребятешек с дюжину, куда девать будем?

Крышу он крыл уже в начале июня 41-го года. Тогда и перебрались в новый дом. Внутренние работы Федя так и не закончил, ушёл на фронт. Осталась его задумка прорубить окошко из светлицы на речку, на заречные дали... Он потому и приберёт напоследок эту работу: хотел смастерить оконце красивее других, с фигурными резными наличниками.

Осенью родилась Люська, и для Евдокии настали самые тяжёлые дни: впереди зима – а у неё и в подполе пусто, и денег ни гроша. Все силушки на дом этот проклятуший ушли. Если бы не добрые люди, не выдюжить бы ей с грудной на руках.

В первые месяцы от Фёдора приходили письма. В них он утешал жену, обещал: скоро одолеют немца и он вернётся. Ещё мечтал он, что новое окно в светлице прорубит. Потом началась оккупация, и письма перестали приходить.

Село, в котором жила Евдокия, стояло вдали от больших дорог, наверно, поэтому немцы бывали здесь редко. Делами заправляли полицай и старосты. Иногда приходили партизаны и вышибали полицая из деревни. Однажды партизаны остались заночевать, тут-то и налетели каратели. Они били по домам из миномётов и пушек прямой наводкой. Евдокия помнит, как лежала на полу, закрыв телом плачущую дочь, и причитала: «Пронеси, Господи, пронеси, Господи...» Кругом гремели взрывы. От сильного удара в стену содрогнулся весь дом. «Вот и всё», – подумала Евдокия и крепко прижала к себе Люську. Однако ничего не случилось. Потом и миномёты стихли.

Мину первыми увидели немцы, обшаривающие после обстрела деревню в поисках не успевших уйти в лес партизан. Евдокия услы-

шала за стеной гогот, затем в дом ворвался здоровенный фриц и, что-то гортанно выкрикивая, потащил её на улицу. Там её подтолкнули к стене и показали на торчащий из паза хвостовик мины. Один из фрицев многозначительно задрал подбородок, пощёлкал по стене ногтем и предупредил: «Бах-бах». Остальные хохотали, выходя за калитку и оживлённо обсуждая что-то. «Повезло тебе, дура», – сказал на прощанье полицаи.

Вбежав в комнату, Евдокия первым делом осторожно отодвинула от стены, в которую попала мина, кровать, стол, лавку. Потом подвела к ней двухлетнюю дочь и несколько раз повторила:

– Не трогай эту стеночку, Люся. Будет бабах!

В ту ночь она так и не заснула. Всё ей казалось, взорвётся эта чертова железяка и убьёт их с Люсенькой. А ещё ей было жаль нового дома, построенного руками дорогого сердцу Феденьки, в котором они не успели нажиться-нарадоваться. Спозаранок, пока совсем не рассвело, Евдокия выскочила на улицу и, полужажмурившись от страха, каждую секунду ожидая взрыва, затыкала тряпьем торчащие из стены железки: вдруг ребятишки увидят и начнут выковыривать. Получилось неплохо. Пройдёшь рядом и не заметишь – болтаются тряпки, да и всё.

С тех пор для Евдокии началась вдвойне тяжёлая жизнь. Где бы она ни находилась: полоскала ли бельё на речке, работала ли в поле, косила ли сено, всё ей думалось, не случилось бы какой беды дома. И ещё ей казалось, что если кто-нибудь ударит по стене, то мина обязательно взорвётся. В этом она почему-то не сомневалась. И однажды едва не лишилась рассудка, когда, зайдя в избу с полными вёдрами воды, увидела, как Люська разбегалась на слабых своих, босых ножонках и била ручками в стену, победно восклицая при этом «бы-бых!». Больше она дочку дома одну не оставляла.

Ещё был случай уже в самом конце войны. Евдокия стряпала на кухне, когда услышала резкие удары в «ту» стену. Не помня себя, она выбежала на улицу и увидела двух мальчишек, деловито кидающих снежки в фанерный щит,

повешенный на гвоздь. Вспоминая сейчас этот случай, Евдокия улыбнулась: кто же тогда больше испугался? Она или мальчишки, на которых неизвестно почему вдруг набросилась баба с искажённым от ужаса лицом.

Федя с войны не вернулся. О том, что он «геройски погиб в тяжёлых боях под Сталинградом», Евдокия узнала из письма, полученного из райвоенкомата. Так, вдвоём с маленькой Люськой да ещё, пожалуй, с миной, с которой волей-неволей тоже пришлось ужиться в одном доме, и мыкала своё послевоенное горе Евдокия. К злополучной стене она не прикасалась все эти годы. Запрещала и Люське это делать, не объясняя, впрочем, почему: разболтает по деревне, а это всё равно добром не кончится – хоть мужики, хоть солдаты начнут ковырять, сами погибнут да и дом порушат. А так сидит эта проклятая мина в стене и сидит, есть не просит.

Люська росла проворной, сообразительной, но долго не могла взять в толк: отчего мать так бережёт стену? Потом успокоилась, отстала, наверно, решила: прихоть это материнская.

В деревне дочь жить не захотела, окончила семь классов – и в город. Поступила в торговый техникум. Евдокия загоревалась, когда Люська уехала из деревни, чего уж хорошего, когда человек уходит из родных своих мест. Но училась дочь с охоткой, приезжала на каждые каникулы, письма писала. В общем, не забывала мать. Однажды она тронула сердце Евдокии тем, что написала: «Как вы там живёте, мои мама и минуша?» Евдокия долго не могла понять, кто же такая «минуша», вроде и имён-то таких в деревне не водится, потом сообразила: да ведь мина же это! Вот Люська! Вот хитрунья! Значит, знала, а молчала. Не захотела, значит, матери волнение доставлять. И ещё больше заужала она дочь.

С годами Евдокия привыкла к мине, хотя, конечно, как и прежде, боялась. А однажды поймала себя на мысли, что все думы о ней сами по себе облекаются в некую теплоту и задушевность, потому что связывают они её с ушедшей в безвозвратность молодостью, с той далёкой порой, в которой жили она и Федя, были вместе...

Жить понемногу становилось легче. Люся окончила техникум, устроилась работать товароведом в универмаг. Помогать ей отпала необходимость. Да чего там помогать, Люся сама теперь стала регулярно слать из города хоть небольшие, но всё же денежки, а на праздники уж всегда – нате вам! – платочки да сарафанчики разные, баловала маму. Появился какой-никакой достаток. Всё, казалось, входило в свою колею.

И тут дочка вышла замуж.

Вскоре Пётр, муж её, нагрянул к теще в гости – на природу, видишь ты, ему захотелось. Дочь-то не смогла приехать: отпуск в другом месяце, – а он тут как тут. Ну первый день туда-сюда, удочки, речка, знакомство с соседом, а на другой день пришёл от соседа выпивший, и занесло его, окаянного, прямо на эту стену. Уцепился он руками за брёвна и лбом в них тычется. Сразу, бедолага, протрезвел, когда Евдокия его с бранью от этой стены к противоположной отбросила. Ни слова, правда, не сказал, но наутро стал допытываться:

– Почему это вы, мама, не дали мне вчера к стеночке прислониться? У вас ведь, мама, не музей тут.

Евдокия промолчала, но интерес его взял... Зять нашёл мину за считанные минуты. Зато

как нашёл, вбежал в дом весь бледный, глаза выпучены.

– Я, – говорит, – не собираюсь жить в заминированном помещении! Тем более в мирное время. И вам, мама, не советую.

Как ни просила его Евдокия никуда не общаться, не помогло. Вызвал вот сапёров.

Сидела теперь Терентьевна на берегу реки, и сердце её ныло: «Сломают дом, окаянные, ломают». Раздавшийся взрыв на какое-то время будто парализовал её. Евдокия несколько секунд остолбенело смотрела на воду, потом вскочила и что было мочи зашпешила к дому. Ноги совсем её не слушались, они путались в траве, скользили, спотыкались. Евдокия не почувствовала, как потеряла шлёпанцы, как слетел с головы платок. Запылавшаяся, вконец растерянная, она вбежала на обрыв...

...Дом стоял на месте. Машины не было. Там, где она останавливалась, мирно копались в земле куры, мимо них лениво брела собака. Терентьевна только теперь поняла, что взрыв был совсем в другой стороне – за полями, у леса. Усталая, она переступила порог и услышала в светлице стук молотка. Сидя на корточках, Пётр старательно обрабатывал стамеской края широкого четырёхугольного отверстия, выпиленного в стене в том месте, где раньше сидела мина.

– Посмотрите, мама, какой красивый вид из окна будет, – сказал он подошедшей Евдокии. – Из светлицы будем любоваться с тобой. Ты сама-то глянь, мама, на красоту – луга, цветы, лес! А речка-то, речка-то!

Он ещё что-то возбуждённо и весело говорил, работая стамеской.

Евдокия сидела позади него на стуле, положив руки на колени. По щекам её текли слёзы. Губы тряслись и шептали: «Феденька, Феденька...»

Потом она поднесла к лицу край передника и зарыдала. **А**

Павел КРЕНЁВ

История жизни, уходящая с жизнью

Дед умирал. Мой сильный, неутомимый дед. Соседка вызвала нас телеграммой: «Приезжайте, дед отходит».

Он долгие годы – после смерти нашей бабушки – жил один, считая, что старость обременительна, и не хотел никому мешать. Сколько ни упрашивали, отказывался переезжать в город к детям или к нам – своим внукам. Всегда говорил: «Где родился, там и содился». За дедом ухаживала соседка – хлеб принести, сигареты, – а с нехитрым домашним хозяйством справлялся сам. Трудно было, но привык. С фронта он вернулся инвалидом, ногу ампутировали в самом конце войны. Уже все вернулись домой, а он всё лежал в госпитале. Бабушке потом пришлось его выхаживать. Так

и жил, прыгая по дому на одной ноге, редко нацепляя протез, да и то когда выходил во двор. Отсутствие ноги не мешало ему радоваться жизни.

Хотелось ещё раз увидеть деда, если удастся – поговорить, поэтому мы решили ехать на машине, так будет быстрее. Выехали в ночь, рассчитывая, что к утру будем на месте. Всю дорогу я рассказывал жене, каким был дед.

– Почему был? – поправила меня Ольга. – Есть! Ты же всегда говорил, что дед бессмертен и пока не увидишь его недвижимым, не поверишь.

– Дед бессмертен, даже если помрёт. Представляешь, у него девять детей, двадцать четыре внука и тридцать шесть правнуков.

Праправнуки не поддаются подсчёту. – Я говорил, а сам не верил, что дед «отходит», как написала соседка.

– Столько детей! – удивилась жена.

– Да, и это те, которые выжили. Раньше ведь как было – многие умирали в младенчестве, не дожив до года. И эти дети только от моей бабушки.

– Что значит – от твоей, а что, есть ещё и другая бабушка? Я деда совсем не знала, он для меня был немощным, безногим старичком, который вечно сидел на кровати, а ведь за ним целая жизнь... события, люди, да просто история. Уйдёт он – уйдёт его мир.

– Я тебе никогда не говорил... – Мне вдруг захотелось закурить, хотя за рулём, да ещё ночью, я себе такого не позволял. – У нас в семье это была закрытая тема. Но теперь, когда нет бабушки и скоро не станет деда, я могу рассказать. До войны деревня была большая, мужиков много, но дед на их фоне выделялся. Мало того что был самый грамотный – ветеринар, так ещё и самый видный. Гармонист – первый парень на деревне. Добавь сюда косую сажень в плечах, буйный чуб и чувство юмора. От девок отбоя не было.

– Представляю, как твоей бабушке трудно жилось. – Жена примерила ситуацию на себя.

– И в деревне ведь ничего не скроешь. Да он особо и не скрывал – свою вторую семью.

– Что значит вторую?! И бабушка терпела? Ну вы сволочи, мужики. – Возмущение жены было настолько сильным, что она отвернулась от меня и стала смотреть в окно. За стеклом было темно, мы проезжали какую-то деревушку, на улице не было ни одного фонаря. Темень, скука... всё как и много лет назад. Ну вот что делать в такой деревне? Только любить. Я так и сказал Ольге.

– Вот дед и любил. Многих, наверное, любил, но дети были только в двух семьях. Бывало, не придёт он с работы, а они уже знали, где его искать. Анька была старше и отчаяннее. Мать рассказывала, пойдут они к дому Дуськи – её Дуськой звали – смотрят в окно, а там шторкой занавешено, но маленький уголок свободен. Так вот в этот уголок видно, как отец сидит на полу

и играет с детьми – мальчиком и девочкой. И такая злость их заберёт, что Анька однажды не выдержала и засветила каменюкой в стекло. Звон! Крик! И с Маруськой – сестра помладше – бегом в ближайший овраг, в бурьян кубарем. Лежат, затаились, трясутся. Отец выйдет на крыльцо и кричит: «Анька, Маруська, выходите, я знаю – это вы!» Но никогда не ругал их за это. А потом началась война. Всех мужиков призывали, а деду дали броню, как единственному специалисту на весь район. Представляешь, что чувствовала бабушка? Всех забрали, только он один живёт в свое удовольствие – на две семьи. И она не выдержала, пошла и заявила, чтоб его забрали на войну. Нечего такому здоровому мужику отлынивать от фронта. И его забрали.

Ольга смотрела в темноту за окном, я видел, по лицу текли слёзы.

– Ты чего? Чего так разволновалась? Это было в другой жизни и не с нами.

– Бабку твою жалко... сильная женщина. Столько лет терпела, а тут не выдержала. Да не доставайся ты никому! И он тоже... ведь вернулся к ней после войны. Наверное, всё-таки любил. Мог и в другую семью уйти... или вообще не вернуться. Так многие делали – пропадали без вести. Находили новые семьи, в старые не возвращались. – Она всё ещё смотрела в окно, но уже начала успокаиваться.

И я вспомнил... Как-то в горячке ссоры бабушка в сердцах сказала: «И зачем вернулся? Один раз отрыдала бы, и всё». Только теперь я понял её слова.

– Дальше-то что было? – Ольга опять развернулась ко мне. Ехать было ещё далеко, чтобы не заснуть за рулём, надо разговаривать. И я стал вспоминать обрывками, что рассказывала мне мама про эту семейную историю.

– Дальше? Броню с деда сняли, забрали в армию... Сколько-то дней он был на станции, что в двух десятках километров от деревни. Бабушка ходила туда к нему пешком, носила еду. Потом он воевал... она с детьми пыталась выжить. Детей было четверо, это те, что родились до войны. Вторая семья жила на соседней улице, на другом краю деревни, и тоже бедствовала. Там было двое детей, ещё маленькие. И

вот как-то бабушка заболела и лежала на печи. Раньше все хвори выгоняли баней и теплом. Лежит, охает, тут является соседка, пришла проведать и принесла новости.

Слышь, говорит, Матрёна, а Дуська-то с малыми ребятишками – бедствует. С голоду дети-то пухнут. И расписывает бедственное положение соперницы. Бабушка молчала, крепилась, крепилась, а потом кричит: «Маруся! Возьми в погребе ведро картошки... отнеси этим-то».

Она их даже никогда по имени не называла. А Маруся как бы и не слышит. Тут бабушка осерчала – а она могла и матом разговаривать, резкая была – да как закричит: «Глухая, что ль, а ну неси картошку этим супостатам!»

Представляешь, сами голодные, а соперницу пожалела. Не её, конечно, а детей его.

– Что дальше было? – Жена уже не смотрела в окно, а внимательно слушала.

– А ничего. Так и жили по разные стороны деревни. Каждая своей жизнью. Ждали конца войны и мужа. Одна ждала законного, другая – любимого. Но уже в самом конце войны та, вторая семья уехала из деревни. Погрузили узлы на подводу и уехали. Бабушка не видела, это опять соседка пришла, рассказала. Наверное, ей какое-то время стало легче жить, но когда дед не вернулся ни в мае, ни в сентябре – он в это время в госпитале лежал, – бабушка решила, что муж выбрал вторую семью. Не знаю, как она это пережила...

– Думаю, для женщины это страшный удар. Лучше бы убили, – тихо сказала Ольга.

– Не знаю. Про это никто не говорил в нашей семье. А бабушка надеялась, даже ходила

к гадалке. Та ей сказала: «Жди. Он на пороге». И ночью стук в окно. Пришёл! Не обманула гадалка. – Я замолчал, вспоминая, как бабушка с особым чувством рассказывала именно этот эпизод. Наверное, чувство победы над соперницей радовало. Вернулся! К ней!

– А дальше! Что было дальше? – Жена с таким интересом слушала эту историю, как будто смотрела кино.

– Ну что дальше? Стали жить-поживать и детей наживать. И нажили ещё пять человек. Дед с войны хоть и пришёл инвалидом, но сила мужская в нём осталась. Уже совсем старым, телом старый, но не душой, он просил жену: «Ну Мотя, ну покажи сисечку». Представляешь, сидит такой старенький дед, одна нога свешивается с кровати, рядом стоит ведро для ночных нужд, но он всё ещё мужчина. И всю жизнь от Матрёны ни на шаг не отходил. Наверное, в благодарность, что выходила его после тяжёлого ранения. А ведь он и правда не хотел возвращаться... Зачем в семье калека? Привык быть сильным, а тут выходило, что ещё одним нахлебником сядет на шею жены.

За окном уже светало, ехать оставалось чуть больше часа. Когда мы вошли в комнату, дед не выглядел «отходящим», соседка переборщила в телеграмме. Сидел на кровати в чистой рубашке – по случаю ожидания гостей на его похороны – и улыбался.

– Привет, Санёк! Ты будешь первым, кто сильнее всех огорчился моей кончиной. Пройди, обними деда, – сказал он, протянув руки мне навстречу. **А**

Наталья БАРАНОВА

ПАМЯТИ ЗЕМЛЯКОВ МОИХ УШЕДШИХ

Нашиши о нас...

Конец душно-знойного июля и начало благодатного августа с его зарождающейся свежестью Павлов любил всегда. Особенно любил он это время в далёком безмятежно-мечтательном детстве. Уходящий летний месяц той поры был памятен не только последними знойными, лениво-безветренными денёчками, когда можно было вволю после дел домашних сельских, а в особенности после сенокоса, купаться в родном озере, но и тем, что была возможность в свободное время серьёзно заняться рыбалкой бреднем. Жара ближе к вечеру обычно спадала – уходила поближе к лесам да полям-лугам дальним, уносила с собой духоту.

Карась, что в изобилии водился в местном озере, подавался ближе к берегу, туда, где мельче, в островки травы, что в летнее жаркое время поднялись зелёными куренями вдоль всего берега. В особенности карасю давно приглянулись «коровьи пляжи», места водопоя

животных. Скот в это время любил заходить в воду и подолгу там стоял, спасаясь от назойливого овода, который был в этот период особо агрессивен. Деревенские давно подметили, что через часок-другой на это место непременно «приходили» обитатели водного царства.

Было чем поживиться карасям, неплохой стол всегда был «накрыт» после ухода скота на пастбища. Этот момент активно использовали местные мужики, а в их отсутствие этим с большим удовольствием занималась подрастающая разнокалиберная деревенская «гвардия». И конечно, сильно гордилась – а то, добытки, кормильцы. Надо сказать, гордость эта обоснована: подчас ребятам серьёзно везло. Уловы были довольно приличными – хватало на уху и жарёху всем: и основной «бригаде», что с бреднем ходила, и крутящимся около «подсобникам». Весомые уловы уносились с берега озера-кормильца в рубашках или сатиновых летних штанах.

С каким достоинством растекалась ребятыня по сельским улицам, неся на плечах честно заработанный пай, которому будут рады дома!

В эту славную пору любил Павлов тогда и «бригадные» походы в лес, который манил грибным запахом. Особенно хорош был светлый берёзовый лес в ту пору, когда начинали выбегать на край солнечно-ягодных подлесков сырые грузди.

Именно об этом вспомнил сейчас Павлов, глядя за окно скорого поезда, который нёс его на малую родину, в его далёкое детство. Он ехал, чтобы в кругу родных и близких отметить памятную дату – сто лет со дня рождения его любимой бабушки, которая покинула бренный этот мир девять лет назад.

Снова подошёл август, с духмяным ароматом свежескошенного сена, со стойким запахом укропа и созревающих яблок. По садам-огородам смешанно пахло всем поспевающим, радовали сочными красками набирающие силу осенние цветы. Пахло ещё чем-то непонятным, но таким родным и земным.

Павлов вспомнил, как эти дни любила его бабушка – уральская казачка Дарья, Дарья-солдатка – так звали только её в родном селе, хотя солдаток и вдов в селе и округе было предостаточно. Андрей помнил, как она всегда ждала с каким-то особым нетерпением и боязнью этот осенний месяц. И не только потому, что в августе был её день рождения. Она всегда говорила: «Мне кажется, детки, что это последний месяц моей жизни, последняя осень». Сколько он помнит детство – раньше её день рождения проходил незаметно, буднично, в осенних трудах и заботах. В разгаре сенокосная пора, тяжёлая выматывающая работа. А если в этот период зависали над округой «обложные» дожди, приходил «сеногной», какие уж тут радости, не до веселья и праздников было. Так, рассказывают, было и до войны, когда семья была в полном составе, и после войны, когда за столом горько-праздничным пустовали места мужа и сыновей-сокольников её, подружек закадычных и соседей-воинов. И только на закате жизни, когда радости от бытия земного стано-

вилось всё меньше, а дум и забот всё больше (нет, не о себе, а о внуках и судьбе их), стала она радоваться дню этому загодя, ждать, как светлый престольный праздник.

Так было и на её семидесятилетие. Решила она сделать этот осенний день праздником не для себя, а для своих друзей и близких. Чтобы помог этот день хоть немного подняться над серостью будней и забот, чтобы брызнул он в душу красками ярко-грустных воспоминаний о жизни довоенной, о поре, когда они были все молоды, здоровы и счастливы, а главное, были вместе с близкими и любимыми. Будучи по природе своей натурой неужемной и деятельной, Дарья Матвеевна стала готовиться к празднику основательно и загодя.

И, улыбаясь, рассуждала: радость так радость, пусть будет всё по-простому, но от души. Что можно было приготовить в такую пору, какие разносолы-деликатесы поставить на стол званый, праздничный? Конечно, должна быть «королева» – молодая картошечка. А как без грибочков в пору эту – будут и лисички, и боровички жареные, груздочки и огурчики малосольные.

Непрременно караси в сметанке, сало солёное и копчёное и крошечка холодная. И удивит она всех блюдом, что когда-то в детстве, до революции, ставила на стол её мама на Пасху, – поросёнком цельным, начинённым капусткой квашеной, да с хреном. Поросёночек уже ждал своей участи в стайке на особом рационе. К столу будет подано пиво хмельное домашнее да брага зрелая ядрёная. Будет вино и водочка. Всё в меру, но сытно и пьяно, говорила тогда бабушка. Так оно и было – вспомнив то давнее застолье, Павлов улыбнулся, и на душе стало тепло. Столы тогда накрыли на небольшой прибранной ограде, что радовала ещё приличным травяным ковром.

Прибыли родные и близкие, были соседи и друзья, солдатки-подруги.

Настроение за столом торжественно-радостное, прежде всего от встречи этой и единения, от той теплоты и атмосферы, что уже царил за столом, который радовал простотой,

но избылием. Разговоры сразу стихли, когда поднялась Дарья Матвеевна. Поднялась степенно, ветрами и жизнью иссушенная, стройная, казацких кровей, всё повидавшая женщина.

Начала просто, но слова её входили в сердце каждого, кто присутствовал на простом торжестве:

– Да, любезные мои дети и внуки, друзья и подруги, соседи дорогие. Мой сегодня праздник, и душа моя счастлива, светлее стала оттого, что вы все здесь, со мной. Сердцу моему шибко хочется, чтобы во главу стола этого хоть на минуточку присел бы муж мой, Василий Прокопьевич, а рядышком сыночки старшие да соседи-воины, что в годину тяжкую ушли вместе шляхом пылящим. Чтобы глянули они на то, как мы живём, как кругом поднялось всё и похорошело, как поднялись и возмужали дети и внуки солдат-защитников. И на нас бы глянули, на лебедушек своих, – что с нами сделала война проклятая. Многих своих родных не увидели бы они за столом праздничным – погибали не только там, на полях кровавых ратных, погибали и в тылу. Погибали от горя и работы непосильной, оттого что жили голодно, отдавая последнее фронту и деткам нашим. Но мы бы сегодня с гордостью сказали им: мы сдюжили, выжили, и детей подняли, и не посрамили солдат наших. Вот за это давайте и выпьем. За нас выпьем, за Память и за тех, кто всегда встаёт на защиту Отечества нашего и громит супостата, взащей гонит его с позором с земли русской святой.

Всегда немногословная, немного даже суровато-замкнутая, занятая вечными делами, удивила тогда эта простая деревенская женщина словами своими тех, кто был за столом, прежде всего удивила родных. Загорело тогда в груди у Андрея от слов этих и от гордости, что есть у него такая бабушка, что он принадлежит к родове этой, что всё вынесла в годы лихие.

Чувствовалось, что слова те близки стали и всем гостям, приняли их души присутствующих, приняли с благодарностью, так как было сказано то, о чём думал каждый сидящий за праздничным столом. Через какое-то время, когда закончилась очередная застольная песня,

заговорила снова бабушка. От пива хмельного и от песен душевных она была уже не такой скованной. На лице был румянец, и она чаще улыбалась.

– Ещё буду говорить – хочется мне сегодня говорить, глядя на всех вас. За всю жизнь выговориться хочется. И кто знает, будет ли такое застолье ещё в моей жизни и соберётесь ли вы все. Под Богом ведь ходим. – Дарья Матвеевна ненадолго замолчала, с теплотой оглядывая дружное застолье. Потом снова тихо заговорила: – Буду говорить сейчас о тех, кто за столом этим, кто был со мной в жизни этой непростой всегда рядом, плечо подставлял, крохой последней делился с детьми моими.

Вот сидит со мной подруга моя, Груня Соловьёва. Она всегда рядом. Молчалива и надёжна. Те, кто помлаже, видят всегда Груняшу в одном одеянии – в тёмных одежах с длинным рукавом да платке тёмном, подбирающем давно седые волосы. А вот те, кто старше, ровесники наши, помнят Груню другой. С баской русской косой, весёлую дивчину и песенницу. Без её песен не обходилась ни одна вечеринка ни в то время, когда единолично жили, ни после революции. Огонь-девка была, сарафаны яркие носила, парнями хороводила. Даже чуть Василия моего не увела однажды. – И бабушка улыбнулась, прижала к себе сидевшую рядом седую женщину: – Помнишь, подруга?

А одежу такую носить она стала, чтобы скрыть следы от ожогов страшных, что на теле и на руках. На заре новой власти спасала она с двумя комсомольцами хлебушек артельный семенной из горящего амбара на бригаде, где дежурили по ночам. Кулаки-мироеды убили тогда одного из них и подожгли амбар. Обгорела певунья наша, и с косой пришлось распроститься. Но она сильная, поднялась – трактористкой стала, в бригаде со мной работала, закопёрщицей во всём была. Семью создала, мальчонку в двадцать четвёртом родила, через год девчущку – красавицу, материну копию. Сгинули они все в войну: Семён вместе с моим Василием под Смоленском в сорок третьем, Федя, старшенький, ещё раньше под Москвой. А Катерина, радистка-партизанка,

погибла где-то в белорусских лесах. Вот такая доля у подружки моей. Но не сломалась она, понимала: жить надо, потому что не одна такая. Племянника-ленинградца нашла, что остался один без родителей. Подняла, на ноги поставила – Витька-то её теперь капитан, на Балтике служит. Давайте, люди хорошие, выпьем напитка хмельного за Агриппину Степановну, за таких, как она. Я так понимаю, бабы крепко подмогли Отечеству и в этот раз, твёрдо стояли вместе с мужиками нашими, вместе донесли знамя Победы до логова нелюдей этих.

После того как выпили, воцарилась за столом тишина.

– А давай-ка, подружка, нашу, – приобняв Груню, весело сказала виновница торжества, – давай «Конь гулял на воле».

Степановна весело посмотрела на Дарью, в глазах её блеснули чертенята, и вот уже женщину не узнать, она преобразилась. Чуть откинувшись, она запела, запела тихо, но постепенно голос её крепчал, набирал силу и вдруг словно взлетел, брызнул в темнеющее вечернее небо. Голос у Степановны был действительно красивый, сочный, завораживающе-зовущий. Сейчас, при воспоминании о праздничном вечере и том, как пели за столом, Петрову на память пришли стихи:

Выплеснуло песню ветром в поле,
И она, волнуя, поплыла...
Пели о судьбе, о женской доле
И как опалила всех война.

Пели о родной своей сторонке
И как нелегко в разлуке жить.
О солдатках пели и девчонках,
Что умеют счастьем дорожить.

То вздыхала, приобняв берёзку,
То бежала, весело смеясь,
То брела печально по дорожке,
Слёз своих по-бабьи не стыдясь.

То взлетала клином журавлиным,
То хлебами спелыми брела.
Воспевая отчий край былинный,
За собою вдаль сердца звала.

В тот вечер были ещё песни, было много слов о жизни, о собравшихся гостях и о бабушке его.

Но в памяти остались слова старого школьного учителя Митрофана Григорьевича Самойлова. Сам он родом из Донбасса, приехал вместе с женой в начале июня сорок первого погостить у старшего сына, которого направили на завод в Омск. А тут война польхнула и покатила по стране – горел и Донбасс его родной. Так и остался учитель в Сибири. Получил направление в нашу школу. Оба сына его погибли, жену схоронил здесь, здесь же, в райцентре живут и старшие внуки.

После очередной песни, выдержав «учительскую» паузу, он заговорил тихо:

– И всё-таки, дорогие друзья, с вашего позволения я скажу о виновнице сегодняшнего торжества, как бы Дарья Матвеевна, в силу своей скромности, ни была против. Древний я уже, на десять лет Ленина моложе. Доподлинно знаю, не доведётся боле слов на народе держать. Да и сегодня неважно себя чувствовал – но побыв с вами, послушав песни наши душевные, воспрял душой, заслезилась она, расчувствовалась. Семью свою вспомнил, молодость, дорогих мне людей. Донбасс свой вспомнил – не бывать мне там уже никогда, не посидеть у куреня отчего... – Старик на некоторое время замолчал, стал вытирать влажные глаза. Потом продолжил: – Мы знакомы, почитай, тридцать лет. Прибыли мы сюда по направлению в конце сорок первого, застали ещё и мужа её, Василия, и парней. Мы не только соседствуем, мы всегда тянулись душами друг к другу. Жена моя, покойница, сильно уважала Дарью Матвеевну не только за простоту и готовность поспешить на помощь, но и за мудрость её и надёжность житейскую. Открою секрет: Наталья Петровна любила её как дочку. Всегда говорила: «Как тяжело живётся нашей Дарьюшке – как за дочь, сердце моё разрывается».

Всем тогда тяжело жилось, и мы не исключение. Когда жена после известий горестных слегла, совсем плохо нам было. Дашенька находила время забежать, чтобы поговорить, поддержать, что-то принести из последнего. Лёшка, младший, непременно летом рыбки

приносил, грибочков, а зимой то куропаточку в силки поймает, то зайчишку, и всегда делились. Дочка, Полюшка, за внучку нам была: и в магазин всегда бегала, и порядок в доме помогала наводить. А всё это воспитание – с детства приучены были дети к труду, а главное, к состраданию. Помогают все мне и сейчас.

Неудивительно, что дети её шагнули дальше родителей своих замечательных, не говоря уже о внуках. И всё это заслуга её. Спасибо тебе, дочка, за всё – за сердце твоё неравнодушное, за надёжность твою, за скромность и человечность.

И он по-отцовски обнял и крепко прижал к себе подошедшую плачущую Дарью Матвеевну.

Дня через два, собравшись тогда в дорогу – через неделю нужно было быть с группой на уборочной в одном из закреплённых за институтом совхозов, – Андрей сидел и пил на дорожку чай с бабушкой. Он как-то отстранённо смотрел в окно, за которым стала желтеть и сбрасывать лист червонный его любимая берёзка.

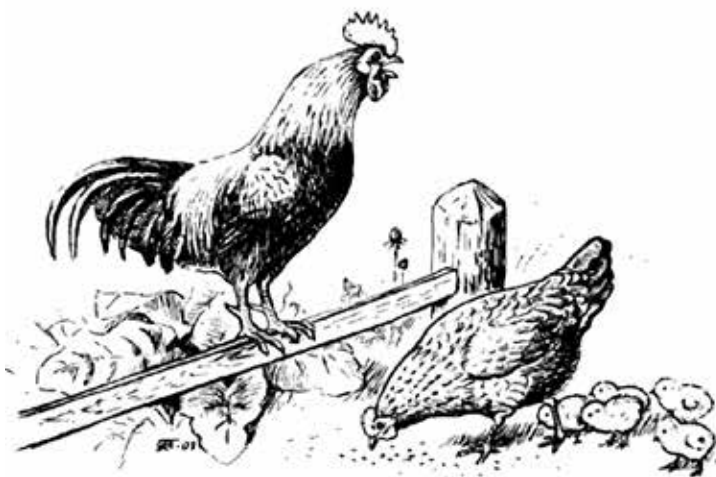
– О чём задумался, внук? Уезжать не хочется? Понимаю. Прикипела душа к земле отчей, всё здесь твоё, всё дорого. Но это жизнь – нужно ехать. Ты подумай, какие дали откроет тебе учёба, сколько людей интересных встретишь, дальше шагнёшь. За сынов моих шагнёшь. И я верю: достойно пойдёшь дорогой своей.

– За это не переживай, дорогая моя. Помню я, чьих кровей, и памятью этой жить буду. Не о том думается. Ты знаешь, не идёт из головы твой юбилей, вечер тот. Ты, да и люди, что по-другому для меня открылись. Как хочется об этом написать, чтобы в памяти осталось.

Видно было, не ожидала она этого, с удивлением посмотрела на внука:

– А вот это одобряю! Напиши, внук, напиши о нас, о времени нашем. Заслужили люди это, поверь. Но только не торопись, правду напиши: пропусти всё, что видел и слышал, через сердце, и я верю, у тебя получится. **А**

Владимир ГЕРАСИМОВ

Косогор! Любовь моя!

Домик

Домик Ксени

Рассвет на троих

Юрий САМОХВАЛОВ

Родился в 1949 году в р.п. Первомайский Тамбовской области. По профессии педагог. Много лет работал директором Никольской средней школы, преподавал школьникам уроки физики. Юрий Дмитриевич – известный поэт в Первомайском районе и за его пределами. Многим людям из разных мест Тамбовщины он посвятил свои замечательные стихи. Юрий Дмитриевич часто печатается в районной газете «Вестник», является одним из соавторов четырёх коллективных сборников стихов творчества первомайских поэтов и литераторов и коллективного сборника стихов тамбовских педагогов, является активным участником клуба любителей поэзии «Первомайская лира», который действует на базе Центральной библиотеки р.п. Первомайский.

О селе Никольское

Селу Никольское сравнялось
 Уже сто шестьдесят пять лет.
 Из года в год оно менялось,
 Преображая свой портрет.
 Как прежде, палец мой на пульсе
 Когда-то бурного села.
 В садах от яблок ветки гнулись,
 В прудах же рыба карп плыла.
 Поля все колосились тучно
 Пшеницей, рожью, ячменём.
 Да и картофель «рассыпучий»
 Родил наш чудо-чернозём.
 Скота и птицы всякой море
 Водилось, и не перечесть!
 О том, как раньше жили, спорят,
 Не забывая совесть. Честь.
 Жаль, чаще птиц мы слышим пенье,
 Не слыша шума тракторов.
 А описать все измененья,
 Наверное, не хватит слов.
 Увы, подъёма нет былого,
 По основным канонам спад.
 Но вот за честь села родного
 Пожертвовать всем каждый рад.

О сельском парке

Никольский парк нельзя сравнить
 С другим каким-то, и не надо.
 Как невозможно не любить
 За то, что все бывать там рады.

Кто парк разбить смог так умело,
 Тот с математикой знаком.
 Сказать, пожалуй, можно смело –
 Своё находит каждый в нём.

Среди пяти аллей нет лучшей,
 По-своему все хороши.
 И в парке не бывает скучно
 В плену растительной тиши.

Он как букет, но из деревьев –
 Оазис посреди степей.
 И парк стоит одной из первых
 Задумок славных у людей.

В нём первомайцы отдыхали,
 Ведь рядом был прекрасный пруд.
 О парке все в округе знали,
 И всем хватало места тут.

Я приезжал в парк пацаном,
 Теперь бывают тут внучата.
 Вновь вижу радость жизни в нём.
 И сердце щемит, как когда-то.

В любое время парк прекрасен:
 Зелёный летом, бел зимой.
 Старались предки не напрасно,
 Оставив память за собой.

Приходят земляки сюда
 И, навестив село родное,
 Парк покидают на года,
 Но помня место дорогое.

Я многое помню из детства

Николай ЧЕРБАЕВ

Я МНОГОЕ ПОМНЮ ИЗ ДЕТСТВА

Я многое помню из детства,
Но многое мог и забыть.
Наверное, нет того средства,
Чтоб в памяти всё сохранить.

Но что в моём сердце хранится,
О том расскажу вам, друзья.
Скажу вам, что часто мне снится
Родная деревня моя.

В те очень далёкие годы,
Когда ещё был я мальцом,
Работал, как все, в огороде,
Навоз вывозил я с отцом.

Полол я и свёклу в колхозе,
Старался, чтоб маме помочь.
Колол я дрова на морозе,
Чтоб в доме тепло было в ночь.

О газе тогда не мечтали,
И дров было трудно купить.
Колючки в лесу собирали,
Чтоб печку зимою топить.

Носил из колодца я воду,
Чтоб грядки в саду поливать.
Конечно, хотелось свободы,
Подольше с друзьями гулять.

Из дома мы быстро скрывались,
Когда разрешали гулять,

Мы шумной гурьбой собирались,
Чтоб в разные игры играть.

Но всё же те детские годы
Приятно сейчас вспоминать!

Бывало, наступит уж вечер,
И стадо уж гонят с лугов.
Корову Малютку я встречу,
Во двор загоню – под засов.

А мамы нет долго с работы,
Всё держат в колхозе дела.
Берёшь на себя все заботы,
Пока мать домой не пришла.

Бывало, почищу картошку,
На грядке нарву огурцов;
Я мог даже сделать окрошку.
...И ужин для мамы готов.

И даже такое бывало,
Что шёл за отца на покос.
Хоть лет мне тогда было мало,
Но было всё строго, всерьёз.

Косил в один ряд с мужиками,
Под пятки косарь сзади жмёт;
Кричит: Ложі траву рядками,
Спешу, парень, время не ждёт.

Вот солнышко высушит росы
И жёсткою станет трава;
Затупятся звонкие косы;
Спешу, пока влага жива».

ДОМИК ДЕРЕВЕНСКИЙ

Наутро всё тело болело,
В мозолях ладонь, не разжать.
Но делал я взрослое дело.
Приятно сейчас вспоминать.

И в доме во время уборки
Я с матерью был заодно.
Снимал с окон пыльные шторы
И чистил газетой окно.

В деревне мы много трудились,
В деревне всегда много дел.
И в школе прилежно учились;
Прилежным был тот, кто хотел...

Учитель учил бескорыстно,
Для нас время он не жалел.
Для всех было делом привычным,
Когда вместе с нами сидел

До позднего часа он в школе,
Чтоб был весь усвоен урок.
Я тайны вам тут не раскрою:
Учили мы всё назубок.

А в школе нам с детства внушали:
Трудиться есть высшая цель!
Мы свёклу в полях убирали...
Как жаль, что не так всё теперь.

Теперь уже дети другие,
Ведь время не то, что тогда.
Одежды у них дорогие,
Не знают ручного труда.

Быть может, оно так и надо,
Чтоб меньше им взрослых забот,
Чтоб жизнь была их «в шоколаде»,
Чтоб лёгким был жизни полёт.

Быть может, не так уж всё сложно?!
Страна по-другому живёт!
Что было, вернуть невозможно.
И цель наша – только ВПЕРЁД!

Домик деревенский,
Простоватый вид.
Видно, годы долгие
Грусть в себе хранит.

Домику убогому
Будто сто уж лет.
Вечерами тёмными
Не горит в нём свет.

Потемнели стёклышки
В перекрестье рам.
В них не отражается
Солнце по утрам.

Брёвна заморщились,
Сгорбилась труба.
По всему, нелёгкая
У него судьба.

Видно, был оставлен он
Много лет назад.
На заборе заросли
Плетями висят.

Тропки не натоптаны,
Ржавчина в петлях.
Замерли навечно
Скрипы на дверях.

Доживает домик
Одиноко век.
По ночам вздыхает,
Словно человек.

Не забыл хозяев,
Помнит все года.
Знает, что расстался
С ними навсегда.

И ему не спится
Годы напролёт:
Кто-то вдруг вернётся!..
Кто-то вдруг войдёт!..

СТОЮ У РЕКИ РАННИМ УТРОМ

Стою у реки ранним утром
И просто на воду смотрю.
Смотрю, и мне кажется, будто
Вновь жизнь проживаю свою.

Течёт моя жизнь, словно речка:
То прямо, а то – поворот.
А я в ней как будто дощечка:
То вниз по волне, то – на взлёт.

И сколько мне волн тех осталось
По жизни ещё испытать?..
О Боже! Как время промчалось!
Мне счёт его вновь не начать!

Поднимется жизнь моя вскоре
На гребне последней волны.
Скатившись, навечно утонет
Под грусть бледнолицой луны.

ЛЮБЛЮ ВЕСНУ ВСТРЕЧАТЬ Я НА РАССВЕТЕ

Люблю весну встречать я на рассвете,
Когда вдали чуть теплится заря,
Когда с полей теплом уж дышит ветер
И гонит вдаль остатки февраля.

Люблю смотреть в бескрайность небосвода,
Где друг на друга наплывают облака.
Я вижу там картину ледохода,
Где льдом звенит весенняя река.

Люблю я вскрик летящей с юга птицы;
Он откликается мне радостью в душе.
Окончен перелёт из дальней заграницы,
Земля родная под крылом уже!

Люблю весну как жизни обновленье,
Как новый старт к началу бытия.
Как будто позади невзгоды и сомненья.
Как будто всё с начала, всё с нуля?!

* * *

Взошло ядовитое семя,
Вдруг час испытанья пришёл.
Нам очень короткое время
Господь на раздумье отвёл.
Не время решать, кто сильнее,
Кто больше поставил ракет.
Здесь выживет тот, кто добрее,
Другого здесь выхода нет.
Злой тучей навис над планетой
Тот дьявольский вирус, как смерть.
Его не прикроешь ракетой,
Ему всё равно, кто ты есть!
Мы все перед смертью едины:
Будь беден ты или богат.
Но Бог любит всех: и невинных,
И тех, кто во всём виноват.
Так встанем злу вместе навстречу,
Друг друга от зла защитим.
Отложим враждебные речи
И жизни свои сохраним.
Взошло ядовитое семя,
Вдруг час испытанья пришёл.
Нам очень короткое время
Господь на раздумье отвёл.

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Ни война, ни разруха, ни голод
Не сломили дух русских людей.
Кто был стар и кто был ещё молод –
Все служили Отчизне своей:
Кто сражался с врагом в битве грозной,
А кто поле пахал на себе.
От зари утром ранним до поздней
Шли к победной счастливой звезде.
На заводах трудились ударно,
И на фермах ударным был труд.
В новостях было слушать отрадно,
Как солдаты врага крепко бьют.
Так ковали победу все вместе,
На защиту встав дружной семьёй.
На земле нашей нет врагам места,
И нет места врагам над землёй!

НЕ БЛАЗНИ

ГЛАВА ИЗ РОМАНА «ЛЮДИ ДОБРЫЕ»

– Ты это, парень, не блазни, бутылку-то спрячь – в завязке я. – Коля-танкист протестуяще выставил вперёд раскрытую ладонь. – Вот поседни бы не отказался, а теперь – всё. До осени – ни граммулечки. Завтра навоз на поля вывозить начинаю, потом – сев, сенокос, уборка, не до пьянки. У меня правило твёрдое: работать так работать, а пить так пить.

– Чтобы от кальсонов перегаром пахло? – пошутил Вадим.

– Вот народ! Уже и поговорку мою сказали? – И расхохотался: – А я этак-то однажды сказал, так и приклеилось. Вот не умею я что-либо вполсилы делать. Уж пить так пить,

работать так работать, любить так любить! Из-за этого и неприятности все у меня по жизни. Не-е-ет! По работе-то претензий ко мне нету, потому как за троих работаю, когда в завязке. Тут больше у меня обиды должны быть, что я пашу, а награды другим достаются. Да и не из-за наград я, просто не умею иначе. А награды были. Были, да просрал. Хотя тебе, поди, и об этом тоже уже понарасказывали.

– Говорили, что у вас было несколько орденов и медалей.

– У нас тут про награды-то мои никто и слыхом не слыхивал. Как вернулся я из лагеря, где за предательство десять лет отсидел, так

все предателем и звали. Как воевал, никто не знает, а что в плену да в нашем лагере отсидел, так каждый в курсе. Это на двадцатипятилетие Победы военком на торжественном собрании, когда про подвиги земляков рассказывал, брякнул в докладе, что в числе других геройски воевал и Николай Степанович Орлов, три ордена имел да пять медалей, до старшего лейтенанта дослужился, но попал в плен, а после освобождения был судим военным трибуналом за предательство и лишён всех государственных наград. Тогда у нас председателем сельсовета, тоже из ветеранов, Степан Григорьевич был, после доклада подходит и спрашивает, мол, это какой такой Орлов, не наш ли случаем, не из Горемыкино ли? Военком и говорит, что горемыкинский. Вот так здесь про ордена узнали, вроде по-другому относиться стали, а всё одно в сердцах кто-то нет-нет и брякнет: «Предатель!»

Коля-танкист тяжело вздохнул, почесал затылок, будто раздумывая, открыться приезшему до конца или так и хранить свою тайну.

– Ты это, в газету, что ли, писать про меня собираешься?

– Ещё не знаю. Если что-то интересное расскажете, может, и напишу.

– А интересного-то и нету ничего. Всё пьянка.

– Но вы же ордена не за пьянку получали.

– Да всяко бывало. Намахнёшь перед боем свои наркомовские дак с хмельной-то головой куда хошь летишь как угорелый. И кум королю и чёрту товарищ. Ничего не страшишься, только азарт какой-то да злость неумённая. Это потом, когда я командиром танкового взвода стал, запретил своим пить перед боем, чтобы иметь трезвую голову и уметь оценивать обстановку. А после боя, конечно, пили. Поди, на фронте и втянулся.

– А в окружение трезвым попали?

– Какое окружение?

– Ну когда в плен попали.

– Да какое на хрен окружение?! В мягкой постели меня окружили. В чём мать родила.

– Это как же так?

– А вот так! На хуторе с бабой в постели покувыркался и заснул. А тут немецкая разведка среди ночи на хутор пришла, ну меня и

повязали. Так голым, с завязанными за спиной руками и предстал перед ихними командирами. А один из разведчиков одежду мою нёс. Разложил на стуле, показывает, мол, офицер, наград куча. Довольный, что добыча важная попалась. Ну отдали мне форму, допрашивать начали. А я как обухом по голове стукнутый, ни во что не врубаюсь. Одно на уме – это надо же перед концом войны да так вляпаться! Вот что, парень, водка да бабы с нами делают. Все беды от них.

– А в плену как выжили?

– Да как выжил? Так и выжил. Меня, верно, обменять хотели на кого-то из ихних или ещё какие виды имели, а только через два дня наши в наступление пошли, так я снова у своих и оказался.

– Снова в бой?

– Сразу видно, парень, что ты совсем молодой. Да кто же меня в бой-то бы пустил, коли я в плену был да с ихней бабой путался? Меня сразу под белы ручки в Смерш отвели. Про Смерш-то слышал небось?

– «Смерть шпионам».

– Вот-вот. Смерть шпионам. А к этой категории относили всех, кто в плену побывал. Ну а у меня ещё и связь с врагом была вдобавок.

– Как вы говорите, баба та немкой, что ли, была?

– Вот именно.

– А разве нашим солдатам не запрещалось иметь отношения с... – Вадим замялся.

– С ихними бабами, хочешь спросить? Запрещалось, конечно! А только где на всех своих-то взять? А мужики молодые, до баб охочие. Да они и сами на волю победителя отдавались. Бабы-то тоже, я тебе скажу, люди. Мужей на фронт забрали, многие за войну овдовели. А тоже молодые, кровь-то бурлит, тоже без мужика оголодали, тоже организма улады требует. Бывало, правда, если кто из наших снасильничает, под трибунал отдавали сразу же, а коли по согласию, кто же за каждым уследит. Чтобы хоть как-то кобелиный пыл усмирить, наши политруки пропаганду вели, будто немки специально сифилисом заражаются, чтобы таким образом боеспособность Крас-

ной армии снизить. Да только мужики завсегда разве головой при виде бабы думают? Ну вот и я так с одной молодой немкой уединился. Красивая, я тебе скажу, спасу нет! А уж до того в объятых горячая, что и не высказать. Вот у нас и завертелось! Мы тогда две недели стояли в ожидании приказа. Отдыхали, пока наверху командиры что-то кумекали, от разведки сведения ждали да решали, в каком направлении дальше двигаться. А безделье, я тебе скажу, в любом деле хуже некуда. А на войне вообще преступно. От безделья, когда и письма всем написаны, и техника на сто раз смазана да проверена, и комбинезоны постираны, солдат расслабляется, а в расслабленье этом про баб сверх меры думать начинает. Своих-то санитарочек да связисточек старшие офицеры прибрали, а солдатам да младшим командирам тоже за сиськи подержаться хочется. Может, в последний раз в жизни – война, она ведь свой график потерь личного состава ведёт, не по разрядке командира. Я же говорю, у меня правило – любить так любить. Мы с ней, немочкой моей, друг друга на словах не понимаем, я по-немецки только «Гитлер капут!» да «Хенде хох!» знаю, она по-русски ни бельмеса. Но вижу, я ей тоже люб, тоже по сердцу. Глаза так счастьем и брызжут, как встретимся. И до того она мне по нраву пришло, что я уж на второй-то неделе хотел рапорт командиру писать, чтобы разрешил на ней жениться. Раздумывал да раздумывал, а вечерами всё к ней на хутор, что в километре от нашего полка, бегал. Она-то лишний раз у наших солдат на виду показываться боялась, а я часто и днём, не таясь, ходил, по хозяйству помогал. Мало разве мужицкой работы у вдовы в доме найдётся? Домик-то, я тебе скажу, так себе, небольшой, но аккуратненький, чистенький, и всё необходимое для хозяйства имелось. Детей, как я понял, они до войны завести не успели, а может, что-то не заладилось с этим делом: мужик-то, судя по фотографии, был её лет на двадцать старше. Видно, раскоцегарить молодую жену до войны успел так, что она в моих объятиях-то аж воем выла от страсти. Да-а-а! Есть что вспомнить.

– Так это у неё вас и в плен взяли?

– У неё, родимой.

Коля-танкист снова тяжело вздохнул, вспоминая былые времена, опять почесал в затылке.

– Вы про Смерш начали... – перевёл Вадим рассказ в другое русло.

– А что Смерш? Там всё просто. С немкой связь имел? Имел. У немцев в расположении был? Был. Какие секреты нашего командования по поводу предстоящего наступления врагу рассказать успел? А какие я мог секреты рассказать, коли даже наши большие командиры про наступление ни сном ни духом? Но факт есть факт. В плену был, вызволен нашими войсками без следов пыток, значит, добровольно всё рассказал. Предатель. И как предатель должен быть подвержен суду военного трибунала. А за предательство мало не давали. Попал в Сибирь на 501-ю стройку. Железку от Салехарда вдоль Северного Ледовитого океана строили. Не успели. После смерти вождя народов стройку закрыли, нас в другой лагерь перевели. Потом ещё раз и ещё. Так все десять лет и отмантулил. Работа была тяжёлая, но зато вокруг все свои, такие же, как я, бедолаги. Это потом, дома, во сто крат тяжелее было – все вокруг: предатель да предатель.

– А куда-то в другое место уехать разве нельзя было?

– А куда ехать? Тут дом, мать совсем за-немогла от горя, что у всех сыновья героически воевали, а её сын предателем сделался. Матерям-то, я тебе скажу, куда тяжелее такой срам переживать. Председатель поначалу-то на разные работы отправлял, а как пришла пора пахать да сеять, на трактор-то и некого посадить. Чуть не половина мужиков на фронте полегла, многие за десять лет от ран померли, а те, что есть, кто без ноги, кто без руки – покалеченные. Здоровых-то единицы остались. А я танкист, мне много ли надо на трактор переучиваться? Сел за рычаги да поехал. Вот тут я от злости на себя, на судьбу коварную да на всех в округе и стал пахать. Поверишь ли, сутками из кабины не вылезал. Только топлива в бак залить, поесть да нужду справить. Откуда силы брались, сам не знаю. Верно, от злости той и брались. Вспахали всё, засеяли, и отдых. А я же отдыхать

не умею. Дома все дела переделаны, мать хоть и жалеет меня, а вроде как и стыдится сына, на людях вместе старается не показываться. Ну я и запил от горя, что родная мать, ничего про меня не зная, на людях сторонится.

– А вы матери не пробовали всё честно рассказать?

– Да как не пробовал! Когда домой вернулся, в первый же вечер хотел душу открыть. А она слушала-слушала да и говорит: «Не осуждаю я тебя, сынок! Верно, нелегко тебе на войне пришлось, да и в лагере жизнь не малина. А только мы тут, пока вы воевали, тоже не мёд ложками хлебали. Мне перед людьми совестно, что мы сутками работали, всё для фронта, всё для победы, вон, половина мужиков домой не вернулись, в каждом доме у кого сын, у кого муж, а у кого и все на войне остались. Живота своего не жалели, а мой сын предателем стал. Как я людям-то это объяснить должна?» Вот тогда я и замкнулся. Уж коли родная мать выслушать да понять не хочет, чего от чужих людей ждать?

Собеседники долго молчали. Потом Вадим спросил:

– Наладилось со временем?

– Да как наладилось... Матушка от пересудов совсем извелась. День Победы все празднуют, а у нас в доме будто траур. И мне напиться нельзя, потому что полевые работы в разгаре. Мать через три года совсем от горя исхудала да и преставилась. Хотел и я не раз на себя руки наложить, да смелости не хватило. На фронте каждый день убить могли, не боялся, а тут струсил.

– Но теперь у вас всё хорошо, насколько я знаю.

– А что хорошо? Что хорошо? – вдруг вскипел Коля-танкист. – Эти три дня плена мне теперь всю жизнь поминать будут. Тут как-то к ордену Трудового Красного Знамени хотели представить, потому что из передовых трактористов да комбайнёров не вылажу, лучшим в области не раз называли, а как документы подняли, увидели, что в плену был да десять лет лагерей отмотал за предательство, так и не дали. Премиию, правда, вручили. Ну я её всю в казну через магазин и вернул. Пил по-чёрному.

– Но у вас же семья, дети, значит, в этом плане всё хорошо. Душа радуется?

– А чему радоваться? Что сыновья после школы сразу в город смотались, чтобы им тут в лицо отцом-предателем не тыкали? Это хорошо? С женой вот всё ладно получилось. Живём душа в душу. Не побоялась за меня выйти, когда тут все нос воротили. Тоже пересудов немало было. Всё пережили. А вот что у меня до неё немка была, что я до сих пор её забыть не могу и по пьяному делу в доме ту Ирму ищу, легко ли простить? Но, я тебе скажу, теплее наших русских баб нигде не сыщешь. И баб, что до них были, простят, и пьянку, и кальсоны сраные.

– А где она сейчас, жена ваша?

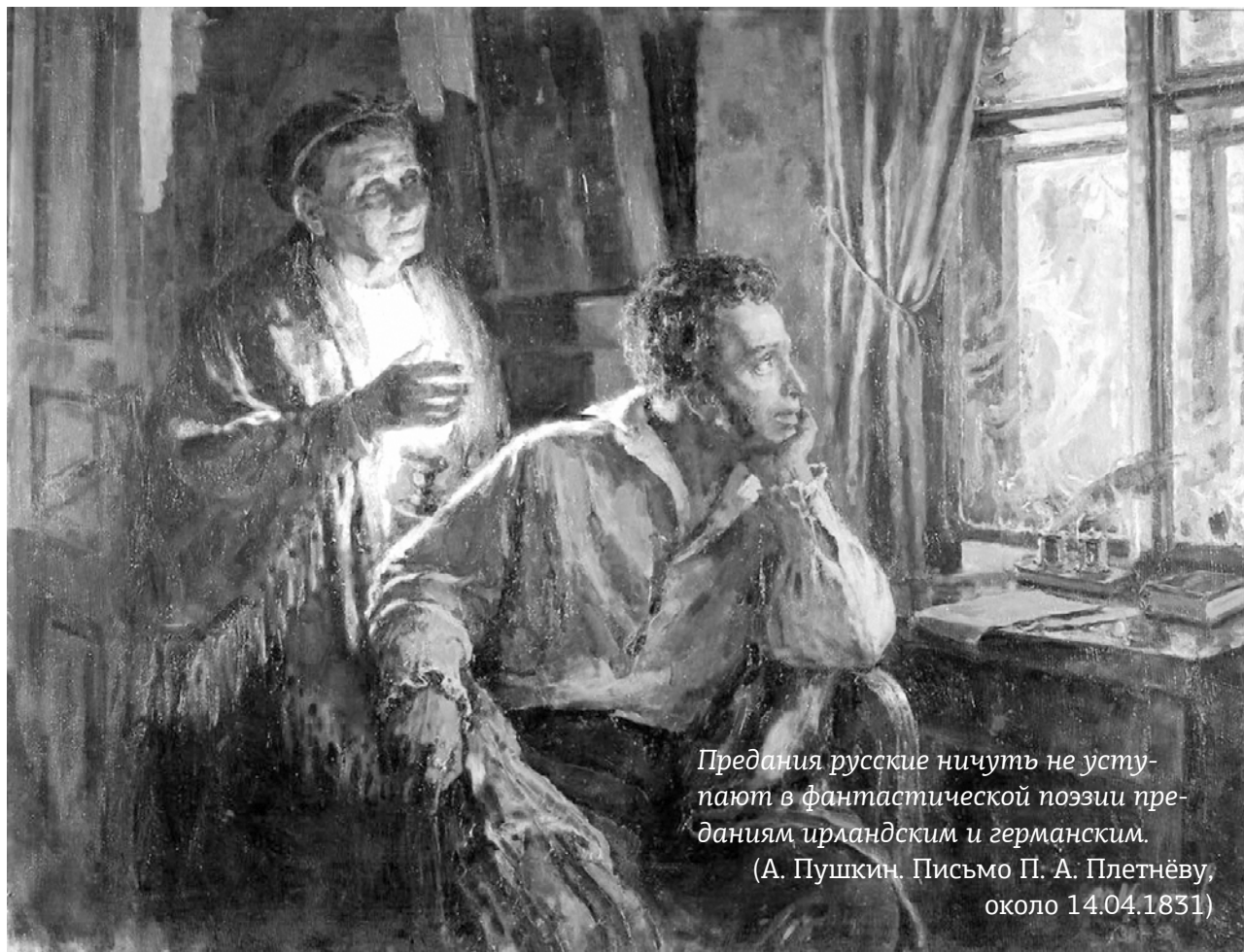
– В санаторий от колхоза отправили на две недели. Один я тут по дому управляюсь.

– Что, и корову сами доите?

– А что корова? Эка невидаль! Да корову у нас тут каждый с малолетства подоить может. – И снова тяжело вздохнув и почесав в затылке, отведя глаза в сторону, стыдливо выдавил: – Ты это, бутылку-то не увози. Уж коли начал блазнить, дак отдай. Что-то разбередил я душу этими воспоминаниями. Ведь первый раз в жизни открылся. Всё заново внутри перевернулось. Может, хоть полегчает. Тяжело это! Не блазни! **A**

Леонид ИВАНОВ

Леонид Кириллович Иванов родился в 1949 году в семье сосланных в Вологодскую область финнов. В семнадцать лет с восьмью классами образования и несколькими написанными рассказами был принят литературным сотрудником в редакцию газеты «Волна», затем всю жизнь проработал в журналистике. Сначала, до армии и после, – в районной газете, затем на областном телевидении, после этого полтора десятка лет был корреспондентом газеты «Труд». В настоящее время – редактор литературно-художественного альманаха «Врата Сибири». Автор 20 книг прозы, лауреат многих международных, всероссийских и региональных литературных премий. Печатался в журналах «Наш современник», «Бийский вестник», «Огни Кузбасса», «Берега», «Чаша круговая», «Karelia» и др. Живёт в Тюмени, возглавляет региональное отделение Союза писателей России.

Предания русские ничуть не уступают в фантастической поэзии преданиям ирландским и германским.

(А. Пушкин. Письмо П. А. Плетнёву, около 14.04.1831)

ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ

Зима 1924 года. Село Михайловское, что неподалёку от древней границы псковских земель с Литвой и Польшей, утонуло в снегах. Ветер метёт над старинной дорогой, по которой хаживали полки Лжедмитрия, хватает пригоршни снега и бросает их в освещённое окно барского дома. За морозными узорами на стёклах тепло и тихо. Лишь тяжёлые часы неутомимо отсчитывают время да потрескивают свечи в канделябрах. Робкая восковая слеза с оплывшей свечи падает на ворох старых бумаг

на столе. За столом Пушкин. Не слушая завываний за окном, он то лихорадочно пишет, то безжалостно черкает написанное, то нервно кусает кончик гусиного пера. Над чем он так напряжённо думает, что мнится поэту в глуши изгнания? Вспоминается 1820 год, когда среди петербургских повес распространился вдруг слух, что за непочтительные сатирические стихи он будто бы был высечен в Секретной канцелярии? Припомнилась дуэль с оскорбителем, безумное отчаяние и мрачные думы о

самоубийстве? Или всемилостивейшее повеление Его Императорского Величества, соблаговолившего заменить Соловки на Молдавию?

Всё теперь позади: первая угроза ссылки на север, тоскливые годы кишинёвского изгнания, напрасные ожидания торжества справедливости, надежда возвращения в свет к друзьям и любимым и как гром среди ясного неба высочайшее повеление отбыть в Михайловское под надзор уездного предводителя дворянства. Затем постыдная слежка за Александром, организованная перепуганным отцом, последовавшая за этим ссора, семейный скандал с тенденцией перерасти в уголовное дело о покушении на отца и ежедневное ожидание «рудников Сибирских и лишения чести».

Пронизывающее дыхание Сибири донеслось до псковских полей, ознобило пылкую душу и проникло между строк рукописи на рабочем столе поэта. Слово «Сибирь» неоднократно звучит в её тексте. Под гусиным пером рождается трагедия, равной которой не будет в XIX веке, – «Борис Годунов». Действие её происходит то в Литве, то в Польше, то в Москве, но за всем этим незримо стоит Сибирь. Вот, например, сцена в царских палатах. Царевич Фёдор Годунов, склонённый над чертежом земли Московской: «Наше царство из края в край. Вот, видишь, тут Москва, тут Новгород, тут Астрахань. Вот море. Вот пермские дремучие леса, а вот Сибирь...»

Не случайно царевич не упоминает Урал – он тогда входил в Пермский край, через дремучие леса которого вели пути в Сибирь. Мимо Пельма, по пути Фёдора Курбского, или через Верхотурье, по пути Ермака.

Стал ли бы Пушкин описывать эту древнюю, составленную в начале XVII века карту, если бы точно не знал о её реальном существовании? Я думаю – нет. До наших дней дошли две такие карты, составленные Годуновым в разные годы. В латинской легенде к одной из них, отпечатанной в 1613 году в Амстердаме, прямо говорится, что она составлена по чертежу царевича Фёдора Годунова. Другая, «карта Сибири и части Тобольска», была напечатана в Москве в 1668 году по указу царя Алексея

Михайловича: «176 года ноября в 15 день, по указу царя и Великого князя Алексея Михайловича, вся Великая и Малыя и Белья России самодержцев, збиран сей чертеж в Тобольску за свидетельством всяких чинов людей, которые в Сибирских во всех городах и острогах кто где бывал и городки и остроги и урочища и дороги и земли знают подлинно, и какие ходы от города до города, да от слободы до слободы, и до которого места и дороги и земли и урочища и до земель в скольку дней и скольку езду и верст, и где меж слобод Тобольского уезду построить от приходу воинских людей по высмотру стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова с товарищи, какие крепости и по скольку человек в которой крепости посадить драгун, к какой крепости скольку ходу дней и недель степью и возами ж до Китай, и то писано в чертеж порознь, со статьями в кругах, также за свидетельству иноземцев и приезжих Бухарцов и служилых Татар».

Эта рукопись, хранившаяся в Румянцевском музее, содержала и описание чертежа первой карты Сибири. Долгое время сам чертёж считался утерянным, до тех пор пока его не отыскал Норденшельд в Стокгольмском государственном архиве, с надписями, переведёнными на шведский язык. В Швецию этот чертёж попал через посредство Класа Иоганна Прютца, состоявшего при шведском посольстве в Москве в 1668–1669 годах. Прютц записал в своём дневнике: «приложенную ландкарту Сибири и пограничных с ней стран я скопировал 8-го января 1669 года в Москве настолько хорошо, насколько это было возможно сделать с плохо сохранившегося оригинала, данного мне лишь на несколько часов князем Иваном Алексеевичем Воротынским, с тем, чтобы я ее только посмотрел, но отнюдь не счерчивал». Вторая копия была снята Кронеманом, который писал: «Карту всех этих стран и Сибири до Китая, которую прислал недавно по указу Его Величества Тобольский воевода Годунов, показали и мне и я снял копию, получив позволение продержит у себя ее одну ночь».

Была ещё копия, снятая шведским офицером Эриком Пальмквистом, а в одном из

частных архивов отыскалась карта графини Воронцовой-Дашковой, в которой оказался и вышеупомянутый чертёж П. Годунова на русском языке. Следует вспомнить ещё карту Витсена, приложенную к его труду «Северная и Восточная Тартария». Витсен считался особой, близкой к Петру Великому, и потому его карта считалась копией русских официальных карт, которые, по мнению учёных, считались окончательно утраченными для науки.

Как и карта Гесселя Герритса, составленная по автографу царевича Фёдора Годунова, почиталась копией большого чертежа, ибо царевич не мог не пользоваться официальными данными, так и в основу карты Витсена были положены считавшиеся утраченными чертёж Петра Годунова и чертёж Сибирской земли Ремезова 1672 года. Карта Витсена представляет синтез обоих документов. Уже при императрице Екатерине II, в 1792 году, выходит новый «Российский атлас из 44 карт состоящий и на 42 наместничества Империю разделяющий». Атлас был гравирован и напечатан в типографии при Горном училище, которая с 1791 года управлялась графом Мусиным-Пушкиным. Как мы видим, с одной из этих карт, в том числе

и с копией с карты царевича Фёдора, Пушкин вполне мог ознакомиться как в лицейские, так и в последующие годы.

В Михайловском, оскорблённый и отверженный, Пушкин ищет утешения в работе, размышляет над «Историей Государства Российского», примеряет к себе самому судьбу великих изгнанников прошлого и всерьёз подумывает о выезде за пределы империи. Михайловскому узнику становятся особенно близки и понятны непокорённые герои: возвысившие голос против грозных властителей Семён и Андрей Курбские, ушедший от правящего и плахи в Сибирь Ермак, отправленные по облыжному

обвинению в сибирскую службу предки рода Пушкиных. И как результат раздумий над их деяниями и судьбами, в написанную опальным поэтом трагедию о царе Борисе вопреки исторической правде введены князь Курбский и Остафий Пушкин, на самом деле участия в описанных событиях не принимавшие.

Мысль о сопротивлении насилию и злобродила в голове оскорблённого несправедливостью Пушкина и не могла не появиться в трагедии. В сцене «Краков. Дом Вишневецкого» поэт сводит вместе одного из своих предков, Гаврилу Пушкина, и Курбского. Вот выдержка из текста:

«Самозванец: ...Но кто, скажи мне, Пушкин, красавец сей?

Пушкин: Князь Курбский!

Самозванец: Имя громко! (Курбскому). Ты родственник казанскому герою?

Курбский: Я сын его...

Самозванец: Великий ум! Муж битвы и совета! Но с той поры, когда являлся он, своих обид ожесточенный мститель, с литовцами под ветхий город Ольгин, молва о нем умолкла.

Курбский: Мой отец в Волынии провел остаток жизни, в поместьях, жалованных ему

Баторием. Уединен и тих, в науках он искал себе отрады...»

Не трогая личности Самозванца, не имеющего отношения к сибирской теме, раз узнаем поподробнее о других участниках этой сцены: Гавриле Пушкине и Курбском. Точнее, сразу о двух Курбских – отце и сыне. О Гавриле сохранились записи самого Пушкина. Оказывается, думный дворянин Гаврила Григорьевич Пушкин прибыл под знамёна Лжедмитрия прямиком из Сибири, где он служил письменным головой при Пелымском воеводе. «Гаврила Пушкин – один из моих предков, – писал о нём поэт, – я изобразил его таким, каким нашел в истории и в наших семейных бумагах. Он был очень талантлив – как воин, как придворный и в особенности как заговорщик».

Пушкин искал в истории и семейных бумагах. Представляется невероятным, чтобы он не наткнулся в них на сведения о сибирском периоде рода Пушкиных и не заинтересовался им.

Теперь обратимся к «казанскому герою». Так Самозванец называет в трагедии князя Андрея Михайловича Курбского (1528–1583),

родом из Рюриковичей. В молодости он был любимцем Ивана IV и принимал активное участие во взятии Казани. В дальнейшем он воевал против Польши, в одном из боёв потерпел поражение и, опасаясь гнева Грозного, перешёл на польскую сторону. Обласканный Баторием, Курбский во главе одной из польских армий воевал против Грозного и осаждал Псков. У Курбского действительно был сын Дмитрий, родившийся в Польше в 1581 году, но никакого участия в аванюре самозванца он не принимал.

Зачем же было Александру Сергеевичу вводить в свою трагедию образ второстепенный и к смуте не причастный? Разве потеряла бы трагедия без Дмитрия Курбского? Почему на протяжении многих лет не оставляет поэта обаяние личностей Курбских? Почему в трагедии Пушкин рассказывает о том, что Андрей Курбский, к событиям Борисова царствования никакого касательства не имевший, остаток жизни провёл в уединении и «искал себе отрады» именно в науках? Какой скрытый смысл и какую информацию вложил в эти строки поэт?

Прямых ответов на эти вопросы Пушкин нам, к сожалению, не оставил, но попытаться отыскать истину можно. И поможет нам сам «казанский герой». В личной библиотеке Пушкина возьмём книгу «Сказания князя Курбского» и откроем на комментарии Устрялова, который сообщает: «Андрей Михайлович Курбский. На 21 году жизни сопутствовал Иоанну под стены Казани, в звании стольника и находился в есаулах. По возвращении из страны Казанской был назначен воеводою в Пронск, когда туда ожидали нашествия крымских татар. Спустя год, Курбский начальствовал уже Правую рукою всего царского войска на берегах Оки, готовясь встретить соединенное войско татар крымских и казанских. В 1552 году вместе с князем Щенятевым он разбил татар на берегах реки Шиворони. В жестокой битве ему иссекли голову, плечи, руки, но несмотря на то, 20 августа 1552 года, в 24 года снова командует Правую рукою при осаде Казани и снова изранен». В 1556 году за ратные победы он был возведён в достоинство боярина. В Ли-

вонскую войну Курбский в два месяца одержал восемь побед над рыцарями, взял в плен много командоров, разгромил Ливонию и открыл другим воеводам путь к победам. Но в 1563 году он проиграл литовцам битву под Невелем и, опасаясь мести Грозного, укрылся в Польше. Там он посвятил себя наукам, писал свои «Сказания» и вёл язвительную полемическую переписку с царём Иваном Грозным, подвергая острой критике его государственное правление и окружение.

Прекрасное в целом сочинение Курбского не менее замечательно в подробностях: историк описывал не по слухам, а по собственным наблюдениям по крайней мере большую часть важнейших событий. Дела минувшие резко запечатлелись в его памяти, и летописцу стоило только передать верно свои впечатления, чтобы нарисовать живую картину. Письма Курбского к Иоанну – блестящий образец ранней российской публицистики. Первый русский диссидент Курбский занимался и переводами с латинского. Он перевёл беседы Златоуста и читал того же Герберштейна, о чём записал: «...Князь Великий Василий Московский по многим злым и сопротив закону Божия делом своим и сие приложил... живши с женою своею первою Соломониديو двадцать шесть лет остриг ее во мнишество... И понял себе Елену, дочь Глинского... А от мирских сигклитов возбранял ему Семен, реченный Курбский, с роду княжат Смоленских и Ярославских; о нем же и о святом жителстве его не токмо тамо Русская земля ведома, но и Герберштей, нарочитый муж Цесарский и великий посол на Москве был и уведал, и в кронике своей свидетельствует, юже латинским языком...

Он же предреченный Василий Великий, паче же в прегордости и в лютости князя Семена от очей своих отогнал, даже до смерти его».

Быстро меняли цари милость на гнев, и везло на опалы и изгнания князьям Курбским, даже если один из них «князь югорский», а другой «герой казанский». Столь сильные характеры и трагические судьбы не могли не задеть пылкое воображение поэта и не запасть в душу. Под обаянием князей Курбских Пушкин находился всю свою жизнь.

В трагедии «Борис Годунов» есть ещё один участник казанского похода и вероятный типаж Андрея Курбского. Это старец Пимен.

Перенесёмся в Московский кремль, в Чудов монастырь – ведение московского патриарха. Итак – ночь. Келья в Чудовом монастыре.

«Пимен: Еще одно, последнее сказанье – и летопись окончена моя <...> Да ведают потомки православных / Земли родной минувшую судьбу, / Своих царей великих поминают. / За их труды, за славу, за добро – а за грехи, за темные деянья / Спасителя смиренно умоляют...

Григорий: ...Он летопись свою ведет, и часто / Я угадать хотел, о чем он пишет? / О темном ли владычестве татар? / О казнях ли свирепых Иоанна? / О бурном ли новгородском Вече? О славе ли отечества?..

Пимен: ...Мне чудятся то шумные пиры, / То ратный стан, то схватки боевые, / Безумные потехи юных лет!

Григорий: ...Как весело провел свою ты младость! / Ты воевал под башнями Казани. / Ты рать Литвы при Шуйском отражал, / Ты видел двор и роскошь Иоанна! Счастливи!»

Прервём Григория, чтобы осмыслить информацию о Пимене. Вам не кажется, мой читатель, что биография старца удивительно похожа на биографию Андрея Курбского и содержит одни и те же жизненные вехи: Казанский поход, шумные пиры двора Иоанна, схватки боевые и

Ливонская война? Именно эти эпизоды описаны в летописи времён Ивана Грозного – «Сказаниях князя Курбского». Похоже, что Пушкин избрал прототипом Пимена Андрея Курбского в старости, когда, «уединен и тих, в науках он искал себе отрады».

Пимен говорит: «Еще одно, последнее сказанье – и летопись окончена моя...» А летопись Андрея Курбского так и названа – «Сказания...». Впрочем, это не единственное совпадение, подтверждающее справедливость нашего предположения. Вот Пимен обращается к Григорию: «Подумай, сын, ты о царях великих. / Кто выше их? Единый бог. / Кто смеет противу их? Никто. А что же? / Часто Златый венеч тяжел им становился: / Они его меняли на клобук. / Царь Иоанн искал успокоенья / В подобии монашеских трудов. / Его дворец, любимцев гордых полный, / Монастыря вид новый принимал: / КРОМЕШНИКИ в тафьях и власяницах / Послушными являлись чернецами...»

В этом описании много из «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, влиянию которой часто приписывают создание Пушкиным «Бориса Годунова». Всё в этой сцене вроде бы по Карамзину, за исключением одного странного слова – «кромешники». Что это за слово такое и откуда заимствовал его Пушкин, прежде чем вложить в уста Пимену?

Иногда говорят «тьма кромешная». Значит, кромешник – представитель мира тьмы, исчадие ада? Тогда почему они допущены в монастырь? Что-то здесь не так. Попробуем справиться у современника А. С. Пушкина, автора «Толкового словаря русского языка» В. И. Даля. Ищем слово «кромешники». Оказывается, у тщательно собиравшего крупинки русской речи Даля слова «кромешник» нет. А значит, можно с полной уверенностью считать, что во времена Пушкина его в ходу не было. Есть «кромсать», «кромшить», т. е. «резать, стричь, крошить как попало». А «кромешник» отсутствует. Не мог же Пушкин сам это слово выдумать – не наблюдалось за ним этакое озорства. Где-то он его позаимствовал.

Однако где-то уже попадалось мне это словечко. Заказываю в библиотеке «Сказания князя Курбского», с трепетом открываю кожа-

ный переплёт – и точно: в главе V с названием «Начало злу» оказывается текст, почти идентичный тому, что произносит чудовский монах Пимен. Курбский обращается к царю Ивану IV: «...Царь Великий Христианский. А за советом любимых твоих ласкателей и за молитвами Чудовского Левки и прочих вселукавых мнихов, что доброго и похвального и Богу угодного приобрел еси? Разве спустошение земли твоея, ово от тебя самого с Кромешники твоими, ово от предреченного пса Бусурманского, – и к тому злою славу от окрестных суседов, и проклятие и нареkanie слезны ото всего народу?»

Здесь Курбский упоминает о молитвах царя в том самом Чудовом монастыре, где живёт Пимен Пушкина, и о кромешниках. В «Сказаниях...» кромешники упоминаются ещё неоднократно: «...лютым кромешникам повелел извлещи его, едва дышуща и добити...» По всему видно, что кромешники – это известные нам опричники, а само слово произведено от «кроме», синонима «опричь».

Совпадение эпизодов, текстов и отдельных характерных слов в трагедии Пушкина и «Сказаниях...» Курбского не может быть случайным и даёт основание предполагать, что, работая над Борисом Годуновым, Александр Сергеевич использовал и «Сказания князя Курбского».

Сам Пушкин так рассказывал о работе над Годуновым: «...в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени... – прибавлял: – Источники богатые! Умел ли ими воспользоваться – не знаю; по крайней мере труды мои были ревностны и добросовестны».

Поэт сумел гениально использовать доступные ему источники, и он подтверждает своё знакомство с летописями Курбского в письме к Н. Н. Раевскому (1827): «...характер Пимена не есть мое изобретение. В нем собраны черты, пленившие меня в наших старых летописях <...> совершенное отсутствие суетности, пристрастия – дышат в сих драгоценных памятниках времен давно минувших, между коими озлобленная летопись кн. <язя> Курбского отличается от прочих летописей, как бурная жизнь Иоанн<ова> изгн.<анника> отличалась от смиренной жизни безмятежных иноков».

Напрашивается вывод, что Пушкин читал сказания Курбского в одном из нескольких известных в начале XIX века списков с его рукописи. Среди них лучшим и наиболее сохранным считался список всех творений Курбского, хранившийся в Патриаршей, или Синодальной, библиотеке. Другой, более доступный, с заглавием «Книга о разных происшествиях со времен Великого князя Василия Иоанновича», хранился в Императорской публичной библиотеке. Обратим особое внимание, что этот список содержит ещё старинный перевод V книги «Описания Московии» под заглавием «Летописца Польского Александра Гвагнаина (Гваньини) книга 7, часть 4, об обычаях князя Иоанна Васильевича Московского и всея России».

В Румянцевском музее хранился список с заглавием «История царя Иоанна Васильевича, писанная бежавшим в Польшу боярином князем Андреем Курбским». В нём так же, как и в упомянутом выше, есть старинный перевод сочинений Гваньини.

Одним из лучших списков считался так называемый Бороздинский, размером в лист, в трёх частях, под заглавием «Ковчег Русской правды, или Книга в мире, бытии прошлых сокровеннейших лет, жизнеописаний великих людей Российския земли царств и градов основания, чудеса Волховца, Златяя бабы и происхождений никому не известных истории Российския». Несмотря на столь странное заглавие, этот список имеет преимущества перед прочими тем, что он верен и полон. В нём также находится перевод большей части Гваньиниева «Описания Московии», из-за которого, собственно, нам и пришлось изучить биографии Пимена и Курбских. Существовало ещё несколько подобных списков, и перечислять их не будем. Читатель, наверно, обратил внимание, что к «Сказаниям...» Курбского странным образом присовокупилось «Описание Московии» польского шляхтича и врага России Алессандро Гваньини, написанное им в 1578 году. Это обстоятельство немаловажно для нашего исследования, поскольку имеет прямое отношение и к Лукоморью, и к царству славного Салтана.

Настала пора сказать несколько слов об Алессандро Гваньини, полонизированном итальянце, современнике Андрея Курбского, военном администраторе и писателе. В войсках Стефана Батория он воевал против Молдавии и России, четырнадцать лет начальствовал в Витебске, а на склоне лет вдруг занялся литературой. Его «Описание Европейской Сарматии» и в нём сведения о Сибири, Югре, Обдоре, Кондии, Лукоморье большею частью повторяют Герберштейна и других авторов и приукрашены маловероятными, похожими на сказки подробностями. Сочинения Гваньини имели на Руси широкую известность и не раз переводились на русский язык ещё в XVII веке, о чём писал А. И. Соболевский в своём труде «Переводная литература московской Руси».

В 1653 году по царскому указу князь Репнин-Оболенский купил в Поньне сочинения Гваньини, а патриарх Никон поручил перевести их на русский язык. Благодаря Гваньини сведения Семёна Курбского о Югре и Лукоморье, занесённые им в бесследно утраченный «Дорожник», облетев всю Европу, снова вернулись в приукрашенном виде в Россию.

По иронии судьбы, вновь переведённые на русский язык, они стали приложением к произведению другого Курбского – Андрея.

Гваньини, описывая многие чудеса Севера, в том числе колдунов и Золотую бабу – прообраз Яги, сообщал: «Область Лукоморье тянется длинной полосой подле северного моря; ее обитатели живут без всяких построек в лесах и полях...»

Читая летописи Курбского, Пушкин никак не мог пропустить и приложенное к ним сочинение Гваньини. Фантастические образы и таинственное очарование Лукоморья запомнились и, работая над «Сказкой о царе Салтане», он использует эту информацию. «У Лукоморья», в котором мы встречаем тех же героев, что и в «Сказке», должно было стать прологом-при сказкой к ней. «У Лукоморья» написано другим размером, чем «Сказка», что вполне допустимо для пролога. К тому же и сама «Сказка» изначально писалась в полустихотворной-полупрозаичной форме и лишь после долгих

раздумий приобрела тот вид, который имеет теперь.

«У Лукоморья» написано для «Сказки» в традициях присказки, уточняющей время и место действия: «В некотором царстве, в тридевятом государстве...» Лёгкий на импровизацию Пушкин поместил «У Лукоморья» во второе издание «Руслана и Людмилы» – «Сказка» была ещё не закончена.

В развитие нашей версии можно привести немало доказательств, но давайте остановимся и задумаемся, о чём нам может говорить совокупность изложенных выше сведений, обстоятельств, прямых и косвенных доказательств особого интереса Пушкина к Сибири, его предрасположенности к сибирской теме в

творчестве, основанной на глубоком знании сибирской истории и географии. Прежде всего о том, что, говоря о Пушкине-поэте, мы не должны забывать о Пушкине-географе, Пушкине – историке и краеведе. И трудно сказать, чего в нём было больше и кого в его лице потеряла Россия в большей степени – учёного или поэта.

Нет оснований сомневаться в сибирской прародине пушкинских «Лукоморья» и «Сказки о царе Салтане». Используя для этих произведений сюжеты мифов, былин и сказок, он одевал их в «сибирские одежды», придавая им неповторимый колорит. «Сказка о царе Салтане» – не сказка о Сибири, а сказка, написанная по сибирским мотивам, с использованием исторических и географических источников.

Ну вот и замкнулось последнее звено в длинной цепи сказаний: Гюрята Рогович – Семён Курбский – Сигизмунд Герберштейн – Александр Гваньини – Андрей Курбский – Александр Пушкин. Дописано последнее сказанье о Лукоморье древней земли сибирской. Впрочем, последнее ли? Сколько ещё неизведанных тайн ждут своего часа и своих открывателей! Цель этой книги – подвигнуть начинающих краеведов на путь познания тридевятого Салтанова царства. Пускай не всё в ней бесспорно на первый взгляд – попробуйте найти свой путь познания. Смелее ступай по неведомой дорожке, мой приятель. Многие чудеса ожидают тебя впереди.

Пускай многое изменилось ныне в нашем сказочном Лукоморье. Но, как и прежде, летят над древней землёй Югры крикливые гуси-лебеди, и видно им с высоты, как, подобно гигантскому луку, напряглась от Сургута до Ямбурга полногрудая красавица Обь, обнимая Лукоморье со всеми его чудесами. Идут корабли мимо острова Буяна. И мы здесь живём. ■

Аркадий ЗАХАРОВ

Аркадий Захаров – действительный член Всесоюзного (СССР) Пушкинского общества, член Союза писателей РФ. Живёт в Тюмени.

И боль о времени том грозном
Терзает сердце, только оглянусь,
И вижу на лице его серьёзном
Надежды искреннюю грусть.

МАТУШКА-РОССИЯ

С укором смотрят предки нам в затылок
И, всё ж любя, хотят предостеречь
От необдуманных поступков и развилок
И от беды смертельной убережь.

Назад, потомок, смело обернись.
Открой глаза навстречу предкам.
В них разглядишь чарующую высь,
Что к нам приходит очень редко.

Придя домой, к родным истокам,
Живой воды испей для силы.
Скажи спасибо их урокам
И поклонись им у могилы.

В тебе, Россия-матушка, как в силе
Всех русичей сокрыт души исток,
Но при такой огромности России
Душою человек наш одинок.

Россия, матушка-Россия:
Твоя пленительность и ширь,
Твои глаза плелись из сини,
Твоя загадочность души.

И боль, что сердце истомила,
Да, это так, не будем врать.
В ней наша слабость, наша сила,
Нам только б силушку собрать.

О Русь! При сдержанной гордыне
Неужто не достойна ты венца?
Во всей земле, от века и поныне,
В тебе одной величие креста.

У нас особый русский путь,
Мы уникальная держава.
Нас никому не развернуть,
Как бы ни тявкили и Лондон, и Варшава.

Ты злым заморским чародеям,
Пустым, лукавым их устам
Не верь, они, всё более зверея,
Готовы рвать нас по частям.

Но страха мы отроду не имели
И только свято верили в себя,
Принять лихие вызовы умели,
В лицо любым опасностям глядя.

Они слепы и сердцем, и умом,
Им не понять России торный путь,
Её живой, мистический геном,
Души её таинственную суть.

И тяжкие грехи уметь прощать –
У предков не зазорно поучиться.
Россию надо гордо защищать,
В Россию до конца надо влюбиться.

РОДИНА

От потерянной Родины древней,
Что в леса по тропинке ушла,
До последней забытой деревни –
Моя дума о ней тяжела.

От широких полей и зелёных лесов
До щемящей любви к той берёзке,
Что мне сердце пронзила до самых основ,
Стоит Родина бедная на перекрёстке.

Погибала ты в войнах уж тысячи раз.
Было пролито множество слёз,
Но лицом ты не падала в грязь –
Воскрешалась опять, как Христос.

Пробудись от волшебного сна,
И стоять не пристало согбенно.
Прояви всю пытливость ума,
Свою волю возвысь дерзновенно.

Широта, бескорыстность души –
Как размах удалого плеча.
Богатырская удаль, спеши
Покарать иноземного палача.

Беспредельная силой, Россия,
Разметалась ты искрами душ,
Но тебе, величавой, по силам
Их собрать в бриллиантовый куш.

И на этой земле благодатной
Богатеть, злым на зависть врагам,
Распрекрасной и необъятной,
Но чужим не молиться богам.

Ты впитала в себя и взрастила
Всё величие Древней Руси,
Отмолила грехи и простила,
Ношу трудную дальше нести.

РУССКАЯ БЕРЕЗА

Потрёпана ветром, дождём и снегами,
Берёзка как символ российской земли.
Повсюду звенят золотыми серьгами
Родные берёзки мои.

Их нежная белая кожа
Пленяла поэтов лихих.
Причислю и я себя тоже,
О ней предлагая свой стих.

Безбрежность в ней есть и прозрачность,
Невинность девичья и честь.
Ничуть не замечена мрачность,
Вот скорбь вековая в ней есть.

Приятен для русского уха
Серёжек её перезвон.
Загадочность русского духа,
Берущая силой в полон.

Повсюду берёзку встречая,
Мечталось при ней о высоком.
И, знатных достоинств не исключая,
Поила ещё замечательным соком.

В окошечки смотрят берёзы
И в роще растут до поры,
Серебряный сок словно слёзы
Берёзочек, брошенных под топоры.

И кто-то шкатулки на праздник
Из крепких берёз вырезал.
Служила помостом для казни,
Порядки, бывало, народ презирал.

Извечно ты ходишь в невестах,
Наряд по весне твой хорош.
А скрип твоих веток чудесных
На стон всенародный похож.

В российской землице родилась,
Ты кадкой была и крестом.
И веником в баньке трудилась,
И ручкой змеиных хлыстов.

Горишь ты и жарко, и долго,
И печку согреешь в избе.
Из чести, из высшего долга
Я кланяюсь низко тебе.

ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ОДИГИТРИЯ ВЫДРОПУССКАЯ»

Икона Божией Матери «Одигитрия Выдропусская» – один из списков чудотворной иконы Смоленской Одигитрии – находилась в храме во имя великомученика Георгия села Выдропужск Новгородской губернии (сейчас Тверская область). Празднование ей установлено 10 августа (28 июля по старому стилю). Не раз Господь являл через неё удивительные по силе чудеса и милости. Почитание её началось после того, как икона чудным образом уцелела после пожара, полностью уничтожившего храм Великомученика

Георгия. Она была найдена под слоем пепла на месте алтаря лежащей ликом вниз, следы огня остались лишь на незначительной части тыльной стороны. К XV веку образ стоял у царских врат вновь отстроенного храма.

В 1471 году, когда великий князь Московский Иоанн III совершил завоевательный поход на Новгород, один из ратников его войска, муромский уроженец, боярский сын, вместе со своим отрядом участвовал в разграблении новгородчины. В селе Выдропужск он вошёл в Георгиевский храм, взял из него икону Божи-

ей Матери, унёс в свою вотчину близ Мурома, поставил в церкви Святителя Николая и в шутку называл ее Полонянкой. Однажды во время молебна перед «Пленницей» читалось Евангелие о пребывании Девы Марии в доме святой Елисаветы. При последних словах «и возвратися в дом Свой» (Лк. 1, 56) внезапно налетел вихрь, раздался гром, с храма сорвало крышу, икона невидимой силой была поднята в воздух и унесена прочь. Поражённые ужасом все присутствовавшие там люди упали на землю без чувств. В то же самое время около Выдропужска появился быстро приближавшийся к церкви Святого Георгия вихрь. Свидетелем этого явления стал местный крестьянин Флор, а пономарь храма Феодор обнаружил похищенную икону Одигитрии лежащей в алтаре на святом престоле. Узнав о дивном возвращении иконы, похититель глубоко раскаялся в своём грехе и совершил пешее паломничество в Выдропужск, где со слезами покаяния оплакивал свой дерзкий разбой и похищение святыни, три дня и три ночи не выходя из храма.

После этого поразительного чуда слава о Выдропусской Одигитрии распространилась далеко за пределы села. Широко разошлись списки повести о Выдропусской Одигитрии. В XIX веке в выдропужском храме хранились два списка этого повествования: один древний, а другой 1840 года. В одном из них подробно рассказывалось о том, что «эта святая икона ежегодно носима была с крестным ходом в город Торжок и вносилась в новоторжский соборный храм Преображения Господня; здесь она оставалась некоторое время, и усердные из граждан с верою и благоговением приходили в соборный храм и припадали с молитвою к образу Пречистыя, к другим в дома носили священники святую икону Богоматери и совершали там молебная пения. Затем обратно относилась она с честью с молебным пением и крестным ходом в село Выдропуск». Жители Торжка хотели оставить икону в городе как можно дольше, и даже возник «спор и несогласие» о её постоянном местопребывании. Дело дошло до Москвы, икона была взята туда на некоторое время, и в 1630 году с неё сделали

точный список для церкви села Выдропужск, а подлинник поставили в храме Преображения города Торжка (судьба этой иконы после 1917 г. неизвестна).

Список с Выдропусской иконы находился в Георгиевском храме Выдропужска до середины XVIII века, затем был перенесён в ново-построенную церковь в честь Смоленской иконы Божией Матери. Смоленский храм в годы советской власти был закрыт (в 1931 г.), но не разорён, в нём сохранялись иконы и утварь, не была уничтожена и чудотворная копия XVII века с Выдропусского образа.

Во время Великой Отечественной войны в селе по домам были расквартированы лётчики и солдаты расположенного поблизости аэродрома, а в церкви разместили пленных немцев. Наступили холода, и командование отдало приказ отапливать храм иконами. Среди квартировавших в селе красноармейцев был механик Кронид Поспелов, сын умученного большевиками муромского протоиерея Николая Поспелова. Узнав о готовящемся кошунстве, он поспешил к своему квартирному хозяину, Степану Юрзову, отличавшемуся глубоким благочестием. Тот немедленно нагрузил телегу дровами и поспешил к храму. На этот воз дров ему удалось выменять древнюю святыню, чудотворный Выдропусский образ. Около пятидесяти лет Выдропусская икона Богородицы пребывала в семье Степана и его детей. Только в 1990-х годах, когда Смоленский храм в Выдропужске был возвращён Церкви, икона вернулась «в дом свой»; в 2000 году она была отреставрирована.

Спасший чудотворный образ от сожжения солдат Кронид Поспелов в 1947 году поступил в Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, принял монашество с именем Нафанаил и подвизался в обители 55 лет, в основном на казначейском послушании. Иноческий путь он проходил под руководством будущего Патриарха Пимена и наместника обители архимандрита Алипия (Воронова).

Благодаря популярной книге архимандрита (ныне митрополита) Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые» и другие рассказы», где

очень ярко представлен многолетний казначей Псково-Печерского монастыря, о «вредном» отце Нафанаиле узнали миллионы читателей.

Архимандрит Нафанаил (Поспелов) родился в 1920 году в селе Заколпье Гусь-Хрусталинского района Владимирской области в семье протоиерея Николая Васильевича Поспелова, священномученика, расстрелянного в 1938 году на Бутовском полигоне (причислен к лику новомучеников и исповедников Российских в 2000 г.). После окончания Ногинского механического техникума и службы в армии (с 1941 по 1947 г.) Кронид твёрдо решил идти в монастырь. На вопрос, по какой причине, он сказал замечательные слова: «Я увидел, что нет счастья на земле. Есть единственная цель – это стремиться к богообщению».

В послевоенное время полуразрушенная обитель бедствовала, братия жила в скудости и лишениях. Монахи и послушники работали по восстановлению монастыря от 7 утра до 7 вечера, с перерывом на обед на один час. Утром им выдавали три куска варёной свёклы и 500 грамм хлеба на сутки, в обед – одно первое, вечером – щи из хряпы (это зелёные листья капусты, которыми обычно кормят скотину). По воскресным и праздничным дням бывало второе, а по двенадцатым праздникам – стограммовая булочка и стакан киселя.

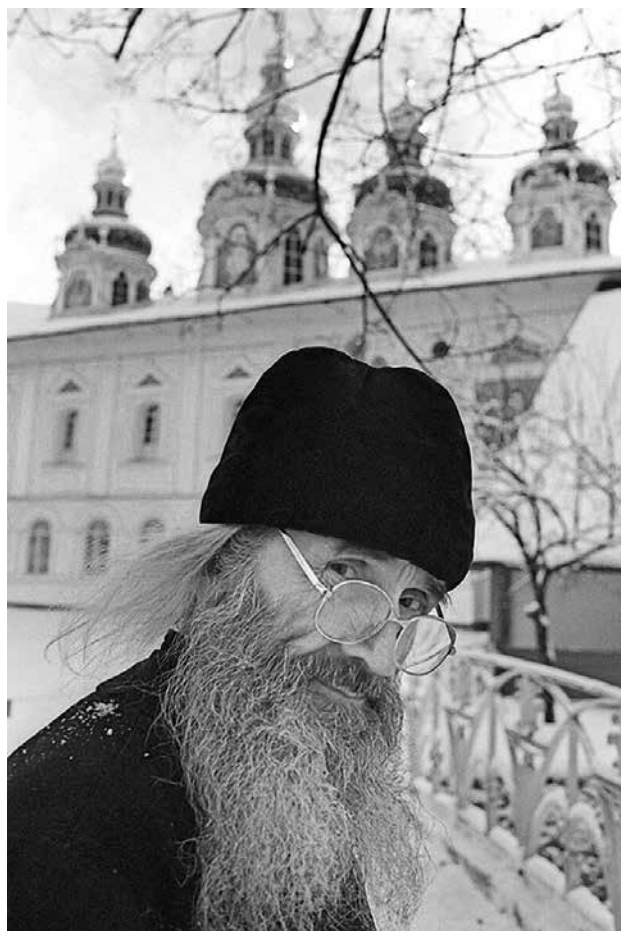
Отец Нафанаил вспоминал, как он изнемогал во время хозяйственных работ по 12 часов в день и даже падал в борозду от усталости. И вот его посетило некое сомнение, на правильном ли пути он находится, спасительно ли это для него. Он горячо помолился перед чудотворной иконой Божией Матери и по возвращении в келью увидел, что у его соседа раскрыта книга святителя Игнатия (Брянчанинова) как раз на той странице, где сказано, что в последние времена монахи будут спасаться скорбями. Тогда он успокоился и утвердился в мысли, что идёт по спасительной стезе.

Действительно, скорби, болезни и тяжёлые переживания не оставляли отца Нафанаила с первого и до последнего дня его пребывания в обители. Он вспоминал, что у него никогда не было спокойной монашеской жизни, – его

направляли то составлять документы, то рассчитывать с бригадами реставраторов, то вести экскурсию по пещерам, то писать статью в защиту восковых свечей в храме Божиим, и так далее, и тому подобное...

Известный печерский старец иеросхимонах Симеон (Желнин), ныне прославленный в лике преподобных, сказал об отце Нафанаиле: «Он имеет премудрость Соломонову и ревность Илиину».

Незадолго до кончины о. Нафанаила священноначалие предложило ему поставить электростимулятор, однако он умолял не делать этого: «Отцы, представьте – душа хочет отойти к Богу, а какая-то маленькая электрическая штучка насильно запикивает её обратно в тело! Дайте душе моей отойти в свой час!» Час этот настал в ночь на 9 августа 2002 года. Отец Нафанаил позвонил в колокольчик, предупреждая родную обитель о своём исходе в вечность; когда на звон пришла братия, старец уже почил. Отпевание и погребение архимандрита

Нафанаила было совершено в день празднования Выдропусской иконы Божией Матери, чудотворный список которой был спасён им от уничтожения в годы войны.

**РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ
АРХИМАНДРИТА НАФАНАИЛА
(ПОСПЕЛОВА)
ИЗ КНИГИ «БОГОРОДИЧНОЙ
ОБИТЕЛИ ПОСЛУШНИК»**

Нельзя говорить, что прошлые борцы с Церковью никак не меняются. Перемены на многих повлияли благотворно: люди, которые строили монастырю козни, теперь зачастую приходят, чтобы попросить у нас прощения. Самое главное – люди уже всерьёз задумываются о своей душе.

Мы видим во всех обстоятельствах Промышление Божие. Он, конечно, предвидел, что многие из тех, кто противостоял нам, покаются в своё время и исправятся. И мы не занимаемся злопамятством, а просто вспоминаем историю.

Мало того, из прошлого можно понять, вспоминая, как кто-то грешил перед Церковью Христовой, а потом покаялся, что Господь прощает и разрешает любые грехи – было бы твоё покаяние искренним.

* * *

Когда году в 1963-м монастырь собирались закрывать, отец Алипий, придя в отдел культуры, сказал:

– Имейте в виду, я знаю государственные законы, поэтому действуйте строго по закону. Но я знаю также и Божии законы, а они бьют гораздо сильнее.

Когда Псков уже собирался закрывать монастырь, открылась эпидемия ящура. Отец Алипий сообщил об этом начальству. Печорская санэпидстанция его поддержала. А во время эпидемии ни о каком закрытии речи быть не может, действует карантин.

А когда закончилась эпидемия, приехал посол Индии. Ему был оказан самый сердечный, тёплый приём. По своим дипломатиче-

ским каналам он передал своё восхищение монастырём. После этого закрыть обитель стало уже совсем неудобно...

* * *

В хрущёвское время как-то приехала к нам делегация из Москвы, с Главпочтамта. Экскурсовод, ведущая группу, сказала, что у нас в стране нет гонений на Церковь. Я подтвердил. Потому что когда в Римской империи были гонения на христиан, там на каждом перекрёстке висел указ, что христиан нужно хватать, судить, ссылать, казнить. У нас таких указов нигде не висит.

Но по слову апостола Павла: *Все, желающие жить благочестно во Христе Иисусе, будут гонимы* (2 Тим. 3, 12). И этот закон остаётся непреложным для всех стран, для всех времён, для всех народов. И это каждый из нас может легко проверить: поступите на ответственную должность, а при этом в кабинете у себя повесьте иконы, молитесь утром и вечером, обвенчайтесь с женой, окрестите детей, по воскресеньям ходите в храм. Очень скоро вы убедитесь в истинности слов апостола Павла.

Мы должны ясно понимать, что все века идёт борьба: «Диавол с Богом борется, и поле битвы – сердце человеческое». И если верующий человек служит Богу, то неверующий – вольно или невольно – диаволу.

* * *

Посетители из министерства, переживавшие за состав братии и возмущавшиеся их образованностью, спрашивали отца Алипия о составе братии. Он ответил:

– Есть у нас врачи, инженеры, юристы... Вот только министра нам не хватает для полного комплекта. Уж вы бы какого-нибудь наркоминш-ку-пенсионера нам сюда прислали...

* * *

Делали мне замечания по поводу отсутствия у нас телевизора. Я ответил, что если

сравнивать учение Христа и средства массовой информации, то мы видим: апостольская проповедь была без средств массовой информации и всё же овладела всем миром. К тому же даже запись богослужения и показ его по телевизору есть некая подмена. Ведь благодать Божия во всей полноте действует именно во время богослужения в храме.

* * *

Монастырь всегда славился святынями. В нашей обители три чудотворных иконы Пресвятой Богородицы. Икона Успения 1521 года написана иноком Алексием Малым. Это был известный своей благочестивой жизнью иконописец Псковско-Новгородских земель. С 1523 г., за молитвы игумена Корнилия, Богоматерь от этой иконы подавала многочисленные исцеления, особенно – прозрение слепым.

Как-то псковские деятели спросили меня, бывают ли сейчас подобные исцеления. Я ответил, что исцелений очень много, но они не такие мгновенные и явные, как прежде. Ведь Всевышняя Власть знает, как могут поступить у нас с человеком, прозревшим у всех на глазах. Поэтому исцеления происходят постепенно, за некоторый период. Люди приезжают, помолятся, покаются, причастятся, отстоят молебен перед чудотворной иконой, их окропят святой водой. Потом уезжают домой, и заболевание постепенно расходуется, чтобы человека не мучили экспертизами, как это было с исцелением слепорождённого, о котором мы знаем из Евангелия...

* * *

Однажды при отце Алипии один деятель позаботился, чтобы отца Илиана – проводника в пещерах – отправили из монастыря на приход. Это пожелание пришлось выполнить. Но вскоре этот же деятель приехал с кем-то на экскурсию и попросил провести его в пещеры. Отец Алипий ответил: «Не можем. Ключики от пещер в кармане отца Илиана. А где отец Илиан – вы сами знаете».

* * *

У нас – оглашенные, там – кандидаты приглашённые; у нас крестный ход, у них – демонстрация; у нас иконы, там – портреты; у нас хоругви, а там – знамёна; у нас – проповедь, там – доклад; у нас «многая лета», там – «да здравствует». Всё построено аналогично... У нас всеобщее бдение, там – торжественное заседание с вечера. Но когда я спросил, почему с вечера, – мне не смогли ответить. Тогда я посоветовал открыть Библию на первой странице и прочитать: «И был вечер, и было утро – день первый...» Господь сотворил день с вечера. И праздник церковный в соответствии с творением мира начинается с вечера и даёт пример и основание для других устройств.

* * *

Некоторые посетители выражают удивление тем, что в нашем монастыре можно видеть женщин. Тут надо иметь в виду следующее. Если мы в осадное время не пустим женщин в стены монастыря и враг перебьёт их, оставшихся без защиты, – никакие наши подвиги Богом уже не засчитаются. Да и те, кто порицает нас за присутствие женщин в монастыре, укорили бы нас за то, что мы себя спасаем, а другим приют не даём.

Нынче время очень напоминает осадное. И хотя нет открытого вражеского нашествия, враг невидимый нападает со всей своей силой. А тем, кто нас не любит и смотрит на монастырь с неприязнью, мы никогда не угодим. Они будут обвинять нас за любые наши действия.

* * *

Как-то военные, приехав на экскурсию, заявили мне:

– У вас в Церкви женщина унижена.

Я ответил:

– Наоборот. В лице Пресвятой Богородицы женское естество в Православной Церкви вознесено превыше небесных чинов ангельских. А посмотрите на наши храмы – женщины их

заполняют большей частью! Нет, у нас в Церкви женщина не унижена, а возвышена. А вот у вас, в военном устроении, их почти совсем не берут.

* * *

У некоторых вызывает иронию, что именно женщины по преимуществу заполняют наши храмы. А основания для иронии здесь нет. Достаточно вспомнить слова Спасителя из Евангелия: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всей крепостию твоею и всем помышлением» (см. Мк. 12, 30). Значит, возлюбите Господа всем сердцем – первая ступень и первое условие веры. У женщин же именно и преобладает сердце, поэтому их природа более способна к восприятию веры. А слова возлюбите Господа «всем помышлением» стоят на последнем месте. Мужчины же часто хотят начать именно с помышления, забывая о сердце, поэтому реже приходят к вере... У мужчин преобладает ум, вот почему их и меньше в храме.

* * *

Однажды один деятель мне сказал, что отец Иоанн Кронштадтский любил людей принимать. В его словах прозвучал некий упрек к батюшке Иоанну. Я заметил на это, что если какой-то начальник не любит людей – в его кабинете пусто, а если к кому-то идут беспрерывно – значит, надеются получить утешение и получают его. Он выслушал мои слова и одобрительно сказал: «Да, у вас на всё ответ найдётся».

* * *

Не раз мне говорили:

– У вас святая вода не портится, потому что она обеззараживается серебряным крестом. Я всегда отвечал:

– Если вы вправду в это верите, то почему не внесете рационализаторское предложение? Ведь достаточно в местах общего пользования поводить в сосудах с водой серебряными палочками, и вода эта будет храниться вечно. Санэпидемстанции будет большая экономия,

а вам – премия за ваше открытие. Но почему же вы упускаете момент?

* * *

Псковские посетители прибыли в монастырь. Увидели, что в монастыре люди разделяют клумбочки. Спросили отца Алипия: – Это кто у вас работает и на каком основании?

Отец Алипий ответил:

– Это народ-хозяин трудится на своей собственной земле.

Ответ был настолько ясен, что его больше ни о чём не спрашивали.

* * *

Когда отец Алипий был на фронте, то, по его личным свидетельствам, его начальники говорили ему:

– Ты от самых опасных мест держись подальше. Нас-то убьют – ладно. А вот ты ещё нужен будешь.

* * *

Среди посетителей монастыря бывали, конечно, и люди сектантского склада. Они говорили, что Бога главное иметь в душе, а внешнее почитание никому не нужно. Таковым я отвечал:

– Вы говорите, что знаете Священное Писание, но вряд ли это так. Потому что апостол Павел учит христиан: *Прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии* (1 Кор. 6, 20). Нужны и поклонения, нужны и иконы. Аминь.

* * *

Когда владыка Владимир (Кобец) был переведён от нас настоятелем Русской Духовной Миссии во Святой град Иерусалим, наместником монастыря стал архимандрит Пимен, будущий патриарх. Он сказал, что монастырь уже достаточно окреп и питание монахов можно улучшить.

– Но делать это будем постепенно, – заметил он, – чтобы не вызвать соблазна. Иначе будут говорить, что старый наместник кормил плохо, а новый стал кормить хорошо.

Отец Пимен рассказывал, как наместника Одесского монастыря стали допрашивать, почему он братию морит голодом. В это время как раз шёл Великий пост.

- У нас такой устав, – ответил наместник.
- А кто составлял ваш устав?
- Святые отцы.
- А где они сейчас?
- На том свете.

Вопрос, таким образом, был исчерпан...

* * *

Как грешный человек изучает математику, её четыре основных действия? Себе прибавлять, а у других отнимать. Своё умножать, а чужое делить. Другого извлекать с корнем, а себя возводить в степень...

Получается, что для некоторых даже и математику изучать не полезно.

* * *

Когда человек обращается к Богу с молитвой, то ему покровительствуют все, и даже бессловесные твари. Вот история.

За одним человеком гнались и должны были убить. И вот, забежав в какие-то развалины, он увидел отверстие, где можно спрятаться, и залез туда. И тут же паук натянул на этом отверстии паутину. Подбежали те, кто его ловили. Осмотрели отверстие и решили, что здесь его быть не может – натянута паутина.

Так и паутинка может спасти от смерти, если будет на то воля Божия...

* * *

Как-то посетители спросили меня, не желаю ли я перейти на другое место. Я ответил: «Если дерево постоянно пересаживать, ничего путного из него не получится».

Отец Алипий завещал нам: «Как можно дольше удерживайтесь на одном месте».

* * *

В праздник Пресвятой Троицы надо непременно быть в храме на коленопреклоненных молитвах. Священник читает: «Духом страха Твоего моя осени дела. Се бо страхом предстою, в пучины милости Твоея отчаяния души моея поверг...» С отчаяния в петлю лезть? Нет, надо своё отчаяние повергать в пучины милости Божией.

«Ангела мирна пристави людем Твоим, всех собери в Небесное твое Царствие, даждь прощение уповающим на Тя».

Эти Троицкие молитвы надо много раз в году прочитывать, потому что они имеют особую силу...

* * *

Никогда не надо за толпой повторять те слова, которые она говорит, потому что это может завести в погибель. Евангельская толпа сначала кричала: «Осанна, Сыне Давидов!» – когда Господь входил в Иерусалим. Но уже через четыре дня она закричала другое: «Возьми, возьми, распни Его!» Неужели и мы будем это кричать?

Страшное дело – примкнуть к толпе. Поэтому там, где неправда, «ура» не кричи, в ладоши не хлопай. Спросят – почему? «У вас неправда». – «Откуда узнал?» – «Совість подсказывает».

Татьяна НИКИТИНА

Виктор БАКИН

Воспоминание о Великорецком

...И открылось село на горочке.

Нежданно как-то открылось, словно случайно выплыло на горизонтной ленточке, черноватой лесной границей снизу поджатое, сверху голубизной небесной, – и сразу накрепко зацепило взгляд, не оторвать его больше, не отвести в сторону. И сердце радостным пламенем обожгло, так, что грудь стала ему тесна, как темница, – стучится, рвётся в нетерпении на простор, на свободу: скоро уже, совсем скоро до долгожданной встречи.

Колоколенка, свечечка белая, как пограничный магнетик, привораживает, манит и

колет глаза теперь непрестанно, слезит мятным светом, не отпускает. Чуть правее угадываются чётко очертания храма Преображения с мощными седыми стенами, с ребристым вершком, с хрупкой капелькой луковки, а рядышком соседится Никольский собор с обновлённой стальной главой, с крепкой входной колоннадой...

Великий град, чудотворный!

Милая картинка – летит к ней душа, не остановишь, не поспеешь натруженным телом, сбитыми до мозолей ногами.

Хотя и далековато ещё до села, если на пешее расстояние прикидывать, мерить шагом да

метром, а вроде и ничего. Есть впереди святой маячок – веселее бежится. И пусть спуск ещё предстоит протяжённый, по полям-луговинам сначала, через комариное марево, мимо брошенной завалившейся избёнки с раскиданным затрухлявленным пряслем. Здесь порой привал делают – последний паломнический отдых на половинку часа перед последним проходом крестного хода. Потом будет ещё подъём нелёгкий, длительный, по сырой земле и высокой траве, да асфальтовый крюк в несколько километров. Но всё равно вот уже она, жемчужина земли вятской, словно на ладошке лежит, приветливо к приёму готовится.

Великорецкое! Село на Великой реке!

...Дела чудные, дивные. Корнями родовыми – и отцовскими, и материнскими, и прадедов обеих ветвей – из окрестных я мест: верходворских, лызгачёвских, мосинских. Отсюда, из Великорецкого, до сёл этих – и поныне здравствующих, хоть и серьёзно, смертельно хворающих, как, впрочем, и вся поголовно российская глубинка, – всего ничего. Особенно если не плутать объездами, а держать путь напрямки, через поля и увалы. Но ни в детстве своём, когда отправляли меня из областного города на летнюю побывку к бабушке на юрьянский починок и с кровными братьями, с местной пацанвой мы излазили все ближайшие луга, березники и поскотины, исплескали, замутили речное мелководье по верховьям и низовьям на многие километры от дома; ни после уже, в зрелом возрасте, долго не приводил счастливый случай побывать здесь, на святом берегу, чтобы преклонить голову перед великим чудом, утешить душу великой радостью.

Неисповедимы пути Господни!

...Первая встреча – яркое солнышко памяти.

Хмарью, пронизывающим ветродуем, холдной дождевой моросью начиналось то незабвенное утро одного из последних октябрьских дней одного из первых годов нового века, когда наконец что-то неудержимо позвало, толкнуло в дорогу – пора, пора. Но даже тут ещё кознил упрямо лукавый, запутывал, затягивал знакомство: промчались с женой в разговоре

по трассе до самого моста через Великую, до границы Орловского района. Тогда только опамтовали: что это? куда это мы? Юрьянский отворот давно за спиной остался. Пришлось разворачивать машину, урезать слова...

Не ведаю до сей поры, истинно ли утверждение, что с неизменной ласковостью принимает Великорецкое каждого нового встречного. Но у меня действительно так и случилось: едва поравнялись с дорожным указателем села, как чудным образом растаяла разом непогодная серость, прекратился нудный дождик и даже по-весеннему потеплело. Замечательный денёк разыгрался, словно приветствовал на пороге: здравствуй, добрый человек! Храни тебя Господь и Николай Угодник!

По Великорецкому – жёлтые лиственницы и голые тополя. Опавшая листва острым плотиком плавает по лужам. Сгорбленная бабушка в болоньевой курточке, в резиновых сапогах, с холщовой котомкой за спиной и клюкой в руках копотит в магазин товаров повседневного спроса. Её за пятки хватают две собачки-дворняжки. Протарахтел, продымил ИЖ: два некрепко стоящих на ногах мужичка тоже ломанулись в дверь торговой точки. А больше никого на улице...

Как тихо кругом! И от этого на душе покойно, сладостно. Словно замерло всё в ожидании чего-то значимого, важного – и природа, и село...

– Возбранный Чудотворче и изрядный угодниче Христов, миру всему источаяй многоценное милости миро, и неисчерпаемое чудес море, восхваляю тя любовью, Святителю Николае: ты же яко имеяй дерзновение ко Господу, от всяких мя бед свободы, да зову ти: Радуйся, Николае, великий Чудотворче... – в часовенке у святого источника жена читает акафист. Стою рядом в смирении, слушаю волшебные слова под журчание тонкой родниковой струйки. А перед глазами прямо, на округлых ребрышках сруба, – лик святителя с раскрытым Евангелием. Слева от него – икона Божьей Матери Владимирской, справа – Пантелеймона Целителя.

Шелестят странички малой книжицы. И неведомо мне в эти милые минуты, сокрыто

от знания, что через полгода с небольшим сборничек этот под ливнем и солнцежаром пройдёт на моей груди весь Великорецкий крестный ход, и листочки его где-то подмокнут, где-то завьются. А до июня ещё будет Никола-зимний: паломническая поездка, вечерняя служба в тесной колоколенке, ночёвка сорока человек в крохотной каморке Преображенского храма, утренняя и дневное купание по морозцу в верхней купели с вятским священником и нижегородским инженером. Приеду я сюда и по весне, и с игуменом Тихоном, настоятелем созданного здесь монастыря и неизменным предстоятелем крестного хода все последние годы, мы уйдём на задки усадьбы и, схоронившись от небесной капли в предбаннике, проговорим многие часы...

Где-то в это же время, на переломе холода и тепла, услышал я историю о получившем серьёзное ранение в Чечне вятском парне, давшем обетное слово святителю Николаю: если оправится, выживет, непременно придёт в Великорецкое. Бог милостив: вырвался солдат из недужья, окреп постепенно телом, но не ногами преодолел многокилометровый молитвенный путь, а на машине, в весёлой компании друзей. Посчитал: и это пойдёт в зачёт, только... Только в одну из скорых ночей явился ему во сне угодник Божий и молвил с неприкрытой укоризной: «А следочка твоего на святом месте я так и не заметил...»

Понял солдат свою небрежность, исправился следующим летом.

Просветлением, уроком стали и для меня эти слова Николая Чудотворца, хотя не какой-то обет неволил душу, не какая-то заботная просьба звала помолиться скорому в бедах помощнику... Не в счёт выходили все прежние поездки, ноженьками следовало потрудиться. И верно, дети маленькие на это способны, на такой подвиг трудника, бабушки престарелые, инвалиды болезненные, а что же я, крепкий мужик, всё на колёсах да на колёсах...

– ...Радуйся, яко тобою отгонится рыдание; радуйся, яко тобою приносится радование. Радуйся, Николае, великий Чудотворче.

Чтение закончилось. Жена убрала в укромный кармашек акафист, достала полотенце и ушла в купальню, а я вышел на берег.

Синь над головой, расчерченная белыми полосами. Тихое стояние воды, ни «барашков», ни всплесков на речной глади. За спиной, на взгорке, робко играет сосновыми лапами ветер, а в заречье, на всю ширину взгляда, – облитая золотом лесная бескрайность.

Стоишь на месте обретения чудотворной иконы Николы Великорецкого – как вольно, как сладостно на душе...

...К вечеру повернуло, короток день осенний, когда перед возвращением забежали поглядеть старую учительницу. А она нечаянным гостям рада, давай усаживать, чаем потчевать, одаривать трёхлитровым молочным гостинцем, на скорые порывы подняться – рукой обидчиво машет: успеется.

О наболевшем разговор зашёл.

– Сколько сейчас населения в Великорецком? Человек триста, не больше осталось... Развалили всё, растащили. Половина домов пустые стоят... Я вот в школе всё время говорю: раньше жили по совести. Чтобы кого-то обидеть – никогда. А сейчас... Кто работал, колхоз

поднимал – ни с чем остался. Машины, тракторы – всё растянули... Была у нас больница Сычугова, до революции на всю округу славилась. Даже охране подлежала. А сейчас что с ней случилось? Поручено всё... И тут недавно слышу: ещё одно охранное строение ломают, бывшие торговые ряды. Никто не заступится, никому ничего не нужно...

Надежда Никаноровна говорит тихо, неспешно, иногда отвлекаясь на собачий скул и отправляя вертящегося под ногами Дружка на место.

– В своё время начали у нас строить детский сад. А молодёжи-то нет, не остаётся. Зачем тогда такой пустой новодел? Реконструировали спешно под детдом. Сорок ребятишек там... Спрашиваю как-то девочку одну, она в девятом учится: «Кем ты будешь, когда вырастешь?» – «Бомжей». – «Ну почему бомжей?» – «А чё я буду делать, если ничего не хочу делать...»

Девятый десяток лет отсчитывает уже эта женщина, выросшая в очень религиозной семье: «Господь помогает да святитель Николай...» До сих пор привечает паломников, в праздник в комнатах её скромного домика шагу негде ступить. И в сенцах, на сеновале – повсюду люди на отдых пристроены.

– Ночевала в один год женщина средних лет. Ногу она поломала, не могла ходить. Но решила, в крестный ход на костылях отправилась. И вытерпела всё, до Великорецкого как-то добрела. Не оставляли, видимо, помощью добрые люди... Через год снова встречаемся. Она и рассказывает: «Исцелилась ведь я после купели, обратный путь без подручников прошла...» Эко чудо!..

Статью как-то в одном хорошем журнале прочла. В Вологодской области, по-моему, дело было. Катались два брата-мальчишки на лыжах. И один в заброшенный колодец провалился. А там вода ледяная... Пока подмогу искали, много времени прошло. А малец ничего, выжил. Даже сильно не пришибся, не захворал с простуды. Как так? «А мне старичок помогал, – сказывал потом. – Я плакал, а он над срубом склонился и успокаивал, уверял, что скоро найдут...» Потом иконку святителя Николая на стенке увидел и как закричит: «Да вон же он, тот старичок...»

...Прощались с Великорецким, когда уже сумерничало вовсю.

– Теперь с крестным ходом буду вас поджидать, – сказала радушная хозяйка, вытирая ладошкой-лодочкой слезливые глаза. – Коль охотка есть и силёнки позволяют, надо в него ходить русскому человеку, надо обязательно... Обещали...

Россия – Николина страна!

Нет на земле иного народа, кроме русского, кто бы славил испокон веков, почитал так безмерно святителя Николая. С древних лет это в закон возведено и поныне нерушимо. В историю Отечества загляните, православных писателей почитайте – и иных времён, и современников – не останется места сомнениям.

Первый православный храм, поставленный на могиле убиенного язычниками Аскольда в граде Киеве в конце IX века, – в его великую честь. В Новгороде Великом Никольских церквей было столько, «сколько дней в году». В Москве из сорока сороков – тридцать во имя святителя, а ещё сотня приделов. А по всей Руси зоркий взгляд кинем: сколько Никольских святых в дереве и камне возвёл в благоговении русский человек – монастырей, соборов, часовен, подворий, приделов – утомимся считать.

«Выше пророков и апостолов, мучеников и святых, выше ангелов, над архангелами в ряд с Богородицей... Перед престолом Господним первый, верный заступник для страждущих в скорбях их и печалях...» Такова была и есть русская вера в великую силу и славу Угодника. Не случайно до восемнадцатого века простых людей даже не называли его именем, а из уст в уста передавалось народное сказание.

Пригласил как-то Господь на встречу святителя Николая и преподобного Кассиана Римлянина. Облачились они скоренько в чистые белые одежды, поспешно в путь-дорожку снарядились. Потому как нельзя опаздывать, «начальство» ждёт заставлять. А тут случись навстречу крестьянин с мольбой. Лошадка у него в грязи с повозкой застряла, подсобить просит. «Некогда нам, торопимся, – сухо отрезал Кассиан и дальше пошагал. А свя-

тителъ Николай в самую жижицу с ногами забрался, плечо под телегу подставил, покривает: «А ну давай выручай, родимая...» Извозился весь, но радёхонек: подмог человеку в печали.

Наконец, предстали святители пред очи Господа: один весь опрятный, беленький, а на одежды другого и смотреть неприятно.

– Это как же так понимать? – спрашивает строго.

Пришлось рассказывать без утайки, как мужика из беды выручать пришлось.

Взглянул тогда Господь на Угодника с одобрением, сменил гнев на милость и повелел на веки веков: за душевную отзывчивость назначить святителю Николаю именины аж дважды в году. Получил именной день и суровый Кассиан – 29 февраля, так что праздник его один раз на четыре года ложится...

Устав Русской православной церкви в литургическом круге седмицы выделил святителю даже «персональный» молитвенный день прославления – четверг. (Только св. Иоанн Креститель ещё имеет «личный» день почитания – вторник). Много веков празднует Русь в декабре «Николау-зимнего» (день его преставления), в мае – «Николау-вешнего» (день перенесения мощей Угодника в Бари). И даже есть совершенно особенный праздник – Рождество Николая Чудотворца (29 июля/12 августа).

И пусть не кровный он нам по рождению, грек, на далёкой чужбине, под южным ита-

льянским солнцем упокоены его святые мощи – что с того? Не было прежде, не сыскать и теперь, после страшных богоборческих десятилетий, края или города в Отечестве нашем, где нет Никольского храма или Никольского придела. И в каждой православной семье икона святителя Николая есть непременно.

Почему же на такую высоту вознесено почитание этого святого? За какие особенные заслуги? Всё просто объясняется, если заглянуть в старинное «Житие» святителя Николая:

«Многая же великая и преславная чудеса великий сей угодник Божий сотвори по земле и по морю, в бедах

сущим помогая, от потопления спасая, и из глубины морской на сухо износя, от пленения восхищая и перенося в дом, от уз и темницы избавляя, от мечного посечения заступая, и от смерти свободяя, многим многое подаде исцеление: слепым зрение, хромым хождение, глухим слышание, немым глаголение. Многих в убожестве и нищете последней страждущих обогати, гладным пищу подаде, и всякому ныне такожде призывающим его помогает, и от бед избавляет, его же чудес не можно исчести...»

Скорый помощник, отзывчивый заступник он в нужде человеческой. А когда народ русский не нуждался, не горевал, были ли в истории такие сказочные времена? Не припоминается что-то...

Приязнь русского человека, любовь безмерная к святителю Николаю непоколебима. Тысяча лет уже ей – срок немалый.

А сам Угодник-то Божий за что ответно возлюбил многострадальную нашу землю?

Откройте прекрасного писателя Василия Никифорова-Волгина, безвинно растерзанного вятскими энкаведешниками в первый год Великой войны, прочтите в «Заутрене святителей»:

«– За что, Никола, полюбил народ наш, грехами затемненный, ходишь по дорогам его скорбным и молишься за него неустанно?

– За что полюбил? – отвечает Никола, глядя в очи Сергия. – Дитя она – Русь!.. Цвет тихий, благоуханный... Кроткая дума Господня... дитя

Его любимое... Неразумное, но любое. А кто не возлюбит дитя, кто не умилился цветикам? Русь – это кроткая дума Господня...»

Лучшего ответа надо ли ещё искать?..

С татаро-монгольщины, с ига заклятого известны и почитаемы на Руси три чудотворных образа святого Угодника. Первый – грозный Никола Можайский: в одной руке меч, в другой – церковка. Никому в обиду родную землю не даст, всех ворогов порубит, обездоленных заслонит, утешит... Второй – крылатый Никола Зарайский: изображён во весь рост, фелонь приподнята, как крылья, и руки вперёд простёрты. Любое дело ему по плечу, любое чудо... Ну а третий – наш, вятский, самый мирный, самый чтимый образ и царедворцев, и простонародья – Никола Великоорецкий: милостивый сострадалец и успокоитель всех униженных и оскорблённых, опекун хворых и убогих, дорожный пастух. Свидишься с ним однажды, заглянешь в излучающие тепло и ласку глаза, примешь благословение из его рук – непременно настроишься на новые встречи. И он добропамятный: всегда рядом будет, счастливым спутником, в какие бы ты города и веси ни махнул, какой бы заботкой ни одолелся.

Как-то на Рождество отправился я в Кострому, погостить у знакомого батюшки. Много мы с ним тогда разговоров переговорили – давно не виделись, не сидели за чайком в радушном приволье. А потом отец Андрей святые места своего города повёз показывать. Приезжаем в Ипатьевский монастырь, и первое, что я замечаю в бывшей ризнице, – икону Николы Великоорецкого XVI века, щедрый дар грозного царя Ивана! Вот так встреча!

Кинулся тут же по сувенирным лавкам и лоткам искать репродукцию святой иконы, море альбомов, брошюр перебрал – всё напрасно. И никто ничего толком не подскажет, не знают, как помочь.

Смирился я с печалью, притушил желание. Возвращаемся домой. А прямо в прихожей на видном месте лежит красочно иллюстрированная книга «Кострома», вышедшая в серии «Памятники городов России» в далёком уже 1989 году. У батюшки библиотека богатая, но

всё по комнатам разложено, кто ж этот сборничек на порог вынес, словно специально на погляд? Неведомо мне, занятно.

Принялся скоро листать из праздного любопытства и почти сразу чудным образом на цветной вкладке родной лик святителя открыл.

Выпрашивать у батюшки в подарок книгу было как-то стеснительно и неловко. По-иному решил: поутру поискать её на «Сковородке», главной городской площади, в букинистических развалах. Авось и повезёт. И точно: в торговых галереях, на первом же половичке предпримчивого молодого уличного продавца, я увидел желанный томик.

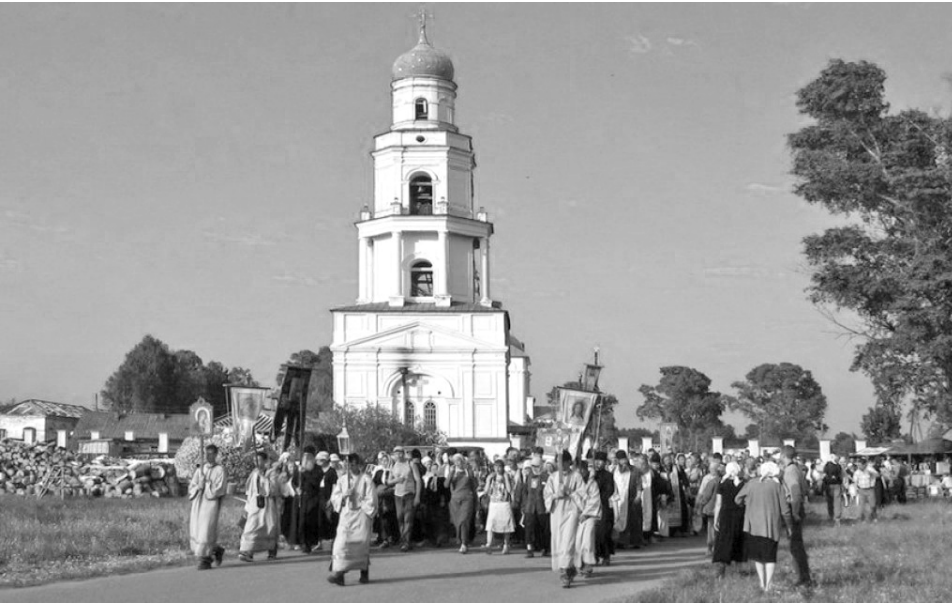
Через пару деньков мы возвращались со святителем Николаем Великоорецким домой, на Вятку...

Люба святому Угоднику земля наша вятская – тихая, неброская, солнышком едва с бочку обогретая, терпеливая. Много заботушки просит, настырства, пота и труда. Нелегко на ней жизнь строить, но надо. По сердцу и вятский житель – открытый, понятливый, ломовой в работе. И на сторонние подтрунки не обидчивый, сам на потехи и шутки горазд. Низменными привычками, хворобами заразными, конечно, не обойдён – как же без человеческих слабинок и капризов, не в пустыне живёт, в общем грешном мире, но настаёт пора покаяться – кается искренне, усердно: слава Богу за всё!

Как же было не взять под свой покров, не явить милость, не одарить чудотворным образом лесную эту глубинку, ещё ярче озарить её поселенцев благотворным светом православия?

«Долг платежом красен» – старая русская присказка. Много храмов и часовен – искусных, архитектуры славной – в честь архиепископа Мир Ликийских воздвигли ответно скорые на благодарность вятчане. Пожалуй, в каждой волости, в каждом уезде было прежде пристанище для святителя Николая. Но главная его обитель всё же остаётся здесь, на Великой реке – Великоорецкий град.

Шесть веков по хлябям и луговым тропам, в отчаянную дождину или пеклое ведро беспрерывно идут сюда молитвенным ходом благочестивые миряне. Тысячи их уже. По обетному

такой крестный ход, где паломников по праву называют трудниками...

Впереди фонарь-светильник, крест, золотые хоругви с ликами Господа и Богородицы, за ними чудотворный список с иконы Николы Великорецкого – покачивается на носилочках, нарядно убран цветами и хвойным лапником, следом командир-предстоятель, огненновласый батюшка Тихон в развевающихся тёмных одеждах, священники в рясах, непрестанно поющий акафист и молитвы церковный хор. А за

слову идут, или попросить какую милость для себя и близких, или просто принести тёплое слово признания. У каждого своё затаённое обращение к святителю. И не только Вятского края здесь уроженцы – год от года всё больше выходцев из других русских мест набирается: столичных, поволжских, сибирских. Всем святой Никола близок и угоден, от всех к нему святая молитва: «О всесвятый Николае, угодниче презрядный Господень, теплый наш заступниче и везде в скорбех скорый помощниче! Помози мне, грешному и унылому, в настоящем сем житии, умоли Господа Бога даровати ми оставление всех моих грехов, елико согреших от юности моея, во всем житии моем, делом, словом, помышлением и всеми моими чувствами...»

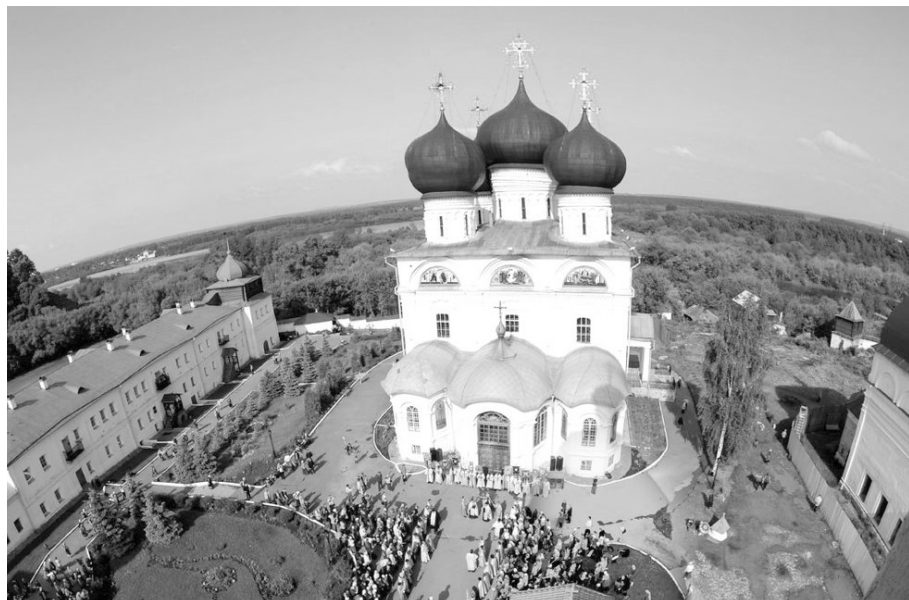
Православное воинство Христово – числом великое, возрастом разное, лицами светлое, с торбочкой на спинах и непременно иконкой святителя на груди – собирается на Вятке в начале июня на шесть дней. Труден путь от областного города до Великорецкого и обратно, сто пятьдесят километров не шутка, до кровавых мозолей, до телесных судорог предстоит потрудиться, тяготы и лишения со смирением перенести. Есть ли ещё на Руси такой подвиг,

этой главой крестного хода – тысячи русских людей, объединённые соборно одной целью, общим помыслом.

Двигается по заброшенным дорожкам нескорошим шагом святая Русь, осеняя себя крестным знаменем, – трепещут адовы силы, разбегаются прочь. Ничто нам не страшно, никто нас не сломит.

День пути, второй, третий... Я отрываю глаза от акафиста, и словно лучезарное солнышко теплит мне глаза – открывается село на горочке. Великое село!

Святителю отче Николае, моли Бога о нас! А

Владислав БУСОВ

ДЕНЬ ПАМЯТИ И СКОРБИ

Зацветает липа на Садовой,
Пролетел, с весной прощаясь, май,
И стоит дождями обновлённый
Зеленеющий Каширский край.

Отгремели праздника салюты
В честь героев, павших на войне.
Скорбная молчания минута
Остаётся в памяти моей.

Сколько их, солдат, сынов Отчизны,
Что сложили головы свои?!
И как будто в поминальной тризне
Нам поют об этом соловьи.

Где деревня Зендиково встала,
Не дала врагу к Москве пройти,
Танк-тридцатьчетвёрка с пьедестала
О победном говорит пути.

Этот день, День памяти и скорби, –
Дань в священной сгинувшим войне,
Чтобы не забыты были корни
Тех, кто отстоял мир на земле.

СМЕРТЬЮ СМЕРТЬ ПОПРАВ

Отголоски той войны
В памяти моей сильны.
Коль закрою я глаза,
Слышу павших голоса,
А открою – вижу я
Полные сердца огня.
Не дают покоя мне
Грозовые дни в войне,
Кровь и пот бойцов-солдат,
Что в сырой земле лежат,
Души чьи на небесах,
В райских вечности садах.
Мы их помнить всех должны,
Не пришедших с той войны,
Всех, кто, «смертью смерть поправ»,
Жизнь потомкам даровал.

ДЕРЕВНЯ ЗДЕСЬ СТАЛА ПРЕГРАДОЙ

Ноябрь сорок первого года,
Тревожные, грозные дни.
Стоит у Каширы порога
Фронт злобной фашистской орды.

И рвутся к столице упрямо,
Круша всё вокруг на пути,
Дивизии Гудериана,
Но Зендиково не пройти.

Деревня здесь стала преградой,
Позицию сдать не могли –
Не маршем победным, но адом
Фашистам явились те дни.

Бойцы генерала Белова
Могильный им выдали крест,
В защиту родимого дома
Священный звучал благовест.

И память об этой победе
В народе жива и свята.
Кровь наших отцов, наших дедов
За Родину-мать пролита!

У ОБЕЛИСКА

И снова май, девятое число,
Мы снова собрались у обелиска.
И сколько лет бы ни прошло,
Война всё так же будет близко.

Мы вспомним всех, чьи имена в гранит
Вошли навеки там, у обелиска,
Кто никогда не будет позабыт,
Честь отдадим, поклон им низкий!

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШЕМУ

*Сержанту Макунину Владимиру
Николаевичу,
уроженцу Каширы, без вести пропавшему
в боях под Ленинградом*

Там, где берёзы встречают рассвет
И меж собой в тишине говорят,
Не утихает с течением лет
Боль за пропавших без вести солдат.
Долго останкам в болотах лежать,
И не узнать смерти скорбную дату.
Вместо медали за доблесть, сержант,
Ты получил безызвестность в награду.
И не прикрепишь звезду на погон,
Вечным тебе оставаться сержантом.
Будет в глазницах немой твой укор
Всем за неверный приказ командармам.
Так почему ты лежишь не в могиле,
Ты, в окруженье сражённый огнём?
Как о тебе в этот праздник забыли,
Знать, поросло всё бывшее быльём?!
Я подниму твой портрет довоенный,
Вместе пройду я с Бессмертным полком,
Чтобы в народе ты был непременно
Признан героем в сраженьи с врагом!

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

Раскрылись почки на сирени,
И майский воздух свежестью бодрит.
Ряды зелёных стройных елей
Застыли скорбно у надгробных плит,
Где перечень имён погибших
В Великую Отечества войну,
До Дня Победы не доживших,
Но защитивших Родину свою.
Их душам память как награда,
Как обретенье светлого луча.
Нам громких слов сейчас не надо,
Пришла минута вместе помолчать.

ДЕНЬ РОССИИ

Лугами росными красива,
Нежнейшей синевой небес.
«Россия» – в этом слове сила,
Звучит священный благовест.
От предков славных получила
Ты стойкость духа на века.
Пройдя суровые горнила,
Отпор давала всем врагам.
Россия, ты добром красива
И состраданием полна.
Самопожертвенная сила,
Непобедимая страна.

БЕЛОСТВОЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ РОССИИ

В голубую высь берёзовые кроны
Устремились вслед плывущим облакам.
Будто с ними улететь они готовы
И привет прощальный передать лугам.

Не спешите в дальние края, берёзы,
В жаркие края, они ведь не для вас.
Знаю, по душе вам зимние морозы
И в убранстве белом рощи без прикрас.

Там, где пальмы веер изумрудный
Раскрывают над просторами морей,
Не задует ветер вам попутный,
Оттого тоска по Родине сильней.

Облака осенние как птицы,
Что весной вернутся гнёзда вить.
Время ожидания промчится,
В чередѣ мгновений – жизни нить...

И когда поляны оживут лесные,
В рощу снова я приду вас навестить.
Белоствольные вы символы России,
С вами мне и веселиться, и грустить.

ПО РУССКОМУ ПОЛЮ ИДУ

Смотрю в подмосковное небо,
В бездонную голубизну.
В лучах златокудрого Феба
Её замечая одну.
Не может ничто с ней сравниться,
Лазурь в небесах хороша.
И, будто бы вольная птица,
В порыве взлетает душа.
Иду в этой жизни по полю,
По русскому полю иду,
И лучшей не надо мне доли —
Под небом с собой быть в ладу.

ПРОСТОРЫ ВОЛЬНЫЕ РОССИИ

Просторы вольные России,
Путей нехоженых края.
Немереной полна ты силы,
Россия, Родина моя!

В часы сражений за свободу
Ты сохранила стойкий дух,
Извека твоему народу
Не быть оравой прислуг.

К твоим корням я возвращаюсь,
Тебе мои слова мольбы.
С тобой, Россия, не расстанусь —
Предначертание судьбы!

ДУШОЙ Я ОЧИЩАЮСЬ

Опушка зимней рощи
Сугробами полна.
Здесь меряются мощью
Берёза и сосна.
И ввысь уходят кроны,
Несут земной покой,
Под золотые звоны
Стихает ветра вой.
К истокам обращаюсь,
Тропинкой проходя,
Душой я очищаюсь
С тобою, Русь моя!
В час грусти и сомненья
Где силу обрету?!
Ответы откровенья
У рощи я найду,
Где русские берёзы
Напомнят мне опять:
«Пиши стихи и прозу,
Но так, чтоб не солгать».

МОЙ БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

В моих мыслях Бессмертный полк уже давно. Ещё бы ему не появиться. Из большого клана дедушки по материнской линии десять мужчин ушли на фронт, вернулся один. Из малочисленных папиных родственников воевали три человека, погибли двое, мой папа в том числе. Папа погиб в 1941 году, а я только успела родиться. И вот появился Бессмертный полк! Он вонзился в сердце. Я приняла решение – 9 мая 2018 года пройду с Бессмертным полком! Хотя были опасения из-за моего приличного возраста (79 лет) и состояния здоровья. И прошла! Как это было.

В конце апреля, подумать только, идея Бессмертного полка перевернула душу, обожгла сердце! В мгновение ока узнаю, где делают, и сделала нужные фотографии папы и родного дяди Лёни, который погиб 24 апреля 1945 года в 90 км от Берлина. А как древко, как прикрепить, как нести сразу два портрета? Я гуманитарий, живу одна. Потому решение этих вопросов для меня почти неразрешимая проблема! Но дорогу осилит идущий, и я «пошла». В течение дня с помощью фантазии и творчества «создала» и создала портреты для шествия!

Кто-то подсказал: чтобы попасть на начало формирования полка поближе к Красной площади, а не от Белорусского вокзала, нужно порань-

ше, до закрытия выходов из метро, прибыть на метро «Тверская». Так я и поступила. Приехала в 12 часов. Людей с портретами в метро уже полно, на выход не пускают.

– Переходите на Пушкинскую, и выход на правую сторону, – подсказывает полицай. Написала «полицай», и сердце ответило ударом! В сознании мелькнула «Молодая гвардия» и предательства! К термину «полиция» мой дух как-то притерпелся. А вот «полицай» – страшно! Пристроившись к потоку, который «тёк» к возможному выпуску людей на Пушкинскую площадь, в 12:30 оказалась «в нужном месте». Я беспокоилась, что при выходе может быть тесно, давка, опасно. В 13 часов мы быстрой шеренгой благополучно высыпали на Пушкинскую площадь. После плотного стояния на хорошем солнцепёке перед пропускным пунктом (я была в шляпке и только боялась возможной давки) вступили на свободную Пушкинскую площадь! Только здесь я успокоилась. Потому что живо вспомнилось, как однажды в круглый юбилей чего-то мы всей семьёй с двумя маленькими детьми попали в давку при выходе из метро на смотровую площадку МГУ, чтобы созерцать юбилейный салют. Я была так зажата, что какие-то метры продвигалась спиной вперёд, не имея возможности повернуться. Муж с трудом удерживал детей. Я тогда

не на шутку испугалась, ощутив на себе дикую силу неорганизованной толпы! Общественная психология способна смести всё!

Теперь могла спокойно рассмотреть другие портреты. Они, оказывается, были именными, сделаны специалистами, с военной символикой, с датами жизни и смерти изображённых на них героев. Ничего этого на моих портретах не было! Я думала, что Бессмертный полк состоит только из погибших на войне. И портреты в руках живых участников марша символизируют собою бессмертие павших. Оказалось, что полк формируется не только из тех, кто пал в сражениях, но и кто умирал уже в мирное время. Возник вопрос: а как же труженики тыла? Определённого ответа на этот вопрос в настоящее время ещё нет. Но только много позже поняла, что и муж мой, Михаил Васильевич Дёмин, полковник, профессор МГУ, был и участником, и инвалидом войны!

От Пушкинской площади до театра Ермоловой два часа шли свободно и вольготно. Здесь моя душа начала погружаться в торжественно-траурное состояние. С одной стороны флаги, флажки, пилотки на мужских и женских головах, бесчисленное множество шаров, живая музыка гармоней, баянов и живое пение, из установок звучат военные песни, то тут, то там подхватываемые голосистыми полковчанами. И я пытаюсь петь, ведь мы в хоре поём все военные песни, звучавшие на марше, да голоса у меня совсем нет. Волонтёры дарят марширующим воду, наклейки, флажки. Справа и слева угощают солдатской кашей и чаем. На удивление гречневая каша действительно была вкусной! Люди шагают группками, семьями с детьми, с самокатами, с игрушками. Время от времени, как большие морские волны, раздаются тысячеголосные «УРА!». Над головами вдоль Тверской несколько раз пролетали вертолёты. Шагающие провожали их неистовыми «УРА!». Для молодёжи и детей, шагающих по Тверской и Красной площади, этот марш – мощнейший допинг в любви к Красной площади, к Москве, к России! С другой стороны читаю на одном большом транспаранте, который несёт пожилой мужчина: «Господь Бог ниспослал нам Победу», – и четыре портрета погибших. Содрогнулось сердце! И в который уже раз я го-

ворю, что из кланов моих дедушек с папиной и маминной сторон ушли на фронт тринадцать мужчин, вернулись двое! И долгое послевоенное десятилетие оставшиеся жёны с многочисленными детьми владели жалкую бедную, иногда нищенскую жизнь.

Ровно в 15 часов людское море двинулось на Красную площадь, разделившись на два рукава у гостиницы «Москва», с двух сторон обходя Иверскую часовню. Красная площадь встретила полк молодыми задорными возгласами с двух её сторон, вытянутыми в ряд волонтерами, молодыми парнями и девушками в белых одеждах, радостно приветствовавшими нас, вступивших на площадь. Площадь широкая, нам вольготно, можно было подойти к молодёжи и обменяться взаимной радостью. Волонтёры оказались студентами разных вузов и разных курсов. Лица открытые, светлые, радующиеся! А какие лица у «сподвижников» Навального, купленных им сегодня на иностранные вливания для будущих погромов в России? На трибунах у Кремлёвской стены справа многочисленные приглашённые гости, вероятно. Слева, по другую сторону Мавзолея, убелённые сединою и долгой жизнью ветераны войны! С той и другой трибунами мы живо обменялись взаимными радостными приветствиями. Многочисленные репортёры из журналов и газет там и тут устраивали «летучие» интервью. «Вечерняя Москва» засняла и меня с моими самодельными портретами, записав мою информацию о папе, Кукринове Владимире Степановиче, умершем в концлагере «Шталаг V111С» в 1941 году, и дяде Лёне, Гронском Леониде Ивановиче, погибшем на подступах к Берлину за две недели до Победы.

В течение получаса шла я по Красной площади, несказанно радуясь тому, что Всевышний послал мне душевные и, главное, физические силы для этого незабываемого благородно-восторженного путешествия! Благодарю тебя, Господи, что Ты слышишь мои молитвы и оберегаешь меня! За то, что и папа, и дядя Лёня, не бывавшие и не видевшие Москвы при жизни, прошли моими ногами по Красной площади! **А**

Ирина ДЕМИНА,
кандидат педагогических наук,
член Союза писателей России

ТРИ ИВАНА

РАССКАЗ

Весна семьдесят пятого, года тридцатилетия Великой Победы, удалась необычайно тёплой. К концу апреля, после пасхальных светлых дней, всё благоухало и буйно цвело, шахтёрский посёлок Михайловка утопал в рано распустившейся сирени, над яблоневыми садами гудели пчёлы, а по утрам во всё своё божественное многоголосье пели птицы.

Столовая кляча Нюрка понуро тащила с домовой кухни гружённую снедью подводку. Лошадка вяло цокала копытами по асфальту, возница в полудрёме сидел на облучке и кунял головой. Прилипшая к губам папироска давно потухла и свистком висела во рту. Двое местных мальчишек подстерегли проезжающую телегу и, вынырнув из-за кустов, дружно сзади прицепились к повозке. Так и въехала эта процессия на задний двор шахтной столовой. Нюрка сама остановилась у порога варочно-

го цеха. Лошадёнка сотни раз проходила этот маршрут, и, наверное, если бы она могла говорить, то просто сказала бы кучеру: «Что ты сидишь зазря с вожжами, я и сама знаю, куда нужно доставить груз...»

– Тимка, хорош ночевать, неси лотки! – крикнула повариха Матвеевна, выглянув из раскрытой двери. – Олух царя небесного! Ты слышишь?

Дядька нехотя пошевелился и отмахнулся рукой в её сторону.

– Чего ворчишь, куда гнать-то...

– Кур коты утащат! Куда, куда, раскудахтались, опять с утра лизнул, окаянный!

Мужичок, кряхтя, тяжело спешил, и тут-то он обнаружил незваных попутчиков. Мальчишки уже спрыгнули с подводки и, посмеиваясь над пьяненьким кучером, корчили ему рожицы.

– Опять вы здесь, голытьба! – как можно суровее прикрикнул он на мальчуганов. – Вот я вам!

Мальчишки сделали вид, что испугались, и побежали в сторону столовской конюшни. Тимка разгрузил телегу. Он выставил на порог несколько алюминиевых лотков с синими тушками птицы, четыре бумажных мешка макарон, три мешка картошки, две сетки лука и моркови.

– Усё, Матвеевна, принимай.

– Слышишь ты, чертяка, занеси на склад. Я чё, сама таскать буду?

– А я не нанимался, – буркнул мужик и, взяв лошадёнку под уздцы, повёл подводу к покосившемуся от времени деревянному бараку конюшни. Он распряг клячу и, похлопав Нюрку по шее, подвёл старую кобылу к кормушке. Тимка бросил ей охапку сена и пододвинул покоцанное корыто с водой. Лошадка, всунув морду в лоханку, жадно стала пить.

– Намаялась, бедолажка, уж сколько годков тягаешь ты эту телегу, а благодарности человечьей никакой, так и рухнешь когда-то в хомуте своём ненавистном... – причитал мужичок, поглаживая худющую спину животного.

– Иван, долго мы тебя ждать будем? – выглянул из дверей конюшни лысоватый мужик.

– Щас иду, Нюрку нагодую...

Ивана Тимченко все, от мала до велика, в посёлке звали Тимкой, он не обижался, привык, и даже когда кто к нему обращался по имени, он не всегда реагировал, до того плотно прилипло к нему прозвище. Всего несколько человек в Михайловке называли его по имени, среди них были и его корешки закадычные – Иваны Евсеев и Жалочка. Так и жили они не тужили – три Ивана не разлей вода.

В полумраке конюшни у импровизированного стола на ящиках сидели два мужика. Мальчишки, незаметно пробравшись с тыльной стороны вовнутрь барака – там у них была потайная дыра, – тихонько заползли на верхотуру сенника и, словно разведчики, наблюдали за происходящим внизу. В дверях появился возница.

– Тебя, Тимка, ждать – легче повеситься прям здесь, в конюшне. Пирожков с домовою

привёз? – спросил Иван Евсеев, местный пастух и забулдыга по прозвищу Голубец.

– Привёз, привёз, ещё горяченькие. – Тимка протянул друзьям холщовую сумку.

– Вот это дело! С картошечкой? – заглядывая в котомку и почёсывая лысину, спросил Иван Жалочка.

– А то як же, с пылу с жару...

– Чего ты там с Матвеевной лаялся?

– Кричит, гадюка, чтоб я мешки в кладовку таскал, знает же, зараза, что пуля у меня в пояснице, а всё одно командует...

– Пуля у тебя в голове, Ванька, – сказал Жалочка, – слыхал, к начальнику участка давеча подкатывал, просился в шахту, с твоей-то кривой спиной...

– Тебе, Иван, хорошо теперь, ты на пенсию пошёл, а мне год добить надо до десяти лет стажу шахтного, что, так и буду я до гробовой доски с Нюркой по посёлку ездить?

– Ладно, голубцы мои сизокрылые, давай накатим за новоиспечённого пенсионера Ивана Жалочку, танкиста и шахтёра, и с наступающим праздником Победы, – произнёс тост Иван Евсеев.

Мужички ударили гранёными и залпом опорожнили стаканы.

– И что ты, Ванька, теперьча делать будешь на пенсии? – спросил Евсеев.

– До зимы гульну, а потом в кочегарку истопником на сезон пойду, – жуя пирожок, сказал Иван.

– А то давай со мной коров гонять, веселее вдвоём будет, а если что, и Тимка к нам на своей Нюрке подпряжётся! – рассмеялся Евсеев.

– Да-а, если Нюрку оседлать, то она едва до Куцей балки доедет, – подмигнул Тимке Жалочка.

– Не троньте Нюрку, добрейшая кобыла, лета её одолели, ты лучше, танкист, расскажи, как танк свой утопил в болоте Демянского котла в сорок третьем году, – перевёл тему разговора Иван Тимченко.

– Я свою отважную медальку честно заработал, – серьёзно парировал Жалочка.

– Да не о медальке речь, ты про броневую машину расскажи, как угробил имущество,

вверенное Родиной тебе, разгильдяю, – в такт Тимке подзадоривал товарища Иван Евсеев, зная, что Жалочка болезненно вспоминает эту военную страницу своей биографии. Голубец продолжал дёргать Ивана: – Расскажи, не стесняйся, Ваня!

Друзья частенько подначивали героя-танкиста, переводя в шутку нешуточную историю. Иван Жалочка злился, но потом и сам, придумывая невероятные ходы в этом деле, увлечённо рассказывал, фантазировал, как он остался без танка, но затем вместе с пешим экипажем взял в плен немецкого майора с важными документами.

Примерно в двухстах пятидесяти километрах южнее Ленинграда, между озёрами Ильмень и Селигер, немецкий фронт глубоко вклинивался в форме гриба в советскую территорию. Это были позиции немецкого 2-го армейского корпуса вокруг Демянска. Здесь сосредоточилось огромное количество фашистов. Ширина ножки «гриба» составляла лишь десять километров. Демянский выступ в случае возобновления наступления на Москву мог бы стать идеальным плацдармом. Гитлер хотел сохранить эту позицию. Дивизии 2-го немецкого корпуса дрались отчаянно за горловину, которая связывала стотысячную демянскую группировку фашистов с основными силами групп армий «Центр» и «Север». Зимой 1942 года нашим войскам удалось окружить немцев, но через несколько месяцев, весной того же года, враг атакой снаружи и контратакой изнутри мешка восстановил связь с основными силами, был создан прочный коридор между немецким фронтом 16-й армии от Старой Руссы до Холма. Кишка, ведущая в демянскую боевую зону, была опасно узкой, но 2-й армейский корпус немцев стойко держал оборону, сковывая пять советских армий весь 1942 год...

После третьего стакана друзья-товарищи Иваны, изрядно повеселев, почти наперебой стали говорить о войне.

– Нет, ты, Ванька, не заворачивай так, Сталинград Сталинградом, но у нас на ржевском направлении тоже несладко было, хлебанули горькой мы по самые уши, – заплетающимся

языком хрипло почти кричал Жалочка Евсееву.

Тимка пыхтел папироской и поглядывал на сенник, он давно обнаружил мальчишек, но не подавал виду.

– Мы в январе 1943 года, когда ты, Голубец, ещё гонялся за Паулюсом, прижали немчуру под Демянском, – продолжал Жалочка.

– Да-да, прижали, а окружить не смогли, вояки-маяки, – ухмыльнулся Евсеев.

– Это так, но у нас не было ни Жукова, ни Чуйкова, а дрались мы не хуже вашего! Притом с отборными егерями немецкими...

– Смотри, Санька, сейчас орать друг на дружку начнут, а может, и до кулаков дойдёт, – шепнул мальчишка своему дружку. Колька отодвинул большую охапку сена, чтобы было получше видно спорящих мужичков, не удержался и громко чихнул, тем самым прервал горячий разговор. Жалочка, всматриваясь в сенник, привстал.

– Кто там?

– Да это мальчишки-озорники, я их давно заметил здесь, – сказал Тимка. – Они меня с самого утра достают, дразнят. Вот я их сейчас кнутом...

Сено под крышей в сеннике тревожно зашевелилось.

– Иван, не шугай мальцов, пусть сидят цыплатушки-ребятушки, – остановил друга Евсеев и налил в стаканы очередную дозу спиртного. – Ты мне лучше скажи, Григорич берёт тебя на участок?

Военная тема разговора перескочила в гражданское русло.

– Братъ-то он берёт, понимает ветерана, но проблема с больничкой, медицина не пропускает под землю. Я твержу, что не в забой прошусь, на моторы горнорабочим, а очкастая врачиха мне в ответ язвительно так: «Вам группу инвалидности нужно оформлять, а не в шахту идти...» Я ей кажу, шо после форсирования Днепра, фашистской пули и госпиталя я до самого Берлину дошкандыбал и к ордену Красной Звезды, что за Днепр был даден, ещё две медали «За отвагу» и три осколка заработал, и никто меня в утиль не списывал... А она своё: «Я не могу взять на себя такую ответствен-

ность...» С такой ответственностью мы бы войну не выиграли, а до самого бы Уралу драпали! Скажи, так же, Ваня? Вот ты бы бросил свой Сталинград, переплыл бы через Волгу и побегал бы до самого некуда? Не-ет!..

– Ну ты и загнул, Тимка, сравнил! – встрепенулся Евсеев. – Тебя же пять лет назад вывели из шахты, помню, как ноги у тебя отказали.

– То пуля хрицовская зашевелилась, бывает... Я ж тогда у Федорука в бригаде работал, промштрек мы скоростной проходкой шли, а вы, братцы, сами знаете, что такое проходка! Там и молодёжь сгибается, не то что мы, старые вояки... Да и подлечился я хорошо, профессор мне у прошлом годе на курортах говорил, что пуля в пояснице давно прижилась и трогать её не след... А я и не собираюсь трогать её, годик посижу на пересыпе, сто двадцать своих рубчиков заработаю пенсии и буду не клятый не мятый...

– Или в ящик сыграешь, – сказал Жалочка. – Ездил бы на своей Нюрке при столовой и судьбу не морочил.

– Типун тебе на язык, Ванька! Я шо, дурной, мы с Григоричем вась-вась, я и в шахту ходить редко буду, в кильдыме* всё больше буду на хозяйстве участковом...

– Вот те на, бывший передовик-проходчик Иван Тимченко – «подснежник»**... – рассмеялся Евсеев.

– Ладно вам, хватит об мне, давайте ещё по одной за новоиспечённого пенсионера Ивана Жалочку, – потирая ладони, сказал Тимка.

После очередного возлияния наступила глубокая пауза, мужики хмуро опустили головы и молча сидели, каждый думал о чём-то своём. Мальчишкам в сеннике становилось скучно, Санька толкнул дружка:

– Колька, пойдём, щас они повалятся от водки и уснут.

Действительно, Тимка, прислонившись го-

* Кильдым (сленг) – так в шахтёрской среде называют поверхность кладовую, склад, где хранится различное имущество того или иного участка горнодобывающего предприятия.

** Подснежник – так шахтёры называют человека, который числится подземным рабочим, но в шахту не ходит с негласного разрешения начальства.

ловой к висящему на стене конюшни старому хомуту, всхрапнул. Иван Евсеев молчаковырлся вилкой в трёхлитровой банке, пытаясь наколоть маринованный огурец, он так увлёкся своим занятием, что, казалось, нет ничего на свете для него важнее, чем этот неподдающийся своенравный огурчик. Мальчишки начали было спускаться с сенника, как Колька увидел в щель, что к конюшне идёт Санькин батя.

– Саня, твой батя сюда идёт, – прошептал Колька и слегка толкнул дружка.

Ребята снова притихли. Санька наблюдал в щёлочку за отцом. Васильевич остановился у двери варочного цеха столовой и о чём-то разговаривал с Матвеевной. Внизу под сенником Иван Жалочка смотрел на Голубца, который всё так же увлечённо пытался выловить огурец из банки. Жалочка прервал застольное молчание и, как бы говоря сам с собой, начал размышлять:

– Когда немецка 6-я армия погибла в твоём, Ванька, Сталинграде, потому что вовремя не получила приказа отходить с Волги на Дон, у нас на фронте всё по-другому случилось. Я где-то читал в мемуарах наших полководцев, что генерал-полковник Цейтцлер, немецкий начальник генштаба, обратился к Гитлеру за разрешением избавить группировку в Демянске от судьбы Сталинграда... Отход фактически по бездорожью должен был производиться постепенно, с тем чтобы не потерять тяжёлого вооружения...

– Вот тут-то ты и решил утопить свой танк. – Евсеев победоносно вытащил из банки наколотый на вилку огурец и толкнул Тимку: – Пехота, харэ ночевать, давай врежем!

Жалочка, не обращая внимания на язвительный тон Голубца, продолжил:

– Дался тебе мой танк, в тех местах не только танк утопить можно, в болотах даже зимой перспектива была попасть в такую пропасть непролазную, что сами черти ужаснулись бы. Мы наступали на узкий коридор демянского плацдарма, но проломить его не смогли. Было ясно, что немцам здесь рассчитывать на помощь соседей не приходится, по всем фронтам после Сталинграда наши наступали... А здесь

немцы организованно отходили от рубежа к рубежу, плавно просачивались в это бутылочное горлышко и огрызались страсть как... Полегло нашенского брата в болотах и лесах демянских – уйма!

– Ты не видел, братан, сколько народу в Сталинграде полегло... Как выжил, я не знаю...

Иван Евсеев всегда, когда вспоминал бои в Сталинграде, входил в особое душевное состояние, замыкался в себе, иногда даже пускал скупую мужскую слезу. Потрепало его на войне с июня сорок первого до самой победы изрядно, прошёл Иван по фронтам в пехоте, отважным разведчиком был Голубец. В начале войны Евсеев вырвался из киевского котла, потом от звонка до звонка выживал в Сталинградской битве, штурмовал Саур-Могилу и освобождал Донбасс, бил фрицев в Крыму под Севастополем, затем прошёл через Карпаты в Европу и закончил воевать на озере Балатон в Венгрии, где его тяжело ранило. Победу встретил в госпитале. Вернулся солдат домой летом сорок пятого, и на груди его сияло два ордена Красной Звезды, орден Славы и три медали «За отвагу». Потом он восстанавливал и строил новые шахты. Как там говорил поэт, гвозди бы делать из этих людей...

– Ну, признайся, Ванька, упустили фрицев, – не унимался Евсеев.

– Ты опять, Голубец, начинаешь, не упустили, а выгнали взашей с нашей земли!

Тимка подсел поближе к друзьям и, отыскивая на столе свой стакан, сказал:

– Вот твои, Ванька, недобитые егеря и всадили мне пулю в спину осенью на Днепре.

– Ты бы, Тимка, зад к фронту поменьше подставлял...

– Что?..

Неизвестно, чем бы закончился этот хмельной разговор, если бы не отворилась дверь в конюшню и не вошёл к ним Санькин батя.

– Привет, служивые! – поздоровался Васильевич и выставил на стол две бутылки водки «Столичная». – Всё самогоном давитесь? Давайте вот казёнкой побалуемся, аванс сегодня получил на шахте, гуляем...

Хмельные Иваны приняли в свой круг Васильевича, но дальше военного разговора не по-

лучилось. Санькин отец был участником Великой Отечественной, прошёл от Курской дуги до Будапешта, служил в полку правительственной связи, обслуживая нервы фронтов и Ставки, но он понимал, что общих понятий с Иванами ему не найти. Поэтому Васильевич молча разлил одну бутылку на четверых и сказал:

– С наступающим праздником, братцы, с Победой! – И, не чокаясь, выпил водку до дна.

Иваны проделали то же самое. Они молча сидели, и каждый о чём-то своём тужил, так длилось несколько минут.

Саньке в его укрытии сенника показалось, что прошло очень много времени в этом тягостном молчании, он боялся пошевелиться. Колька ёрзал ногой, ему под штанину заползла букашка, и он старался от неё освободиться. Санька погрозил дружку кулаком: он боялся, что их обнаружит батя, тогда несдобровать, можно попасть под тяжёлую руку отца...

Васильевич откупорил вторую бутылку, понимая, что угнаться за хмельными Иванами ему уже не удастся и разговора не будет, плеснул себе в стакан и одним глотком выпил, кашлянул и занюхал рукавом, поставил почти полную бутылку водки на стол, сказал:

– Ну-у, я пошёл, бывайте здоровы!

Васильевич вышел из конюшни. Вопреки его желанию за ним громко хлопнула дверь, хлопнула так, что мирно стоящая у кормушки кобыла Нюрка вздрогнула и, часто моргая своими чёрными бэньками, повернула в сторону Санькиного бати лошадиную морду.

Мальчишки облегчённо вздохнули и стали потихоньку выбираться из своего укрытия наружу. Совсем пьяные Иваны ещё долго молча тужили в полумраке Нюркиного лошадиного дома. Тимка свалился на земляной пол конюшни и, подложив себе под голову хомут, крепко уснул. Иван Жалочка с Евсеевым смогли ещё осилить по полстакана водки, но затем Жалочка, больно ударившись лысиной о столб коновязи, начал приговаривать себе, как заклинание: «Всё, Ваня, всё, Ваня, достаточно, всё, Ваня, всё, Ваня...» Он неуклюже, рассыпая во все стороны охапки сухой травы, полез в сенник.

Евсеев, недоумевая, прохрипел:

– Ты куда, танкист?

Затем он отчаянно махнул рукой и спотыкаясь вышел из конюшни. Сталинградец Иван, тяжело шагая, направился к Нюрке. Он ухватил кобылу за шею и целился поцеловать в её лошадиные губы. Нюрке это явно не нравилось, она энергично стала трясти головой, пытаясь освободиться от назойливых ласк пьяного мужика. В итоге Нюрка дёрнулась всем своим худющим телом, Евсеев рухнул в лошадиное поило, перевернул корыто, к счастью, вода чуточку привела Ивана в чувство.

– Зараза чумная!..

Евсеев, отряхиваясь от мокрого сена, поднялся и, ругая лошадку последними словами, пошёл по столовскому двору, громко выкрикивая свой незабвенный клич:

– Эх, голубцы вы мои сизокрылые!

Повариха Матвеевна, вынося из варочного цеха очистки овощей, с горечью в душе покачала вслед Ивану головой. Голубец Иван Евсеев вышел на улицу и, широко, словно моряк на палубе во время шторма, расставляя ноги, тяжело шагал, и над посёлком летел его хриплый бас.

– Эх, голубцы вы мои сизокрылые!..

* * *

В День Победы, 9 мая, Санькин отец, примеряя новый костюм, отколол от военной гимнастёрки три самые дорогие ему медали – «За оборону Кавказа», «За боевые заслуги» и «За победу над Германией» – и начал аккуратно пристраивать их на лацкан пиджака. Санька, наблюдая за отцом, спросил:

– Пап, а чего ты остальные свои награды не надеваешь?

– Это, друг мой, побрякушки юбилейные, не пристало мне ими брякать в такой день...

– Пап, я давно хотел тебя спросить, отчего ты частенько выпиваешь с соседскими дядьками Иванами, но никогда с ними подолгу не говоришь, а они в конюшне столовской про войну часами гутарят?

– Как тебе сказать, сынок, они немца резали, и повезло – выжили в этой страшной мясорубке, на их плечах мы к победе пришли...

– А нам в школе историк Борис Витальевич говорил, что в войне победил весь наш народ, и на фронте, и в тылу...

Васильевич удивлённо посмотрел на Саньку, не ожидая таких не по годам мудрых слов от сына.

– Хороший у вас, Санька, учитель, правильно говорит, в самый корень зрит! Пошли, сын, а то на парад опоздаем...

У трибуны в центре посёлка, возле клуба, собрался народ. Играл оркестр. Школьники с шарами, флажками и цветами выстроились в колонны. Шахтёры в чёрных мундирах, разбавляя пёструю нарядную массу взрослого населения посёлка, выделялись своей особой рабочей статью. В первых рядах были ветераны Великой Отечественной, на солнце блестели их ордена и медали. Начался митинг. Выступил председатель поссовета, затем слово взяли руководители шахты, заслуженные ветераны, и завершил торжество районный военком. Он поближе подошёл к микрофону и громко сказал, привлекая уже расплзающийся к выездным буфетам народ:

– Дорогие друзья, товарищи, мне выпала почётная миссия вручить боевую награду вашему односельчанину, которую он заслужил на войне, но получить не успел. Тридцать лет она гуляла по чиновничьим кабинетам и всё же нашла героя. От имени Президиума Верховного Совета СССР медалью «За отвагу» награждается Тимченко Иван Тимофеевич.

От неожиданности Тимка вздрогнул и посмотрел на своих друзей.

– Чего стоишь, Ванька, иди на трибуну, – подтолкнул товарища Иван Евсеев.

Под гром аплодисментов и звуки оркестра Ивану Тимченко военком приколол к груди награду.

– Ванька сегодня выкатывать будет, обмоем медальку, – шепнул Евсееву Иван Жалочка.

Поселковое празднование тридцатилетия Победы продолжалось. Три Ивана стояли у трибуны, решали, куда дальше двигать...

И сияло теперь на троих – семь отважных медалей войны...

Владимир КАЗМИН

ДЕРЖАВНЫЕ БРАТЯ

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

(В ЛЕТО 1491 ОТ Р. Х.)
СЫНОВЬЯ

Княжича-отрока схватили прямо в соборе за вечерней молитвой. На службе он стоял на коленях, считай, один; в полутёмном, еле-еле освещаемом немногими теплящимися свечками, гулком, холодном нутре храма лишь на клиросе подавала голос тройка певчих, чередуясь с едва слышными из алтаря прошениями священника:

– Господи, помилуй...

Ратные люди с таким шумом и топотом ввалились в храм, как будто собирались не четырнадцатилетнего парнишку вязать, а ражего детину. Иван и испугаться не успел, слова Иисусовой молитвы договаривал, пока влекли его, подхватив за руки и за ноги, к выходу из церкви.

Дошло только, что дело-то неладно, когда запястья тонких, не привыкших и к игрушечному шутовскому мечу, а больше приученных сжимать древко хоругви во время крестных ходов рук забили ловко и споро в «железа» незнакомые бородатые дядьки, по говору узнавалось – московиты.

Иван поискал глазами кого-нибудь из двора, но понапрасну: то ли все поразбежались от страха, а то ещё хуже: где-то лишённые жизни лежат. Эти запылённые с дороги, хмурые чужие ратники всё могут. Как нарочно, и отец уехал вместе с боярами и челядью гостевать к своему старшему брату – великому князю Московскому Иоанну Васильевичу. Тут тати коршунами и налетели, улучили времечко взять врасплох!

– Другой сычонок где? – свирепо крикнул кто-то.

– Тутока!

Дмитрия, младшего, дюжий ратник волок за шиворот, как кутёнка, попутно отпихивая сапогом цеплявшуюся за мальчика няньку. Грубо заброшенный в телегу, Дмитрий, хныча, прижался к брату, с испугом косясь на железные оковы на его руках.

Княжичей закрыли попонами и что есть мочи погнали лошадей.

Иван пытался подглядывать из-под укутки и вскоре уже не мог узнать мест: после тряской, отшибающей всё внутри дороги среди лугов поехали тише, с обочин вплотную надвинулся сумрачный ельник. Смеркалось.

Лес порасступился, засветился прощальными солнечными бликами речной плёс под крутым обрывистым берегом: похоже, тут был перевоз. Вон и избушка лодейщика стоит, скобочилась. А возле неё какие-то люди, один даже вроде и знаком.

Остановились. Братишка, по-прежнему прижимаясь к Ивану, задремал, жаль было его тревожить, когда кто-то скинул попону и приказал:

– Выметайтесь!

Иван, осторожно разомкнув обнимавшие его ручки брата, позванивая цепью, кое-как выбрался из телеги. С Димитрием опять не церемонились: вытащили, встряхнули, поставили на ноги.

Младший хныкал и протирал кулачками глаза, а Иван рванулся к знакомцу, радуясь: отцов боярин Фёдор!

Боярин, молодой, с пробивавшейся реденькой бородёнкой на скулах, поморщился, завидев оковы на руках княжича, сказал чуть слышно что-то другому, тоже по виду боярину, пожилому и с хитрым прищуром глаз, перед ним ещё набольший ратник, подойдя, с почтением снял шапку.

– Заходите в избу, отдохните малость! – получив согласный кивок, заискивающе улыбнулся княжичам Фёдор.

Едва вошли в избушку, он помрачнел и заговорил первым, не дожидаясь расспросов ребят:

– Дорога вам дальняя предстоит, на Вологду. Так великий князь Иоанн Васильевич постановил.

– А батюшка наш где? – едва удерживая слёзы, чтобы Димитрию не разреветься, спросил Иван.

– Того не ведаю... – отвёл глаза в сторону Фёдор и вдруг упал на колени, неловко кланяясь княжатам в ноги. – Простите меня, если сможете!

Заслышав шорох за дверью, он спешно поднялся и распахнул её:

– Переправят вас через реку! Дальше в моём возке поедете!

Иван, выходя, расслышал, как Фёдор негромко приказал ратнику:

– Оковы не снимать до самого места! А ежели чего...

Тут рядом заржала лошадь, и остальные слова не удалось разобрать.

(В ЛЕТО 1491 ОТ Р.Х.) ОТЕЦ

У князя Андрея дорогою щемило сердце недоброе предчувствие: неспроста, ох неспроста зазывал на гощение старший брат Иоанн да Васильевич, вон, даже бояр именитых своих прислал! Хитромудро всегда брат любое дело затевает, уделы после младших братьев к рукам прибрал, недолго думу думал... Что случилось с младшими? Молва в народе пущена, что представились оба по «болести», тихо-чинно, исповедовавшись и вкусив Святого Причастия, но не верилось князю Андрею, слышал он от верных людишек и иное. Что за хворь такая: цветущих, в соку, ещё не успевших обзавестись чадами молодцов скрутила за несколько часов. Хоть бы моровое поветрие случилось, там что холоп, что князь – без разницы, но тут-то двоих только и не стало. И перед тем как навсегда смежить очи, оба вернулись из Москвы...

Князь Андрей с детьми своими, Иваном и Димитрием, прощался долго, ласково выспрашивал о ребячьих делах, гладил обоих по русым завитушкам кудрей, на прощание каждого перекрестил и поцеловал в макушку. До сих пор перед глазами стояли оба отрока: серьёзный, с печальным взором чёрных, поблескивающих слезою глаз Иван, прозванный дворовыми «князем-монашком», и Димитрий, вылитый покоенка княгинюшка, весёлый и уже сейчас сгорающий от нетерпения – какой-то подарок отец из Москвы привезёт?

Подумал дорогой о сыновьях, и в душе едким мускусом растеклась горечь: некоторому из них не бывать на великокняжеском столе, как и самому. После Иоанна-то ему бы, Андрею, черёд наследовать по старым дедовским законам, «лествичному праву», а ныне при Иоанне закон другой – объявил великий князь наследником своего только что народившегося внука. А ведь даже покойный батюшка Василий,

прозванный в народе Тёмным, супротив прадедовских заветов не пошёл, разделил по старинушке на уделы всем сыновьям землю свою.

А Иоанн... Князь Андрей вспомнил, как дрожали от холода они со старшим братом, будучи ещё отроками, в стылом нутре собора, посаженные под стражу, и пуще от страха жались друг к другу: неведомо куда увели отца двоюродные братья, Димитрий Шемяка и Василий Косой, «вышибив» из-под него престол, заставив отречься от власти. И бросились юнцы к появившемуся в проёме врат отцу и тотчас с ужасом отпрянули обратно: вместо глаз на знакомом до каждой морщинки лице из-под сбившейся чёрной повязки кровавились страшные раны.

Хоть и была потом победа над врагом, однако всё прошлое горьким уроком, видимо, для родителя не стало. Но не для Иоанна...

Много чего ещё думалось князю Андрею и в полудрёме в тряском возке, и в бессонные ночи на постоялых дворах. К Москве он подъезжал и вовсе тревожный, минуя узкие улочки, всё почему-то побаивался лишний раз выглянуть из возка, а перед воротами в Кремль захотелось ему развернуться – и в галоп, восвояси!

Створки ворот медленно, как-то заворачивающе разошлись, зычным окриком стражи устало отвечали Андреевы ратники; и вот со ступеней крыльца, тяжело колыхаясь чревом, обряженный в праздничный кафтан, скатился один из первейших Иоанновых бояр – Семён Ряполовский.

– Государь ты, дорогой князюшка, ждёт не дожждётся!

Воскликнул вроде бы приветливо-радостно, но поди-ка угадай, что в узеньких щёлочках заплывших боярских глаз таится.

Князю Андрею припомнилось вдруг, как за недавним временем не поспешил он с ратью на подмогу старшему брату на Угру-реку, где стоял тот супротив бесчисленной орды Ахмат-хана, сказался недужным. Потом всё-таки вдогон московитянам собрался было выслать войско, назначив воеводой одного из своих бояр, но бояре же и отговорили: дескать, намнёт хан Иоанну бока, а пуще и шею свернёт – быть тебе

тогда набольшим! И младший брат Борис им вторил, клонил опять к тайному союзу с Литвой.

А как принесли весть, что Ахмат отступил без сечи, а Иоанн и ханскую грамоту-басму о требовании дани растоптал – рухнуло иго над Русью, – тогда шептуны-бояре трусовато притихли, народ на городище ликовал, Андрей же сидел в тереме растерянный, слушая, как Борис скрипит от злобы зубами и чертыхается. Андрей покосился на рассвирепевшего брата, опрокидывающего медовуху чарку за чаркой, и впервые с облегчением подумал, что, слава Всевышнему, не он, князь Угличский, наибольший в роду.

Борис вскоре погиб странной смертью на постоялом дворе близ литовских пределов; знающие люди сообщили, что обобрали его до нитки тайные лазутчики московитов, но ещё хуже – пропала сума с грамотками на сговор с литвинами, а в них, может быть, и Андрея имя поминалось...

Старший брат встречал не торжественно, по-простому, по-свойски: надавив тяжело на плечи Андрею крепкими руками, трижды облобызался с ним, повёл, поддерживая под локоть, во внутренние покои. В просторной горнице стояли богато накрытые столы – за них принялись рассаживать Андреевых бояр и дружинников; Иоанн же провёл Андрея в небольшую уютную светёлку, видимо, собирался потолковать с глазу на глаз.

Андрей подметил, как всё-таки постарел брат, хоть и виделась не так давно, огруз телом, седина разлаписто влезла в бороду, изпод низко нависших, почти сросшихся на переносье бровей поглядывали испытующе-колюче маленькие медвежьи глазки, отчего Андрей, сглотнув ком в пересохшем горле, отвечал попервости брату невпопад.

А Иоанн приветливо и с участием спрашивался о здоровье, расспрашивал о домочадцах; пригубив чарку хмельного мёда, вздохнул: «Один брат ты у меня остался...»

У Андрея на сердце отлегло.

– Подарок тебе преподнести желаю! – Иоанн хлопнул было в ладоши, призывая слугу, но передумал: – Погоди, сам принесу!

Он вышел, а Андрей, расслабленно протянув ноги под столом и чувствуя, как в голову бухает и медленно крутит её хмель, вслух проговорил:

– Хорошо-то как!

Слабо донёсшийся шум из глубины терема насторожил было князя, но он устало смежил очи – почивать бы с пути-дороги. Каким бы брат подарком ни одарил, всё равно дорого другое – внимание...

Дверь распахнулась, и князь растерянно заморгал, ничего не понимая: грузно ввалился в светёлку Семён Ряполовский, следом за ним – тройка дюжих молодцов. Князя обступили, Семён склонился к самому его лицу – щёлки глаз, поблескивая, хищно щурились, будто у татарина:

– Подставляй белы ручки, князюшка!

– Иоанн! Измена! – востропнулся, вскрикнул Андрей осевшим голосом и застонал, притиснутый грудью и лицом к столешнице.

Его скрутили, повели длинным переходом в подвал, в рот забили тряпку.

– Мычи теперь, мычи! – насмеялся Ряполовский, позади еле поспевая на своих коротеньких ножках. – Чья ещё измена? И кому?

Андрей, поняв всё, обмяк и от внезапно накатившейся слабости упал бы, наверное, кабы не держали его крепко.

(В ЛЕТО 1493 ОТ Р.Х.) ГОРЬКАЯ ЧАША

Дни и ночи в затворе тянутся медленно... Какое время года стоит, узник, заточённый в «каменный мешок», узнавал по оконцу под самым потолком, пробитому в гладкой, ногтем не зацепишься, стене. Если вслед за студёным ветром стали залетать снежинки, знать, зима наступает, а если начнут всё чаще заскакивать весёлые ласковые лучи солнышка – весна-красна идёт.

Если б не худенький бараний тулупчик, подброшенный приставом в лютый мороз, отдал бы Богу душу князь Андрей, для всех прочих за крепкими стенами узилища – неизвестный тать и разбойник. И вправду, на человека

своего звания стал непохож: оброс страшно, исхудал, на пожелтевшем лице глубоко ввалились глаза, запах дурной, из прежнего только и остался на теле полуистлевший кафтан, не посмели его снять темничные стражи.

Попервости накатывало на князя, особенно когда пред тем снились ему испуганные лица сыновей; он начинал бить кулаками в дверь, требуя передать челобитную государю, в оковах скоро отбивал до ломоты руки и, звякая цепями, без сил валился возле порога. Заглядывал опасно страж, ставил миску с едой; однажды Андрей пополз на коленях к нему, умоляя позвать кого-нибудь из начальных людей, но стражник, отшатнувшись, прежде чем захлопнуть дверь, замычал странно, вроде как рассмеялся, и открыл широко рот с редкими гнилыми зубами – в глубине трепетал обрубок языка.

С того раза князь не бился и не стонал больше, поняв, что погребён заживо. Молился только о детях своих: кто знает, может, томится так же где-то неподалёку. Он тяжело, с надрывом кашлял: не прошли даром морозы, разрывало грудь. Заметив влетевшие с порывом ветра снежинки, Андрей вздохнул: зимы не пережить...

Загремел запор, но вместо безъязыкого стражника в темницу ввалился некто грузный, отпыхиваясь, в богатой одежде.

Андрей с испугом попятился в дальний угол: призрак, злой дух, не иначе, стоял на пороге – боярин Семён Ряполовский. Так же щурил и без того заплывшие щёлки глаз на мясистом лице:

– Неуж испужался, князюшка? Не бойся, не с худом я к тебе, не с худом!..

Семён присел бы куда, да не на тюремный же грязный топчан гузно пристраивать, кафтан ещё измараешь. Остался стоять, колыхаясь чревом:

– Уж мы, бояре, на тебя, княже, зла не имеем. Митрополит за тебя пред государем хлопотал. Но ответ государев жесток: дескать, с Литвою вместе с братом Борисом ты якшался, а буде Господь, де, меня в одночасье призовет, и под наследником моим всё равно великокняжеского престола искать будешь. И порешил

он, скрепя сердце и скорбя душою, тебя под крепкие замочки тайно поместить. Людишек ненадёжных вокруг много, не дай Бог, смута какая возникнет, и тебя втащат. Не так?

В ответ князь Андрей закашлялся, аж согнулся пополам, добрёл ощупью по стене до своего убогого ложа, повалился.

Ряполовский, замолкнув, с отвращением и страхом покосился на пятна крови на ладонях князя, едва отнял он их от уст.

– Долго не протяну... – Андрей наконец смог продышаться. – Передай брату моему государю – челом бью о детях моих, позаботиться прошу, не обижать. Вот, возьми! – князь снял нательный крест и, поцеловав, протянул Семёну. – Будь ходатаем!

На золотых перекладинках крестика сверкнули драгоценные камушки, и блеск их на мгновение отразился в хищных острых зрачках глаз боярина.

– Будь покоен, князюшка! И так с их бережёных головушек ни волоска не пропало... – запел елейно Ряполовский, потом выглянул за дверь и вернулся к князю с дорогой изукрашенной чашей в руке, принятой у кого-то из слуг. – Вот государь жалует тебе вина заморского, осталось за ним...

Андрей удивлённо вскинул брови, но тут же по жёлтому болезненному лицу его растеклась бледность.

– Поставь рядом! – едва слышно дрогнувшим голосом попросил он. – Уймётся трус в руках, и приму! Спаси Бог брата...

Ряполовский вышел, прихлопнув дверь, бросил безъязыкому стражнику:

– Чаша твоя! Потом пропади!

Стражник, ощерив зубы, понятливо, с радостью закивал.

Князь Андрей, поднося трясущимися руками чашу к устам, взмолился: «Господи, прости мя и прими душу мою грешную! Не оставь чад моих!»

Чаша, расплёскивая остатки зелья, покадилась по полу: князь, пригубив, отшвырнул её. Теплота вдруг разлилась по всему телу князя, огнём полыхнуло внутри, во чреве, и темничное оконце под потолком стало стремительно

приближаться, душа Андрея ощутила себя на свободе...

Стражника же нашли утром в ближнем лесу, голого, с проломленной башкой.

(В ЛЕТО 1527 ОТ Р.Х.) ВО УЗАХ

Ивану, первенцу Андрея Угличского, приснился сон: будто он – маленький мальчик – стоит в кремлёвских палатах, и обступили его в чёрных, как вороново крыло, рясах митрополит в белом клобуке, архиереи, прочее духовенство. Напуганный многолюдьем, он пытается спрятаться за спину отца, тоже облачённого в чёрное, но – глядь! – совсем другой человек оборачивается к нему и недобро усмехается в цыганскую курчавую бородищу.

Говор, шепоток умолкают при появлении дяди – державного государя Иоанна Васильевича. Только не пышно разодет великий князь, а в каком-то он невзрачном тёмном одеянии и голову держит не гордо, надменно поглядывая, а понурился, в глазах – слёзы. Руки его прижаты к груди, едва внятный голос умоляющ:

– Отцы святые, покайтесь вам, как перед самим Господом, хочу... Безвинно погубил я брата своего Андрея. Побоялся, что худое супротив меня, как бывало в безрассудной молодости, затевать будет, а потом и дети его – против детей и внуков моих. Опять державу нашу на кровоточащие куски раздерут, и рабами будем поганым язычникам. Но нет покоя мне, что брата живота лишил во хладе и гладе, грех сей великий хочу замолить. Нет мне прощения...

Иоанн Васильевич смиренно склонил главу, в духовенстве разросся ропот; взметнулись, заполоскались чёрные крылья широких рукавов ряса, а страшный бородач вместо отца наклонился к Ивану и крикнул неожиданно тонким весёлым голосом:

– Живы ещё, православные?!

Иван пробудился. В низком проёме темничной двери, согнувшись, стоял страж – молодой, с едва пробивающимся пушком над верхней губой, с румянцем во всю щёку парень. Братья уже привыкли к суровым

непроницаемым лицам молчаливых стражников, а этот был приветлив и словоохотлив.

– Тятя мой покойный вас сторожил! Мне заповедал вас не тиранить. Вы ведь не тати, не убивцы, а в народе бают – без вины явной тут томитесь...

С той поры, как заточили княжичей в темницу в монастыре под Вологдой, минуло три десятка лет. Им бы вымахать, раздуть в родовую княжью статью, но сейчас с лежанок со спальным тряпьем на стражника молча взирали два заросших длинным седым волосом высохших старца с бледно-матовой кожей на сморщенных лицах и забитыми в «железа» руками со вспухшими синими венами.

– Слышал от людей – врать не будут, что в наши края скоро сам теперешний государь Василий Иоаннович с молодой женою Еленой пожалуют, – стражник, ловко орудуя черпаком, разливал из котла по глиняным мискам исходящее парком хлебово. – По монастырям, по церквам поедут молить Господа, чтобы наследника даровал. Монашествующим да попам – подарки, кандальникам иным – милость. И до вас, сердешных, даст Бог, доберутся!

Стражник затворил дверь, проскрежетал засовом. Димитрий, младший, с затеплившейся в глазах надеждой посмотрел на брата:

– Может, и вправду ослобонит нас двоюродничек-то Василий!

Иван чуть пригубил из лжицы хлебово да так и зашёлся в выворачивающем нутро кашле, согнулся на лежаке крючком. На устах запузырилась розовая пена; когда поотпустило, просипел еле слышно:

– Не дождаться... То-то мне всё дядя наш, Иоанн Васильевич, снится. Кается он.

– Вражина этот, душегубец наш? – со злостью воскликнул Димитрий, жалостливо взиравший на брата.

Ах, кабы не старший брат, кем бы сейчас он, Димитрий, был? Грязным, невнятно мычавшим животным, с голодным рёвом ловающим кусок хлеба, швырнутый стражником в приоткрытую дверь? Ведь рядом в тёмных норах узилища так и было: толстые каменные стены не могли схоронить душераздирающих криков.

Когда княжичей втолкнули сюда, в темницу, Димитрий хныкал беспомощно – на него тоже надели оковы; Иван же поставил на выступ в стене, куда падал из окошечка солнечный луч, подарок отца – иконку Богоматери «Всех Скорбящих Радосте». Как и сохранить её сумел, не расставался ни денно, ни ночью. Потом упал на колени и зашептал слова молитвы.

Димитрий, остерегаясь лишней раз звякнуть цепью, отёр кулачком слёзы и подполз к брату. Оставалось уповать на промысел Божий, надеяться, что вот-вот, не сегодня завтра, придёт отец и выведет отсюда, увезёт домой в чистые тёплые палаты.

В мальчишестве было проще – ждал-пождал отца да уткнулся лицом в плечо старшему брату. Войдя в юношескую пору, Димитрий как ещё страдал и метался. В узкое оконце темницы проникали весенние запахи, звуки, в монастырском саду пели птицы; в праздники ветер доносил с дальнего луга девичий смех и песни. Димитрий кричал, стучал кулаками, бился головой в узкую темничную дверь, бешено выкатив глаза, вперивался ненавидящим взглядом в стоявшего на коленях перед иконой молящегося Ивана и сникал, обессиленный, падал на пол, стуча зубами, начинал повторять за братом слова молитв. Потом Иван, успокаивая его, разговаривал с ним о Боге, рассказывал о святых мучениках и страстотерпцах, о событиях минувших лет: рано овладев грамотой, старший княжич успел прочесть немало книг в отцовском древлехранилище.

Эх, брат, брат!

Вот и сейчас, почти на смертном одре, хватая жадно воздух, проговорил:

– Напрасно ты, брат, хулишь дядю-то нашего... Если б не его державная воля, пострадали ли бы мы во имя Господа... – Едва послушной рукой Иван попытался сотворить крестное знамение. – Кем были бы мы в свете? Как дядья, как пращурьы наши – удельные князья? Ради власти на клятвопреступление готовы, на братоубийство? Несть числа прелестям разным... А мы, пострадав безвинно, придёт время, соединимся со Христом чистою незапятнанною душою.

Прежде бы Димитрий стал возражать брату, но сейчас молчал и взирал на него со страхом: лицо Ивана покрылось испариной, он прошептал из последних сил:

– Игумена позови! Пострига желаю, монахом пред Господом хочу предстать.

Игумен со братией монастыря пришли незамедлительно. Димитрий, забившись в угол, напуганный заполнившим тесноту темницы многолюдством, пока облакали брата в схиму, чувствовал на себе его тёплый ласковый взгляд. Потом внезапно стало холодно, стыло...

Тело Ивана подняли и вперёд ногами понесли из темницы. Димитрий с плачем бросился следом, но перед ним, больно отшвырнув его назад, тяжело захлопнулась дверь.

(В ЛЕТО 1528 ОТ Р.Х.) ТЯЖЕК КРЕСТ

Великий князь Василий Иоаннович с молодой супругой княгиней Еленой прибыли во град в самый праздник Рождества Христова.

Весёлый заливчатский благовест разлился над Вологдой, радостно откликнулись монастырские колокола.

– Великий князь с княгинюшкой у нас! – распахнул, сияя, дверь темницы молодой стражник. – Наступил твой час, отче! Кто сам милости ищет, тот и других милует!

Димитрий от волнения больше не мог усидеть на месте: звеня цепью, день-деньской пробродил по своему узилищу, радуясь, но и жалея, что не дожил брат. В сумерках уж устал прислушиваться: не раздадутся ли за дверью шаги, не войдут ли посыльные от государя, а то и он сам – одной ведь с ним крови, – чтобы явить милость, дать долгожданную свободу. Уж как бы за его самого и потомство его Димитрий стал Бога молить!

Так, в мечтах, в нетерпении, Димитрий и уснул. Чуть в окошечке забрезжил серенький свет зимнего утра, узник опять был на ногах, опять метался по темнице. Где-то во граде всё так же радостно, ликуя, трезвонили колокола, но не шёл тот, кого он ждал, и вести не подавал.

А на третий день с утра снаружи нависала обычная зимняя тишина, изредка нарушаемая сиротливым звяком одинокого колокола к началу службы в монастырском храме, стылым хрустом шагов монашествующей братии по заснеженной тропинке, голодным брёхом псов.

Появился молодой стражник, сменил хмурых молчунов, и то с сочувствием поглядывавших в эти дни на узника. Страж был удручён, невесел, и Димитрий, бросившийся к нему, чуя худое, замер на полдороге.

– Уехал государь в Москву, – тяжело ронял страж, потупив взгляд. – Стоял на службе здесь, в монастыре, а о тебе, отче, и не вспомянул. Как нету тебя и не было!

Димитрий зашатался, упал ниц перед иконой, содрогнулся от несдерживаемых рыданий:

– Господи, тяжек крест ты на меня возложил! Мир не вспомнил обо мне, но и я забуду теперь об уладах и прелестях мирских, коих возжаждал! Одно упование на тебя у меня осталось! И прошу, Господи Иисусе, не карай тяжко обидчиков моих!..

Стражник во все глаза смотрел на затихшего, распластанного по полу старца и шептал еле слышно:

– Обет даю, отче... Уйду в монастырь, грамотешке меня тятенька обучил, опишу житие ваше с братом во славу Божию... **А**

**Николай ТОЛСТИКОВ,
священник**

ДЕТСТВО ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Большевики первыми в мире начали борьбу с детьми. В десяти концлагерях Тамбовщины содержались младенцы.

В 1920–1921 годах на Тамбовщине происходила крестьянская война, более известная как Антоновщина. Это известный факт послеоктябрьской истории не только Тамбовского края, но и нашей страны. Это восстание по своим масштабам, по политическому резонансу и последствиям явилось событием огромной общероссийской значимости. Мощный социальный взрыв вынудил государственную власть к безотлагательному поиску принципиально новых путей выхода из глубокого общественного кризиса, в котором оказалась тогдашняя советская Россия. Об Антоновщине написано немало исследований. А вот о том, как большевики боролись с «цветами жизни», нам поведали документы Тамбовского госархива.

ЗАБЫВАЯ ВСЕ СЕКРЕТНЫЕ ПРЕДПИСАНИЯ

Впервые вопрос о создании концлагерей на Тамбовщине был поднят 10 января 1921 года на президиуме губернской ЧК. Тройка в составе Громова, Гвоздева и Заславского постановила затребовать Липецкий увоенком о предоставлении барачного городка для арестованных «в районе восстания в Тамбовской губернии», и было принято решение о создании «комиссии по фильтрации пленных». Для борьбы с повстанцами власти применяли различные «формы». И среди них «изъятие заложников бандитов». Брели не только взрослых, но и детей. 15 мая 1921 года Тухачевский издаёт приказ № 14, в котором повелевалось, что «в случае отсутствия бандита берётся заложником вся его семья для заключения в концентрационный лагерь...». Другой приказ будущего маршала, известный как № 109 опс, повелевал: «...семьи первой и второй категорий (к первой относились члены комитета Союза трудового крестьянства –

от волостного и «выше», организаторы «банд», шпионы, бандитский комсостав, все бандитские политработники; ко второй категории – члены селькомов СТК, комсостав ниже полка, «бандиты», воевавшие не менее месяца «с оружием в руках», «бандитская милиция», главари «местных банд»), взятые в качестве заложников, в случае неявки разыскиваемого подлежали высылке вглубь России на принудительные работы. 11 июня 1921 года Тухачевский вкуче с председателем Полномочной комиссии ВЦИК издаёт более суровый и беспощадный приказ № 171, относившийся не только к «бандитам», но и к населению. Согласно ему, в селении, где находили оружие, брались заложники и расстреливались в случае несдачи оружия. В случае нахождения оружия расстреливали без суда «старшего работника в семье». Если в доме укрывался «бандит», то члены семьи рассматривались как «бандиты», их имущество конфисковывалось, сами они не только арестовывались, но и высылались. Старшего работника расстреливали. Если семья «бандита» бежала,

то дом сжигался или разбирался, а имущество делилось. И власти не церемонились с «бандитами». Сельские сходы «добровольно» исключали из своего состава целые семьи, забывая при этом, что в них маленькие дети. Многих заключали в концлагеря. По данным на 9 июля, в концлагерях находилось «налицо» 1 605 человек. Это были только «бандиты», «шпионы», «дезертиры», «агитаторы».

ДЕСЯТЬ КОНЦЛАГЕРЕЙ

На первое августа 1921 года на Тамбовщине насчитывалось десять концлагерей: Тамбовский № 1, Тамбовский № 2, Борисоглебский № 1, Борисоглебский № 2, Моршанский № 1, Моршанский № 2, Козловский, Кирсановский, Инжавинский, и Сампурский. Только в одном Кирсановском концлагере на 21 июня 1921 года находилось 1 013 человек. Среди них семьи заложников «бандитов» и «родственников». Таких насчитывалось 318 человек.

Власти, проводя репрессии, не предвидели такого большого скопления народа в концлагерях. Уже 22 июня 1921 года забил тревогу заведующий губернским управлением принудительных работ В. Г. Белугин. Василий Григорьевич был не только заведующим, но и членом Комиссии по содержанию детей заложников в концлагерях. Все концентрационные лагеря были схожи между собой: «солдатские палатки, обнесенные вокруг проволочными ограждениями». Все, кто поступал сюда, содержались непродолжительный промежуток времени, после чего их эшелонами отправляли вглубь страны. «Бандитов» отправляли по «мере накопления», заложников – после двухнедельного пребывания. За этот срок, если «бандит» являлся с повинной, то семья освобождалась. В качестве заложников брались «ближайшие родственники», причём «целиком, семьями, без различия пола и возраста». В концлагеря, согласно документам, «поступает большое количество детей» начиная «с самого раннего возраста, даже грудные». Содержание малолетних детей ставило «администрацию лагерей в самое затруднительное положение», ибо палатки располагались на «голой земле»

и последствия могли быть печальные. Среди детей вскоре начали свирепствовать массовые заболевания. На 22 июня 1921 года в семи концлагерях насчитывалось 13 тысяч человек. Общая их вместимость предполагала 13 500 человек. Только 20 июня в концлагеря поступило до шести тысяч заключённых. В лагерях было немало осуждённых за «преступления по должности, воровство, спекуляцию...» – лиц, отбывавших наказания «за преступления общего характера». Межведомственная губернская комиссия по содержанию детей-заложников в концлагерях, конечно, была не на шутку обеспокоена «наплывом» детей. 27 июня 1921 года состоялось её заседание. Ввиду «большого наплыва в концентрационно-полевые лагеря малолетних, начиная с грудных детей, и непригодности этих лагерей к длительному содержанию детей, последствием чего явились заболевания желудочного и простудного характера», комиссия пришла к «выводу», что детей-заложников до 15-летнего возраста «включительно» необходимо содержать отдельно от взрослых в особых помещениях, жилых домах или бараках, «...отнюдь не в палатках – по возможности в черте лагеря...». В «крайних случаях» и только с согласия местных органов особого отдела дети могли содержаться в прилегающих к лагерю строениях. Но при этом все строения должны были «охраняться стражей». Комиссия поступила «гуманно», порекомендовав, чтобы при детях-заложниках до трёхлетнего возраста включительно имели право находиться и их матери-заложницы. Комиссия решила, что дети-заложники должны «удовлетворяться пищевым довольствием... по нормам, установленным соответственно возрасту детей в домах матери и ребенка, в детских домах...». Продовольствие должны были отпускать местные продорганы по нормам здравоохранения и отделов детского питания. На завотсовхозов была возложена обязанность выделения «определенного количества коров» для снабжения молоком детей и кормящих матерей. Губздравотдел «обязывали» выделить «достаточное количество» медицинского персонала и медикаментов и принять «самые срочные и энергичные меры предохранительного

характера по борьбе с заболеваниями...». Всем учреждениям на местах было предписано оказывать всемерное содействие «в деле борьбы с заболеваниями в лагерях». А наполняемость в лагерях была такой, что Полномочная комиссия ВЦИК во главе с В. А. Антоновым-Овсеенко 11 июля 1921 года «совершенно секретно» решила детей «устроить в домах, если можно – использовать для этого церкви...». «Секретный порядок» предписывал «избегать брать детей заложниками».

Страшась массовых эпидемий тифа, холеры, дизентерии, власти продолжали «разгружать» лагеря. 28 июля 1921 года в них насчитывалось 3 567 заключённых. Этот контингент делился по нескольким категориям: «бандиты и дезертиры» – 1 999 человек, «трудоспособные мужчины» – 257 душ, трудоспособные женщины – 242 человека. Кроме того, в лагерях насчитывалась 241 мать. Но самый большой костяк заключённых по-прежнему составляли дети, которых насчитывалось 457 человек в возрасте от 1 года до 10 лет. Власти уже побаивались брать заложниками грудных детей. Взрослых «бандитов» отправляли вглубь страны, а матерей с детьми в возрасте от 1 года до 10 лет решено было освободить, оставляя заложниками на месте, сообщив об этом ревкомам, которые взяли бы их на учёт.

В концлагерях начались вспышки эпидемий. Особенно страдали дети. 30 июля 1921 года на своё заседание в экстренном порядке собралась Кирсановская уездная комиссия по борьбе с холерой. Выступающий врач Берлин поведал собравшимся «о положении» в концлагере, особенно во 2-м заразном бараке. Уезд в любую минуту мог быть охвачен холерой. Поэтому «ввиду того, что положение с детьми создаётся крайне катастрофическое, признать самой радикальной мерой удаление детей из уезда...». 31 июля 1921 года вновь на заседание собрались члены Междуведомственной комиссии, где решался вопрос о содержании детей-заложников в концлагерях. Было решено ходатайствовать перед особым отделом об освобождении беременных женщин и малолетних детей, хотя уже была секретная инструкция Полномочной комиссии ВЦИК об их освобождении. По данным на 1 августа 1921 года, в

девяти концлагерях (*Моршанский концлагерь № 6 сведения не представил. – Авт.*) содержалось 397 детей в возрасте до трёх лет, 758 детей в возрасте до пяти лет. При этом следует отметить, что по семи лагерям «сведения не абсолютно точные, так как представляются с большим опозданием, тогда как в лагерях происходят постоянные перегруппировки, к числу которых относятся и дети». Дети продолжали томиться за колючей проволокой, несмотря на то, что Антоновщина была подавлена в крови, многие из родителей детей-заложников добровольно, а кто-то и по амнистии вернулся к мирной жизни. Другие сами спешили угодить в концлагерь с той целью, чтобы их близких быстрее выпустили из узилища.

КРИК ДУШИ

Женщины, старики, дети продолжали томиться в лагерях. Многие из них находились уже не на территории Тамбовщины. 14 сентября 1921 года заключённые Кожуховского лагеря (*станция Кожухово Московской губернии. – Авт.*) обратились к наркому юстиции Д. И. Курскому с письмом-прошением. Оказывается, в этом лагере находились заложники из трёх уездов губернии – Кирсановского, Козловского и Тамбовского. Они были арестованы ещё в июне 1921 года, в письме говорилось: «...уже четвертый месяц, как мы, старики, беременные женщины, малые дети, находимся в непривычно тяжелых для нас условиях: голодаем, бодем, и среди детей были уже смертные случаи...». По словам заключённых, они не ведали, за что арестованы: «Мы совершенно тёмные люди, не можем понять, также понятно для нас и то, что более здоровые члены наших и других семей находятся на свободе, а мы, больные старики, дети и их матери, находимся в лагерях...» Наступали холода, и тамбовские узники были без одежды, обуви: «...При аресте нам не дали возможности взять с собой что либо, да мы, откровенно сознаемся, как не виновные, думали, что наш арест будет очень непродолжительным...» Трудно сейчас сказать, какова судьба этих горемык, которых «...делают паразитами, заставляя сидеть без пользы и вины...».

Виктор ЕЛИСЕЕВ

Пётр КУЛИКОВ

ТАМБОВСКИЙ МУЖИК

Тамбовский мужик – семижильная сила,
Рождён и живёт на Руси.

Он пахарь до пота, кормилец народа,
Храни его Бог и спаси.

Тамбовский мужик – семижильная сила,
За Веру посажен в тюрьму.

Он грешен и праведен в разное время,
Его не сломить никому.

Тамбовский мужик – семижильная сила,
Крестьянские корни его.

Он малую родину любит всем сердцем,
Святая она для него.

Тамбовский мужик – семижильная сила,
Готов воевать и пахать.

Живёт он с Россией одною судьбою,
Он – сын ей, она ему – мать.

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

Слова П. Н. Куликова

Музыка В. И. Агапкина

Славься Силой и Верой народа,
Православная русская рать
Наш девиз в ратных битвах с врагами –
Побеждать! Побеждать! Побеждать!

Все века защищаем Россию,
Связь времён никому не прервать.
Враг пришёл – наше время настало –
Побеждать! Побеждать! Побеждать!

Припев:

Родная страна нам Богом дана,
Сколько прожито горя и бед
И одержано славных побед.
Родная страна, ты в сердце одна,
За тебя будем насмерть стоять и –
Побеждать! Побеждать! Побеждать!

Слова на проигрыше:

За веру и страну
Уходим в поход на войну,
Народной силой несокрушимой
Ответим нашему врагу.
Народной силой несокрушимой
Ответим нашему врагу.
Русь святая, не все мы вернёмся,
Чему быть, того не миновать.
Чтим и помним завет наших предков –
Побеждать! Побеждать! Побеждать!

Славься Силой и Верой народа,
Православная русская рать
Наш девиз в ратных битвах с врагами –
Побеждать! Побеждать! Побеждать!

О ЛЮБВИ...

МОЯ ЛЮБОВЬ В ТВОИХ ГЛАЗАХ

Счастья нет для меня без тебя.
Счастья нет для меня без тебя.
Счастья нет для меня без тебя.
Не любя! Не любя! Не любя!

Нам с тобой нашей жизни роман.
Нам с тобой нашей жизни роман.
Нам с тобой нашей жизни роман.
Богом дан! Богом дан! Богом дан!

Я любовь сохранил сквозь года.
Я любовь сохранил сквозь года.
Я любовь сохранил сквозь года.
Навсегда! Навсегда! Навсегда!

Я живу для тебя без тебя.
Я живу для тебя без тебя.
Я живу для тебя без тебя.
Лишь любя! Лишь любя! Лишь любя!

РОДНЫЕ ГЛАЗА

С тобой – я живу,
Без тебя – проживаю!

С тобой – я цвету,
Без тебя – отцветаю!

С тобой – я огонь,
Без тебя – остываю!

С тобой – жить хочу,
Без тебя – не желаю!

С тобой – я герой,
Без тебя – затихаю!

С тобой – я пою,
Без тебя – умолкаю!

С тобой – я поэт,
Без тебя – я немой!

С тобой – счастлив я,
Без тебя – сам не свой!

С тобой – мир родной,
Без тебя – он чужой!

С тобой – два крыла,
Без тебя – крыльев нет!

С тобой – навсегда
Твой влюблённый поэт!

НЕТ СИЛЬНЕЙ ЛЮБВИ ТВОЕЙ

Знаю – любишь ты меня,
Сердцем чувствую тебя.
Любишь больше, чем себя,
Это знаю без тебя.
Это слышу по словам,
Это вижу по глазам.
Слёзы видела твои,
Знаю – это от любви.
Вижу – сердцем ты дрожишь,

Нежно мною дорожишь.
Меня любишь или нет?
За много лет – один ответ.
Слышу: «Я люблю тебя!»
Знаю: я любовь твою!
Для тебя я всех милей!
Нет сильней любви твоей!
Её Величество Любовь
Мне самой волнует кровь!
Я любовь твою храню,
Знаю, что тебя люблю!

ВИЖУ РАЙ В ТВОИХ ГЛАЗАХ

Вижу рай в твоих глазах,
В нём хочу жить я.
Ты – самая красивая стихия у меня!
Мне Бог – отец и мать – земля,
От них родился я.
Ты – самая красивая стихия у меня!
В природе множество стихий,
В них – колыбель моя.
Ты – самая красивая стихия у меня!
Они всё знают обо мне,
Как я люблю тебя.
Ты – самая красивая стихия у меня!
И что на сердце у тебя,
Всё это знаю я.
Ты – самая красивая стихия у меня!
Пред алтарём стояли мы,
Дыханье затая.
Ты – самая красивая стихия у меня!
Жизнь свою тебе дарю,
Теперь она твоя.
Ты – самая красивая стихия у меня!
Ты лучше всех и ты – моя,
Благодарю тебя.
Ты – самая красивая стихия у меня!
Вижу рай в твоих глазах, любимая моя!
Я в нём живу, тебя любя!
Счастливей нет меня!

СМЕРТЬ В КВАРТАЛЕ КЕМАНКЕШ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Безжизненное тело с множественными переломами конечностей и повреждениями головы было обнаружено в 5:30 утра прихожанами, спешившими в мечеть Кылыч Али Паша к утреннему намазу. Тело мертвеца в широко распахнувшейся на груди льняной рубашке и с босыми ногами замерло на земле в позе эмбриона. Вокруг головы растекалась большая лужа крови. Почти немедленно в квартале Кеманкеш центрального района европейской части Стамбула Бейоглу на улице Медресе Али-паши появились полицейские, быстро заблокировавшие место происшествия. Турецкий телеканал NTV обратил внимание на изъятие у покойного всех документов,

которые могли бы помочь в опознании трупа. В морге Стамбульского института судебной медицины имени Адли Тип Куруму предположили, что смерть хорошо тренированного мужчины средних лет наступила в результате «общей травмы», полученной при падении с высоты. А портал CNN Türk указал на зафиксированные в протоколе порезы на лице и шее погибшего, оставленные острым режущим предметом.

АГЕНТ 007 ЭПОХИ ГИБРИДНЫХ ВОЙН

Личность потерпевшего была установлена путём экспертизы. Им оказался хорошо извест-

ный в узких кругах профессионалов, связанных с частными военными компаниями и охранными структурами, бывший британский офицер Джеймс Густав Эдвард Ле Мезюрье, участник событий в Боснии, Косове, Ираке, Ливане, Палестине, Йемене и Сирии. Турецкая пресса сразу указала на принадлежность британца к военной разведке MI6. Искренне восторгаясь его подвигами за почти 20-летнее пребывание на Ближнем Востоке, журналисты не скупилась на хвалебные эпитеты. Погибшего называли суперагентом, последним Джеймсом Бондом. Новостной сайт Dikgazete.com увидел в нём «Лоуренса Аравийского и агента 007 в одном лице». Катарский спутниковый телеканал Al Jazeera со штаб-квартирой в Дохе солидаризировался с мнением, что Ле Мезюрье был «великим лидером и провидцем». Глубокую ностальгическую ассоциацию со знаменитым героем романа Грэма Грина у обывателя должно было вызвать, по мысли Гая Адамса и Нила Сирса из лондонской консервативной газеты Daily Mail, представление Ле Мезюрье «тихим британским героем». Умеренная турецкая газета Milliyet сообщила, что в доме Ле Мезюрье было обнаружено около 200 книг о главном герое бондианы. The Guardian вспомнила даже его девиз, повторяемый с монотонностью мантры: «Всё, что мы можем, когда можем, так долго, как можем».

По данным иранского информагентства FARS News Agency, Ле Мезюрье получил образование в старейшей в мире Королевской военной академии Сандхерст, в числе выпускников которой значатся Уинстон Черчилль, двоюродные братья и внуки королевы Елизаветы II, а также политические лидеры ряда иностранных государств. Среди них – восемь принцев из Саудовской Аравии, нынешний король Иордании, султан Омана, король Бахрейна, эмир Кувейта, эмир Катара, эмир Дубая и эмир Абу-Даби. В 1993 году за отличие в учёбе Ле Мезюрье был награждён королевской медалью за личные и командирские качества. Его послужной список включает участие в многочисленных «стабилизационных действиях» и «программах демократизации». Турецкий сайт Dikgazete.com

назвал Ле Мезюрье «одним из самых доверенных агентов британской разведки MI6 на Ближнем Востоке, принимавшим участие в совместных операциях с ЦРУ и Моссадом». Ле Мезюрье был старшим офицером разведки на Ближнем Востоке в британском Форин-офис, служил координатором разведки в Приштине. Газета Milliyet утверждает, что после ухода из армии в 2000 году Ле Мезюрье от имени британской разведывательной организации MI6 проработал на Ближнем Востоке 12 лет. Называя Ле Мезюрье «одним из лучших и активных британских шпионов», газета отмечает проведение им крайне рискованных и опасных операций, в одной из которых погибли семь или восемь человек из его команды.

Из некролога, опубликованного газетой The Guardian, следует, что первое деликатное задание 30-летнего бывшего капитана британской армии, прибывшего в начале 2002 года в Иерусалим с секретной миссией, заключалось «в организации тюрьмы в Иерихоне для содержания шести заключённых, которые были забаррикадированы с Ясиром Арафатом в штаб-квартире палестинского лидера в Рамаллахе». А вскоре он переехал в Амман, чтобы заняться ещё одной трудной задачей – Ираком. В 2005 году он стал вице-президентом, курирующим специальные проекты в британской ЧВК Olive Group, первой частной охранной компании в мире, прошедшей сертификацию в соответствии со стандартом PSC1 и охотно сотрудничающей с бывшими бойцами элитного британского спецназа SAS. Компания была связана со скандально известной американской ЧВК Blackwater. Затем в Дубае Ле Мезюрье управляет частной компанией Good Harbour International, поставлявшей советников в области безопасности главам государств и правительств Ближнего Востока. Генеральным директором Good Harbour International являлся не кто иной, как бывший советник по терроризму администрации Буша Ричард А. Кларк.

Сфера интересов Ле Мезюрье многообразна. Она простирается от специального консультирования иракского министра внутренних дел до создания специальных сил по защите

месторождений природного газа в Объединённых Арабских Эмиратах. Во время редких простоев Ле Мезюрье заботится о поддержании в общественном сознании представления о себе как о скучающем богатом филантропе. Долгие годы этот имидж будет служить ему надёжным прикрытием. В Омане, пишет ирландская широкоформатная газета The Irish Times, он купил и восстановил полицейский патрульный катер, увлёкся парусным спортом, спас трёх пустынных собак и присоединился к миссиям по ликвидации последствий цунами в Индонезии и Шри-Ланке, взяв на себя большую ответственность за помощь тем, у кого не было средств, чтобы помочь себе. Выступая в популярной программе BBC Radio 4, его бывший командир генерал сэр Ник Картер сказал: «Он был очень щедрым человеком». Газета The Sun назвала Ле Мезюрье «боссом благотворительности». Разведчик знал, что за глаза о нём говорят как о добром самаритянине.

ЖЕЛЕЗНЫЙ КУЛАК В ЗАМШЕВОЙ ПЕРЧАТКЕ

После завершения контракта в ОАЭ Ле Мезюрье переехал в Сирию, чтобы работать в компании по стабилизации и развитию ARK, миссия которой заключалась в туманной фразе о взаимодействии «с местными сообществами для разработки проектов, которые создают большую стабильность, возможности и надежду на будущее во времена глубокой нестабильности и неопределённости». С этой же целью в Нидерландах он основал фонд Mayday Rescue Foundation по поддержке волонтеров в районах нестабильности и конфликтов. В будущем Ле Мезюрье видел The Mayday Rescue Foundation тотальной военно-пропагандистской структурой, нацеленной на переформатирование недружественных Западу правительств. Ле Мезюрье был убежден: в «хрупких» (то есть деморализованных предварительным информационно-психологическим воздействием) государствах-мишенях доверием местного населения пользуются только организации «мягкой силы», действующие под лозунгом

спасения людей и оказания им всех видов помощи. Именно такие организации, заблаговременно созданные из оппозиционных групп и прошедшие специальную подготовку, могут в нужный момент осуществить смену режима, не встречая сопротивления масс. Волонтеры-наёмники – это своего рода железный кулак в замшевой перчатке, нацеленный на свержение неугодных правительств. По поступающей информации Фонд вербует волонтеров-наёмников для реализации программ «стабилизации» в некоторых странах Ближнего Востока. Людей Ле Мезюрье видели на Филиппинах, в Индонезии, Венесуэле...

Полигоном для отработки новой политической технологии «смены режимов», призванной заменить пресловутые «цветные революции», стала Сирия. Фонд Ле Мезюрье, задекларировавший на своём сайте партнёрство с местными сообществами, стал партнёром-исполнителем создания организации международной поддержки гражданской обороны Сирии (SCD), получившей название «Белые каски». В штате этой организации под видом добровольцев-спасателей состояли опытные медиапропагандисты, прошедшие подготовку в Турции у опытных инструкторов и оснащённые профессиональной видео- и фотоаппаратурой, включая прикреплённые к шлемам экшн-камеры GoPro. Медиадиверсанты, прикрываясь гуманитарными лозунгами, поставили на поток снабжение западных СМИ фэйковой информацией, очернявшей правительства Сирии и России. Среди руководителей этих структур находились люди, известные своими связями с ЦРУ и джихадистскими организациями. Немецкая телерадиокомпания Deutsche Welle утверждает, что помимо своего проекта в Сирии Mayday Rescue также организовал подразделения реагирования на чрезвычайные ситуации в Сомали и Ливане.

«ЭТО ПОХОЖЕ НА УБИЙСТВО»

Именно источники, близкие к «Белым каскам», по свидетельству крупнейшего немецкого таблоида Das Bild, заявили о сомнениях в «несчастном случае» с Ле Мезюрье,

деятельность которого в Сирии принесла ему полученное от королевы Елизаветы II звание офицера ордена Британской империи. «Джеймс был нам близким другом, – сказал английской цифровой газете The Independent оперативный руководитель "белокасочников" Раед аль-Салех. – ...Мы опустошены». Независимая турецкая цифровая платформа thenewturkey.org предположила, что потеря основного куратора группы может повлиять на будущую деятельность организации.

Неудивительно, что губернатор Стамбула Али Ерликай заверил журналистов в стремлении прокуратуры и полиции «предпринять многосторонние усилия, чтобы пролить свет на инцидент». Дом, где проживал покойный, и близлежащая часть улицы тщательно изучались сотрудниками полиции. Турецкий новостной телеканал Haber7 подметил, что бронированная дверь, ведущая в жилище Ле Мезюрье, после смерти хозяина была опечатана, а полицейские подразделения провели тщательный осмотр не только дома, но и его окрестностей. Предположительно, британец, принимавший, по словам вдовы, антидепрессанты, выпал с балкона третьего этажа собственного дома. Однако и это показалось странным, следователи затруднились сказать, с какого именно...

И хотя местная полиция и стамбульская пресса склонялись к удобной для них версии о несчастном случае или даже самоубийстве, канцелярия губернатора Стамбула была вынуждена известить о «начале комплексного административного и судебного расследования смерти г-на Ле Мезюрье». Сотрудники «Белых касок» высказали корреспонденту BBC News Марку Урбану предположение о виновности в насильственной смерти Ле Мезюрье неких «государственных акторов» и прямо указали на «невозможность выпасть из окна его квартиры». Даже беглое изучение места происшествия позволяет увидеть под окном спальни, из которого якобы выпал Ле Мезюрье, уступ шириной около метра, полностью исключая возможность несчастного случая.

Турецкие СМИ приводят полный текст заявления Института судебной медицины, в

котором среди прочего отмечалось, что «токсикологические, гистопатологические и молекулярно-генетические исследования продолжаются, результаты анализа и результаты, полученные при вскрытии, будут оцениваться вместе, отчёт будет подготовлен и отправлен в Генеральную прокуратуру». Осматривавший улицу специалист по судебной медицине доктор Невзат Алкан сказал журналистам: «Труп был найден примерно в пяти метрах от нижней части стены. Вскрытие покажет, есть ли внутреннее кровотечение. Это похоже на убийство». Однако государственная телерадиокомпания Türkiye Radyo Televizyon старательно избегает даже намёка на возможное убийство. Со ссылкой на экспертов она сообщает, что в ходе вскрытия было установлено: «смерть наступила в результате травм, полученных при падении с высоты». При этом следов ДНК других людей на месте происшествия обнаружено не было. А панарабская электронная газета Al Arabiy Al Jadeed сообщила, что человек, постоянно выполнявший работы по уборке дома, ничего не смог рассказать полиции о смерти своего хозяина.

«ТЫ ЗНАЕШЬ, СКОЛЬКО ЛЮДЕЙ ХОЧЕТ, ЧТОБЫ МЫ УМЕРЛИ?»

Стамбульская резиденция Ле Мезюрье, включавшая помимо жилых помещений и фонда Mayday Rescue ещё и штаб-квартиру «Белых касок», располагалась в увитом виноградными лозами трёхэтажном здании без вывесок, с недавно отремонтированным кафе на первом этаже. Дом оснащён современной охранной сигнализацией, снабжённой дополнительными системами видеоконтроля. Под видеонаблюдением находятся и близлежащие улицы. Дверной звонок также оснащён камерой. Доступ в дом, сообщает хорошо информированное лондонское новостное интернет-издание Middle East Eye, возможен только по отпечаткам пальцев. Новостной турецкий канал A Haber привёл слова разносчика шашлыков, выполнявшего заказ по этому адресу, подтвердившего возможность открытия двери только по отпечаткам

пальцев. Лишь Ле Мезюрье и его жена знали пароль охранной системы.

Старейшая англоязычная турецкая газета The Hürriyet Daily News, с мая 2018 года соригинированная новым издателем на поддержку президента Эрдогана, привела слова рассказчика еды Сельмана Арслана, утверждавшего, что в здании, где всегда работало более двух десятков человек, был установлен поразительно высокий уровень безопасности, явно чрезмерный, с его точки зрения, для организации по оказанию помощи. Официант из кафе рядом с офисом сказал, что посторонний не сможет проникнуть в помещения незамеченным.

Ле Мезюрье был чрезвычайно осторожен и серьёзно относился к вопросам безопасности, утверждает близко знавший покойного полковник де Бреттон-Гордон. «Он был солдатом и знал о рисках, которые влечёт за собой операция в таком мире, и он сделал всё, что мог, чтобы свести к минимуму эти опасности». По словам армейского товарища, Ле Мезюрье с большим недоверием относился к современным средствам связи: «Джеймс считал скомпрометированными такие коммуникации, как Whatsapp и Twitter. Поэтому он постоянно менял способы общения». Характерный эпизод приводит в газете The New York Times писатель и опытный военный журналист Джанин ди Джованни. Отправляясь вместе с Ле Мезюрье на учения «белокасочников» в Турции, она спросила: «Почему место проведения учений столь тщательно засекречено?» Ответ Ле Мезюрье удивил журналистку: «Безопасность прежде всего. Ты знаешь, сколько людей хочет, чтобы мы умерли?»

Журналисты новостного сайта Dikgazete.com сообщили, что постоянным местом жительства четы Ле Мезюрье был остров Бююкада, один из Принцевых островов в Мраморном море. Выбор объясняется желанием «держаться подальше от хаоса Стамбула. Сама этническая структура островов позволяла ему маскировать себя». А самым комфортным местом в Стамбуле, считает корреспондент газеты Takvim, для Ле Мезюрье был имеющий особую охрану его собственный дом в квартале Кеманкеш. Только в нём

разведчик чувствовал себя в относительной безопасности. Ле Мезюрье был столь осторожен, что даже если ему приходилось оставаться в гостях на ночлег, он совсем не ложился спать.

Однако, хотя дом Ле Мезюрье и казался неприступной крепостью, проникнуть в него, по мнению экспертов, опытному и хорошо подготовленному человеку всё же было возможно, используя для этой цели крыши, балконы и веранды близлежащих зданий офисов, магазинов, кафе. Фират Булут, уличный торговец, утверждавший, что Ле Мезюрье был его постоянным клиентом, рассказывал корреспонденту газеты Milliyet, что посреди той трагической ночи из жилых помещений здания отчётливо были слышны шумы. «Он спорил с женщиной», – неожиданно сказал Булут. А тем временем турецкое государственное информационное агентство Anadolu сообщило, что «по подтверждённым полицейскими данным, никто не входил и не выходил из его дома во время инцидента»...

Также критически была воспринята местной прессой и версия о самоубийстве. Главный редактор издания Sabah Назиф Караман привёл результаты скрупулёзного журналистского расследования загадочной гибели британца, позволяющие проследить последние дни, часы и даже минуты его жизни после возвращения в Стамбул на муниципальном пароме компании Sehir Hatlari с острова Бююкада. Последние изображения, полученные с камер видеонаблюдения, установленных на улице и в магазине напротив, позволяют сделать вывод о прекрасном настроении предполагаемого самоубийцы. На снимках хорошо видно, как всего за шесть часов до трагической смерти Ле Мезюрье в белой рубашке с закатанными рукавами, кремовых брюках и такого же цвета ботинках, с часами Rolex почти за 80 тысяч долларов на руке приобретает четыре пачки сигарет разных сортов для себя и жены, протягивает продавцу 100 турецких лир, получает сдачу, с беспечной улыбкой благодарит продавца и, вполне довольный, уходит. Какие-либо признаки предсудцидального состояния психологами здесь не просматриваются.

«НЕЯСНО, КТО ЭТО СДЕЛАЛ И ПОЧЕМУ»

Одна из ведущих ежедневных газет Турции Milliyet, освещающая события в нейтральном ключе, сообщила, что камеры видеонаблюдения, передающие изображение в киберотдел полиции, запечатлели даже момент падения Ле Мезюрье. Но поскольку жилые помещения расположены на мансардном этаже, начальная стадия падения не попала в объектив. Турецкая газета Daily Sabah, чирлидер президента Эрдогана, доступная на английском, немецком, арабском и даже русском языках, ссылаясь на свои источники, сообщила, что «после смерти тело разведчика было повернуто в другом направлении, а одежда была снята, хотя неясно, кто это сделал и почему». А официальный сайт газеты Posta уточнил, что сапоги, сорвавшиеся с ног Ле Мезюрье после удара о землю, «аккуратно были поставлены рядом с телом».

Журналисты-расследователи смоделировали последний путь британского агента от кровати в спальне, где он спал после приёма большой дозы снотворного. Тут-то и возник трудно объясняемый вопрос: расстояние от окна, через которое он, предположительно, выбрался на карниз, до того места, откуда якобы спрыгнул вниз, составляет порядка десяти метров. А это означает, что, перед тем как спрыгнуть, Ле Мезюрье сам или по чьему-либо принуждению прошёл по карнизу около десяти метров, обходя установленные здесь внешние блоки кондиционеров. К тому же экспертиза выявила в крови погибшего высокую концентрацию снотворного, которая крайне затруднила бы потенциальному самоубийце движение к окну и далее по карнизу без посторонней помощи.

ПО «РУССКОМУ СЛЕДУ» КАРЕН ПИРС

Робкие попытки некоторых стамбульских газет всё же назвать произошедшее самоубийством находящегося в глубокой депрессии человека не встретили понимания ведущих западных СМИ. Крупнейшее издание США The Wall Street Journal отметило, что власти Стамбула ставят под сомнение предварительный

вывод о том, что бывший офицер британской армии Джеймс Ле Мезюрье покончил жизнь самоубийством. Нужный вектор и тон британской прессы неожиданно задали Карен Пирс, представитель Великобритании в ООН, назвавшая Ле Мезюрье «настоящим героем и гуманистом». Попутно она обрушилась с гневными нападками на Министерство иностранных дел РФ, незадолго до этого указавшего на неблагоприятную деятельность последнего на Балканах и Ближнем Востоке, где, по некоторым данным, экс-агент МІБ контактировал с террористами. Карен Пирс категорически отвергла обвинения в причастности Ле Мезюрье к шпионажу. С антироссийскими нападками выступил и председатель комитета по иностранным делам британского парламента консерватор Томас Тугендхэт, сказавший, что Ле Мезюрье стал мишенью для России. «Его героическая работа по защите прав человека в Сирии принесла ему много врагов, и российские власти часто обвиняли его в связях с террористическими организациями», – заявил британский политик. По словам Тугендхэта, выделенным газетой Financial Times, британские власти должны быть вовлечены в расследование смерти Ле Мезюрье.

Чуткие к мнению руководства многоопытные чернильные кули англосаксонского истеблишмента тут же взяли «русский след», выдвинув привычную версию о причастности России к гибели Ле Мезюрье. Россию стали обвинять в распространении сведений, якобы вызвавших у Ле Мезюрье сильнейший стресс, который затем быстро перерос в стойкую депрессию, которая и послужила причиной самоубийства. Британский The Independent одним из первых объявил: «Во время регулярного брифинга в пятницу российская пресс-секретарь Мария Захарова лично напала на г-на Ле Мезюрье, заявив, что он работал британским шпионом по всему миру». Известный немецкий журналист Джулиан Рёрске, работающий на лидера германской бульварной прессы – шпрингеровское издание Das Bild, признавая факт связи Ле Мезюрье с МІБ, утверждал, что тот работал в британской разведывательной службе только в составе миротворческой мис-

сии на Балканах. Склонная к сенсационности скандальная газета Великобритании The Daily Mail, трогательно представляя Ле Мезюрье как «добротного самаритянина», заявляла, что бывший офицер армии находился в состоянии «сильного стресса после годовой московской клеветнической кампании, клеймившей его шпионом». Репортёры газеты Люк Эндрюс и Джек Ньюман признавали, что хотя, по данным их источников, в турецкой службе безопасности рассматривают смерть британца как самоубийство, но всё же есть мнение, что «это был спонсируемый государством удар». В нагнетании русофобской истерии преуспел и ориентированный на республиканскую аудиторию американский журнал The Washington Examiner, безапелляционно заявивший, что «при отсутствии доказательств обратного Россия должна рассматриваться как главный подозреваемый в смерти Ле Мезюрье». Со столь же несуразными «обвинениями» выступил и новостной канал BBC News.

Однако масштабной антироссийской кампании в этот раз не случилось. К тому же подобное освещение трагического инцидента бросало тень на сформированный той же прессой героический образ доблестного и бесстрашного британского офицера, вдруг впавшего в крайне нервическое состояние всего лишь из-за слов обаятельной представительницы МИДа РФ о его принадлежности к британской разведке. Широкой публике надоели бездоказательные рассказы про русских шпионов и извечный русский след...

ПРЫЖОК ВО СНЕ?

Время шло. Останки Ле Мезюрье были вывезены в Великобританию и захоронены на фамильном кладбище, о чём пространно поведало ирландское интернет-издание The Journal.ie. В Стамбул на смену дождливой осени пришла не менее дождливая зима. Полицейские и медицинские эксперты продолжали поиски разгадки гибели британского агента. Бронированная дверь в его жилье уже много недель оставалась опечатанной. И только местная пресса поддерживала прежний интерес публики к загадочной фигуре новоявленного Джеймса

Бонда. Благодаря многочисленным утечкам и «сливам» информации дело обрастало всё новыми подробностями и деталями. Четыре месяца спустя после трагического происшествия корреспондент газеты Milliyet Ферит Зенгин сообщил, что среди фото- и видеоматериалов имеется изображение человека, пересекающего улицу в момент рокового падения Ле Мезюрье. И этот человек подозревается в соучастии в убийстве и находится в розыске.

В СМИ появилась информация об исчезновении продавца сувенирных платков, долгое время привлекавшего внимание туристов. Исчезновение произошло незадолго до печальных событий в квартале Кеманкеш. По мнению специалистов, место, где располагался торговец, было лучшей позицией для наружного наблюдения за домом Ле Мезюрье и резиденцией «белокасочников». Владельцы магазинов утверждают, что Мухаммед, так звали пропавшего торговца, хорошо знал арабский язык и считался сирийцем. Они убеждены, что «сирийский платок» замешан в этом деле. Ник Пиза поместил в британском таблоиде The Sun заметку под названием «Шпионская загадка», в которой утверждает, что полиция ведёт настоящую охоту на продавца носовых платков. Подозрительное движение незнакомцев было зафиксировано и близ постоянного места жительства супружеской пары на острове Бююкада. Здесь в объективы видеокамер попали два человека, идентифицированные как иностранцы, с громоздкими саквояжами покидающие роскошный белый 100-летний особняк, рядом с которым когда-то жил в изгнании Лев Троцкий.

Турецкая ежедневная газета Takvim из группы Turkuvaz Media Group вдруг сообщила, что, по её источникам, неожиданно стала оцениваться новая, не суицидальная версия гибели «старого солдата». Все действия и экипировка английского агента были подчинены одной цели – «выбраться из открытого проёма окна, убежать от агрессора и попытаться запрыгнуть на крышу соседнего здания исторического базара».

Согласно этой версии журналист-расследователь Юнус Эмре Кабак из издания Sabah пи-

шет, что Ле Мезюрье после неудачного прыжка через улицу приземлился на ноги, и только после этого его голова по инерции ударилась о стену здания, расположенного напротив. При этом следов борьбы или потертостей на карнизе и подоконнике окна, из которого якобы выпал агент МІБ, обнаружено не было. Автор посчитал необходимым сообщить читателям о прекрасной физической подготовке погибшего, делавшей весьма вероятной его попытку преодолеть в прыжке расстояние до ближайшей крыши. Журналисты, проводившие расследование, задавались вопросом, зачем Ле Мезюрье, выбравшись из окна спальни, прошёл по карнизу почти 10 метров и только потом спрыгнул на камни мостовой. Его тренированное тело практически перелетело через улицу и ударилось головой о стену противоположного дома. Ему не хватило нескольких дюймов. Иными словами, получалось, что он делал всё, что мог и должен был делать преследуемый кем-то человек, а не то, что обычно склонны делать люди-самоубийцы.

Косвенным подтверждением новой версии стал неожиданный вопрос Ибрагима Айрала из издания Sabah, почему Ле Мезюрье, якобы прыгнувший с карниза своего дома, «не спланировал более точное и ясное действие, чтобы умереть». Ведь расстояние до земли составляет всего семь метров, которых явно недостаточно, «чтобы вызвать смерть во время самоубийства». Он хотел «прыгнуть на противоположную крышу, чтобы убежать от нападавшего, или нападавший столкнул его?» Корреспондент Mail Online в Стамбуле Джеймс Филдинг приводит слова известного детектива, специализирующегося на раскрытии убийств, Мустафы Байрама, поставившего под сомнение версию о несчастном случае или самоубийстве: «Расстояние, которое пролетело тело, вряд ли могло его убить». По мнению Байрама, многие вопросы остаются открытыми.

Кричащий заголовок в Daily Sabah «Британский "шпион", скорее всего, убегал от кого-то перед смертью» свидетельствует о поддержке газетой этой версии. Специальный корреспондент PBS, поставщика программ для американ-

ских государственных телевизионных станций, Малколм Брабант поддержал эту мысль, заявив, что друзьям и коллегам погибшего трудно поверить в преднамеренный прыжок Ле Мезюрье с такой относительно низкой высоты с целью самоубийства.

ШЕРШЕ ЛЯ ФАМ

Со временем внимание прессы всё более оказывалось приковано к жене Ле Мезюрье. «Я никогда не знал, что эта женщина была женой покойного. Я всегда видел его одного», – сказал один из уличных торговцев. От внимания репортёров не ускользнули некоторые странности её поведения. Стало известно об изъятии полицией найденных у неё семи электронных устройств – мобильных телефонов, компьютеров и планшетов. Со ссылкой на надёжные полицейские источники газеты сообщали то о запрете властей покидать ей территорию Турции до окончания следствия, то о запрете возвращаться в страну. Издание Sabah указало на противоречивые показания вдовы Ле Мезюрье и явные попытки увести следствие в сторону признания самоубийства в качестве основной версии, что сразу же позволило говорить о её большей роли в трагическом событии, нежели просто свидетеля или пострадавшей.

Репортёры центральных газет приводили её слова о том, что уже долгое время «муж находился в состоянии стресса и депрессии из-за финансовых проблем, с которыми столкнулась организация "Белые каски" в Сирии». Вдова призналась полицейским, что вместе с мужем принимала сильнодействующий антидепрессант Spralev. На что новостной сайт Dikgazete.com тут же отреагировал вопросом: «Если муж болен, почему вы принимаете антидепрессанты вместе с ним?» При этом Ферит Зенгин из газеты Milliyet сообщил, что следственные органы предполагают: вдова знала о вероятном присвоении денежных средств её супругом. В доме Ле Мезюрье находилась крупная сумма наличных денег, которую сразу после его смерти она перепрятала в свою сумку. Можно предположить, что речь идёт

о 3,5 млн фунтов стерлингов, полученных Ле Мезюрье, по утверждению газеты The Sun, всего за три недели до смерти от правительства США.

Во время 4-часового визита в полицию она показала, что все последние недели Ле Мезюрье «часто упоминал о самоубийстве». А Хусейн Багис из вызывающего доверие источника информации агентства Анадолу привёл слова Ле Мезюрье о намерении покончить жизнь самоубийством, сказанные им, по утверждению вдовы, ещё за 15 дней до смерти. Понятно, что слова хозяйки подтвердила домработница узбечка Гюль Файзуллаева. По её словам, Ле Мезюрье за несколько дней до внезапной смерти выглядел «напряжённым», чувствовал себя «плохо» и «нервничал».

Представляется любопытным признание имевшей контакты с британским разведчиком аналитика Международной кризисной группы (International Crisis Group) по вопросам безопасности, конфликтов, политики и управления в Сирии Дарен Халифы, иронично заметившей корреспонденту французской газеты Le Figaro Жоржу Мальбрюно, что всегда находившийся в хорошем настроении Ле Мезюрье «ничего не знал о своих проблемах с депрессией». Кстати, это вполне соответствует утвердившемуся в СМИ образу приветливого, немного распутного филантропа, лидера гражданской гуманитарной миссии, невероятно привлекательной благодаря усилиям партнёрской PR-компании Джорджа Сороса Purpose.

От вдовы полиция узнала о странном визите одного из руководителей «белокасочников» Фарука Хабиба, состоявшемся за несколько часов до смерти её мужа. Хабиб близко дружил с Ле Мезюрье и был шафером на его свадьбе. Именно ему за 2,5 часа до смерти Ле Мезюрье отправил сообщение, о котором друг и сотрудник британца Хабиб ничего не сказал турецкой полиции. Текст сообщения, опубликованный газетой Milliyet, гласил: «Всё прошло хорошо». В полиции Хабиб подтвердил, что встретился с Ле Мезюрье в офисе в Бейоглу. Новостной сайт sondakikaturk.com утверждает, что оказавшийся гражданином Канады Хабиб сообщил полиции о крайне беспокойном состоянии

Ле Мезюрье, вынудившим его даже спросить о самочувствии последнего. Хабиб убеждал следователей, что по мере их разговора состояние тревоги у британца только усиливалось, и он заметно нервничал. Но невольно возникает вопрос: если всё складывается хорошо, почему Ле Мезюрье не оставляют мысли о самоубийстве? И были ли они? И не являются ли утверждения супруги покойного, преданной ей домработницы и Хабиба о нарастающей депрессии экс-разведчика согласованной попыткой замотивировать последовавшую чуть позже трагическую развязку?

Телеканал Haber7 привёл слова Хабиба, что «он не видел никого кроме Ле Мезюрье и его жены, когда выходил из дома». Меж тем женщина заявила, что сразу после прихода Хабиба она покинула дом и на встрече не присутствовала. Поэтому о содержании беседы ничего сказать не может. «После встречи муж стал нервничать больше обычного», – добавила вдова. Издание Yurt Gazetesi подчеркнуло, что Хабиб был последним, кто видел британского разведчика живым. «Джеймс был очень встревожен, – повторяла всё время его супруга. – На 9:00 следующего дня у него была назначена встреча...» Следователей насторожила нестыковка в показаниях вдовы Ле Мезюрье и Хабиба. Последний утверждал, что пробыл в гостях всего полчаса, меж тем вдова настаивала на том, что встреча длилась около двух часов. Что происходило в это время в доме Ле Мезюрье, доподлинно неизвестно.

ЧИСТО АНГЛИЙСКОЕ САМОУБИЙСТВО

Кем же в действительности была 39-летняя гражданка Швеции Эмма Хедвиг Кристина Уинберг, ставшая достойной спутницей жизни британского суперагента всего за год до трагического происшествия в элитном квартале Стамбула? Была ли она его долгожданной путеводной звездой или стала роковой причиной и умелой устроительницей его гибели? Её послужной список выглядит не менее внушительно, чем у покойного супруга. Газета Milliyet пишет о многолетней службе Эммы

Уинберг в британских посольствах. Её видели в Кабуле, Дамаске, Иерусалиме, Йемене и Восточной Африке, иракском Эдлибе и Стамбуле. «Последние десять лет я работаю на Ближнем Востоке и в Южной Азии, сначала в качестве сотрудника Министерства иностранных дел и по делам Содружества Великобритании (FCO), а затем в области стратегических коммуникаций и обеспечения устойчивости сообщества», – приводит её слова Рабочая группа по Сирии, пропаганде и СМИ (Working Group on Syria, Propaganda and Media), образованная из видных британских профессоров университетов Эдинбурга, Шеффилда и Лестера, которая подготовила информационную записку, посвящённую анализу деловой активности Ле Мезюрье и его супруги. Политические чиновники типа Уинберг, по мнению экспертов, характеризуются как разведчики FCO Великобритании, специализирующиеся на сборе информации для определения возможности политического, экономического или косвенного военного вмешательства под предлогом гуманитарной помощи.

В январе 2015 года она стала соучредителем компании Incostrat, внешнего подрядчика по связям с общественностью для «умеренной вооружённой оппозиции» в Сирии, с предложением рекомендаций для СМИ по рекламным стратегиям. На мероприятиях, проходящих под эгидой НАТО, Уинберг контактирует с видными медиапропагандистами. На одном из заседаний Лаборатории цифровых криминалистических исследований Атлантического совета она выступает вместе с Элиотом Хиггинсом, издателем скандального блога Bellingcat, с докладом «Архивирование злодеяний в Сирии». В январе 2017 года, согласно её странице в LinkedIn, Уинберг уже «главный офицер по ударным действиям Mayday Rescue». По данным газеты Le Monde, Эмма Уинберг на момент гибели супруга числилась стратегическим директором Mayday Rescue. Сама Уинберг описывает свою роль как «разработку новых решений для повышения устойчивости местных сообществ в контексте глобальных угроз от таких проблем, как вынужденная миграция,

насильственный экстремизм и изменение климата». Однако независимыми журналистами высказывается мнение, что Уинберг была призвана своими британскими хозяевами из FCO для противодействия предполагаемой угрозе доминирования устоявшихся стереотипов в информационной войне в Сирии. Иными словами, именно она стоит за организацией кампании дезинформации в западных СМИ против журналистов и учёных, разоблачающих деятельность «Белых касок» и их принадлежность к экстремистским группировкам в Сирии.

Уровень профессиональной подготовки Эммы Уинберг, места службы и прекрасное владение шведским, английским и арабским языками позволяют предположить вероятную связь супруги Ле Мезюрье с британскими или американскими спецслужбами и задать уже не кажущийся странным вопрос: кто был подлинным инициатором брака этих людей? Они сами? А может, речь идёт о «служебном романе», сценарий которого был разработан в ЦРУ или в МИ6? А может, британские спецслужбы намеренно «подвели» Эмму Уинберг к ставшему «токсичным» разведчику с целью исключить возможность распространения известной ему информации о позорных связях англосаксов с арабскими террористами? Получается, газета Takvim права, утверждая, что Ле Мезюрье «был убит в британской государственной традиции». Бывший турецкий разведчик Метин Эрсез из Национальной разведывательной организации (Millî İstihbarat Teşkilatı) оценил загадочную смерть своего британского коллеги, одним из первых сделав предположение, что именно «супруга столкнула Ле Мезюрье с карниза вниз...»

Владимир ГАЗЕТОВ,
профессор Академии военных наук,
Вадим ХОМЕНКО,
профессор Военного
университета МО РФ

ОПЕРАЦИЯ «КОВЧЕГ»

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Наступила пора тишины. Шорохи и стуки, назойливо лезшие из приёмной в замочную скважину, стихли вместе с истарившимися посетителями, день напролёт колготившимися за обитыми коричневой кожей кабинетными дверьми. Только редкий перезвон да щелчки и клацанье телефонных аппаратов, с которыми управлялся секретарь в приёмной, заставляли седовласого генерала, прислушиваясь, поднимать голову от стопки дневной корреспонденции. «Мура мурой!» Сдёрнув с мясистой переносицы очки, военачальник помассировал пальцами утомлённые глаза. Посидев несколько секунд с прикрытыми веками, он, прищурившись, глянул на золотистый маятник напольных часов, мельтешивший за мутноватым толстым стеклом дубового футляра. Хозяин кабинета с «часовым шкафом» отслужил в «конторе» без

мало тридцать пять лет и в молодости слышал легенду, что с этим английским механизмом сверял время сам Франек...

Откинувшись на жёсткую спинку глубокого кресла, генерал замер. Он привык допоздна засиживаться на службе, и обстановка рабочего кабинета отпечаталась в его мозгу чётче, чем виды личной квартиры или казённой дачи. Положив ладони на массив стола, он погладил полированный край труженика. С утра девственно пустынная, к вечеру суконная полянка его верного помощника листок за листком покрывалась бессчётным количеством документов, поданных к рассмотрению. Потянувшись – настала пора, – генерал щёлкнул кнопкой настольной лампы. Улыбнулся: «Ещё тот анахронизм». Но, отвечая на призыв, бронзовое «прошлое» послушно засветилось зелёным стеклом плафона.

Спокойный свет откусил у наглеющих сумерек малахитовый набор для письма и столик с разноцветными аппаратами телефонов, помеченных изображениями государственного герба страны, которой давным-давно генерал присягнул служить верой и правдой.

Седовласый ветеран коленом надавил на кнопку звонка, врезанного в корпус мебельной тумбы. Смачно отлепляя от обивки косяка створку, двери отворились, и на пороге кабинета возник призрачный силуэт порученца:

– Валерий Петрович, мне включить верхний свет? – В потёмках целесообразность предложения секретаря не вызвала сомнений. Однако начальственная губа, та, помеченная синей крапчатой гематомы, недовольно дрогнула. Генеральское воображение и без мозолившего глаза света прекрасно дорисовало молодцеватый облик капитана, последние пять лет служившего связующим звеном между его особой и прочим миром.

– Евгений Павлович ещё не отбыли на квартиры?

– Никак нет, генерал Хрущёв не покидал здания! – Капитан имел привычку знать всё, что происходило в «конторе». – Вызвать генерала к вам, Валерий Петрович?

– Потрудитесь, Сергей Иванович. – Вдалеке, там, где тьма растворяла убегающую от его цепкого взгляда лакированную дорожку приставного стола для совещаний, послышался шорох. Секретарь не медлил с исполнением поручения, и генерал поспешил добавить: – Да, и попросите Евгения Павловича, кроме папки для докладов, захватить «Белое» дело.

– Будет исполнено, господин генерал! – Двери, чмокая, проглотили капитана, и генерал вновь остался один.

Развернувшись в кресле лицом к окну, старый служака замер, гипнотизируемый всполохами ночного города. Там, за призрачным стеклянным пакетом кабинета третьего этажа, Всесвятск был прекрасен. Здание «конторы» громоздилось на холме, и у его подножья старая часть столицы, краплённая фейерверком праздничной подсветки, отражалась в матовой полоске реки. Серый гранит набережных, сти-

скивающих чёрные воды Почайны, проводил взгляд созерцателя до перекрёстка, помеченного маковкой с блестящим крестом: «Колоколенка Богородской церкви, а за ней Книжный переулок с приземистым зданием резиденции премьер-министра». Генерал, вспомнив, как нынче в парламенте министр финансов рассуждал об очередном кризисе, падении ключевых показателей... уверял, цифирная душа, что экономика на этот раз не выдюжит, вздохнул: «Дал же Бог дожить до окаянных времён!» Прикрывая ладонью глаза, он тихо выругался: «Раскаркались, каналы!»

Щёлкнул дверной замок, и атмосфера в кабинете ещё более сгустилась от присутствия постороннего. Невидимый и беззвучный, посетитель приближался к генеральскому столу, и звуки его шагов вязли в бордовом ворсе ковровой дорожки. Шлёпнулась об стол картонка папки, хрустнули колени присаживающегося на стул, и генерал, отняв от глаз ладонь, увидел напротив себя бледное лицо Евгения Павловича, отвечающего в его ведомстве за претворение в жизнь деликатных и весьма щекотливых мероприятий.

Генерал Хрущёв полностью соответствовал своей фамилии. Он был солдатом до мозга костей, хоть и невидимого фронта, но резким, подвижным, жилистым, безжалостным и пунктуально исполнительным.

– Вызывали, Валерий Петрович? – Костлявая кисть Хрущёва покойно возлежала поверх коричневой папки «Для докладов».

Хозяин кабинета, опуская обычную вежливость, облизал языком сохнувшие губы:

– У тебя закурить не найдётся?

Генерал Хрущёв пожал плечами:

– Не одному тебе, Валерий Петрович, доктора предъявили счёт...

Начальник отмахнулся от неприятного воспоминания:

– А-а... какие наши годы, старина, сколько их там ещё осталось... два понедельника!

Хрущёв покачал головой:

– Да уж поистратили порошу... в пороховнице зелья на самом доньшке осталось. – Он недобро сверкнул глазом из-под насупленной брови. – Кому дела передадим, Валерий Пе-

трович? Иду по «конторе» и пугаюсь тишины в коридорах.

Генерал понимающе поддакнул:

– Чего ты хочешь, Евгений Павлович, нынешнее поколение не желает, «женившись на службе», ночевать в кабинетах, других развлечений полно!

Ветераны помолчали, и начальник осведомился:

– Раз прибыл, доложи, что там у тебя.

Хрущёв для вида разлепил половинки папки, но к документам не притронулся. Память его ещё не подводила:

– С мест докладывают, обстановка стабильная...

Руководитель вздохнул: «Ага! Тишь да гладь да божья благодать! Как в тридцатые, с голоду будут помирать, но оторвать зад от одра и выйти на улицу, погреть половником в пустой кастрюле, наши соотечественники не соизволят».

Оба генерала горько усмехнулись, и Хрущёв продолжил:

– Ежедневная сводка о здоровье премьера неутешительна... инсульт.

Начальник съязвил:

– Как и объявленная цена за баррель! – И пристально взгляделся в собеседника.

Чуя кожей этот взгляд, генерал, отирая вспотевшие ладони о лампы, спросил:

– Приводим в действие план «Ковчег»? –

И, приподняв распластанную папку, достал придавленное ею тоненькое дело.

Мрачней, владелец кабинета обронил:

– Пожалуй, затягивать агонию больше не имеет смысла.

Хрущёв протянул генералу «Белое» дело:

– Полагаю, это верное решение. – И усмехнулся: – Давно пора проверить, как это работает!

Не замечая смешок, старый генерал, поджавши губы, развязывал тесёмки картонки.

– Давно... – В его голосе слышалось удивление. – Декабрь 99-го? – переспросил он и сам же ответил: – Не то чтобы давно, старина, но времени прошло предостаточно!

В «Белое» дело кроме пожелтевшего листа, сплошь покрытого нулями с единицами, было

вложено растерявшее естественные цвета фото бунгало: веранда, черепичная кровля вразлёт, чьи крылья отпихивали в стороны кудрявую зелень растительности, и всё. Повертев фото, генерал не обнаружил даже намёка на пояснение, что именно на нём изображено.

– Он живёт здесь?

Генерал Хрущёв доложил:

– Уже 16 лет как переехал из Гrefельфинга.

Начальство уточнило:

– Пригороды Мюнхена...

Кивком головы Хрущёв подтвердил правильность догадки.

– Неужели, Евгений Павлович, он так похож на нашего премьера?

Подчинённый был лаконичен:

– За исключением мелочей, Валерий Петрович, горбинки на носу и густоты шевелюры, – да!

Обдумывая решение, генерал, шевеля в молчаливой тираде губами, притих. Хрущёв давно привык к манере командира, не размыкая уст, задавать самому себе каверзные вопросы и молча искать на них вероятные ответы. Помалкивая, он не мешал генералу всматриваться поверх своей головы в хороводившиеся за окнами кабинета блики ночного города. Чем чёрт не шутит, возможно, именно там располагалась истина в последней инстанции. Наконец генерал, сморгнув оцепенение, вернулся к обсуждению текущих дел:

– Ладно, генерал, приступайте! Каковы наши первые шаги?

Внутренне подобравшись, Хрущёв доложил:

– Как обычно, Валерий Петрович, «артиллерийская подготовка» по социальным сетям – «вброс» фотоподборки двойников премьер-министра, ну а далее размещение в западных СМИ подобных материалов.

Его поправили:

– Начните с британских, уж больно они падки на дешёвые сенсации... Каковы там ваши позиции?

Хрущёв предложил:

– «Дейли телеграф» подойдёт?

Командир согласился:

– Безусловно! Они начнут, прочие газетчики подхватят... – Давая понять, что «шумовое» прикрытие операции должно пройти в рамках

утверждённого плана, генерал уточнил: – Евгений Павлович, «Ковчег» к приёму пассажира подготовлен?

Подчинённый был на высоте:

– Всё готово, Валерий Петрович, ждём приказа – и в путь!

Генерал медлил, нажав пультом телевизора, он надавил кнопку. Вспыхнувший экран наполнил кабинет мерцающим светом. На нём, используя каждый пиксель, белокурая мадам из ХДС, красуясь перед репортёрами, с апломбом распространялась на тему санкций. Убавляя звук, хозяин кабинета поморщился:

– Эти неуёмные господа насухо выжали из нашего бюджета последние деньги! – Оставляя привычное кресло, генерал протянул руку Хрущёву: – Начинаем немедленно, Евгений Павлович, пора нам с тобой перевернуть эту страницу истории и начать всё с чистого листа!

Монти-Верди, рай на земле! С этим утверждением спорить было бессмысленно. Притулившись в самом центре южного континента карликовая страна не могла похвастаться бескрайними прериями. Ровной поверхности на территории доставшихся ей предгорий было немного, но... Золотистое солнце, лазоревые небеса, бескрайний малахит вечнозелёных лесов, снежная пена прекрасных водопадов и хрустальные воды рек и озёр здесь, в Монти-Верди, наличествовали без ограничений. Сжимающие страну в ласковых объятьях горные кряжи и те были изукрашены каёмкой серебра из ледниковых круч. Поутру солнце, выкатываясь на синий простор, царапало об их острые зубцы поджаристые бока, и жидкая алая кровь светила, растекалась по синеватым толщам льда. В обеденную пору горные вершины могли поспорить своей сверкающей белизной с лёгкими облаками, а под вечер они покрывались благородной патиной.

Дон Гран был счастливым человеком только потому, что с террасы дома кабальеро открывался чудесный вид на снежные перевалы Монти-Верди. Были времена, когда уважаемого в горной долине сеньора латифундиста величали иначе, на немецкий манер – герр Мейер, но сам имярек старался не вспоми-

нать об этих досадных обстоятельствах. Карл Мейер стеснялся своего прошлого, к его стыду, в молодости он был шпионом Министерства государственной безопасности. Не то чтобы заправским «рыцарем плаща и кинжала», а так, презренным мелким соглядатаем. Покойные родители, а Карл был единственным и весьма балованным ребёнком в семье восточногерманских бюргеров, огорчались, что их мальчик так восприимчив к дурному влиянию. В оную пору этот упрёк звучал из родительских уст следующим образом: «Тлетворное влияние Запада!» Длинные локоны бросили обожаемое чадо четы Мейер в липкие объятья замарашек-хиппи, и обдолбанный, вечно пьяный Карл до поры до времени бродяжничал с их бандами по землям ГДР. Однажды в изрядном подпитии он и подписал в полицейском участке некие бумаги, а протрезвев, понял, что натворил, но было уже поздно. Отказывать в просьбах сотрудникам «Штази» в той стране было не принято.

В панике блудный сын вернулся в родной Лейпциг. Выбросив джинсы, протравленные до белых пятен своей и чужой рвотой, и сменив синюю куртку с металлическими пуговицами на скромный пиджак, Карл Мейер устроился на работу. И не абы куда, а в полиграфические мастерские «Библиографический институт» подмастерьем, травить медные пластины под печатные формы. Этот решительный шаг молодого человека, пожелавшего кардинально изменить образ жизни, конечно, не обошёлся без протекции всемогущего ведомства. Но сам начинающий график гнал эти мысли из своей стриженной головы. Неожиданно, но возня с кислотами и вредными металлами увлекла немца, и от творчества он стал получать не меньшее удовольствие, чем от курения марихуаны.

Дела шпионские не слишком удручали товарища Мейера. Так, пустяки: познакомиться с художником, писателем, поэтом, иным интеллектуалом или интеллектуалкой, пригладеть на ярмарке за павильоном иностранной делегации. Ничего особенного, пей пиво, крути головой да слушай, о чём говорят новые знакомые. Году в 87-м, правда, случился казус.

В Доме ярмарок в толчее народа он неожиданно наткнулся на знакомое лицо и остолбенел. Невзрачный господин с редкими прилизанными соломенного цвета волосами, в коричневой вельветовой ветровке и чёрных брюках с манжетами с постным лицом разглядывал стенд с книжными корешками издательства «Брокгауз». Скучающий господин на мгновение ответил на изучающий взгляд Карла, и график поёжился. Глубоко посаженные, жавшиеся к длинному с острой спинкой носу чужие и пугающие льдистые глаза неизвестного напомнили ему его собственное отражение в зеркале. Художник по металлу даже прикинул: «Для достоверности картинку съездить парню по переносице палкой, и образуется горбинка, та, что мне на добрую память оставил школьный приятель».

Вскорости его жизнь круто изменилась. «Штази» послало Мейера в ФРГ, в Мюнхен. В широком кармане его рабочей куртки лежал пакет с метриками, старыми фотографиями и прочей макулатурой, подтверждающей его родственные связи с семейством Бауэр. Так уж приключилось, что фрейлин Катрина Бауэр, 90-летняя старая дева, месяц назад изволила почтить в своём родовом особняке в пригороде Вены. По словам офицера «Штази», адвокаты покойной уже сбились с ног, разыскивая по миру возможных наследников выморочного имущества.

Последнее десятилетие двадцатого века, проведённое в Мюнхене, для модного графика пролетело быстро. В тот мюнхенский период своей жизни он был востребован, как никогда прежде, и его иллюстрации к книгам и эстампы разлетались по Европе стаями бумажных голубей. Париж, Лондон, Рим, Мадрид с нетерпением выстраивались в очередь за персональными выставками его графики. Но лавры мэтра и шумная популярность печалили герра Мейера. Он боялся, его фамилия была на слуху, а в стране набирало силу требование изучить архивы Министерства государственной безопасности и очистить немецкое общество от скверны доносительства. Мало ли что, возьмут неравнодушные граждане и отыщут в мрачных подвалах картонку его личного дела...

Избавление пришло неожиданно. Жаркий август 99-го года переносить в шумном, пыльном Мюнхене было сущее наказание. Лучше в полуденный зной погрузиться в лёгкий шезлонг у беленького домика коммуны Гrefельфинг, всласть потягивая холодное баварское пиво... Утопающий в зелени пригород приютил десяток тысяч благообразных бюргеров, почему бы не принять под свою опеку ещё одного обывателя, пускай и знаменитого графика? Здесь, в неглиже, герра Мейера и застал связной. Последовали пароль и отзыв: «Не желаете ли баварского эля?» – «Спасибо, предпочитаю лейпцигское "Гозе"» И шпион, маявшийся в ожидании провала, услышал:

– Центр поздравляет вас, герр Мейер, с высотами, достигнутыми на поприще искусства...

Потеющий Карл перебил гостя:

– Каковы шансы отыскать мою подписку о сотрудничестве... – Художник стыдливо опустил наименование карающего государственного органа, ставшее ныне нарицательным.

Связной, обмахиваясь панамой, криво улыбнулся:

– Не порите чепухи, уважаемый друг! – Делая страшные глаза, посланец центра просипел: – Вы принимаете нас за дилетантов?

Желая возразить, напуганный агент сглотнул горькую слюну, но ему не позволили высказаться.

– Забудьте о компрометирующих бумагах, вас слишком ценит наше руководство!

Мейер собирался рассыпаться в любезностях, мол, он не сомневался... но его невежливо прервали:

– Вам следует поручить своему адвокату купить на бирже акции нефтедобывающих компаний, ведущих разведку недр в Монти-Верди.

– Южная Америка... – ахнул график.

– Да, Латинская Америка!

Карл окончательно запутался:

– И что мне прикажете делать с этими акциями?

Посланец Центра пояснил:

– Вложения позволят вам без труда получить гражданство этой банановой республики. – Собираясь прощаться, связной водрузил

панаму на потную макушку: – Вы поселитесь за океаном...

– Но... – художник отнекивался. Бесполезно.

– Поселитесь, не возражайте! На том берегу вам укажут, где именно, – вставая с шезлонга, посланец повысил голос, – и будете получать весьма приличные дивиденды от вложенных средств. – Прощаясь, он приподнял головной убор и хитро подмигнул озадаченному агенту: – Крохе Монти-Верди посчастливилось угнестись над углеводородным морем! Всего хорошего, герр Мейер!

В главном доме гасиенды сеньора Грана, большом белом, по колониальной традиции опоясанном открытыми террасами на свайном основании, было много испанской мебели, станковой живописи и серебряных подсвечников. Чего не хватало за чугунным кружевом балясин и перил его террас, так это света и добрых трудолюбивых рук горничных. Скучность освещения объяснялась просто – сеньор шестнадцать лет запрещал своим пеонам подрезать деревья в окружавшем господский дом парке. Ну а с уютом и того проще! Специальной европейской прислуги дон Гран не держал, в быту обходясь помощью батраков, что пасли его скот на горных пастбищах. Жёны индейцев оказались весьма скверными хозяйками, полагавшими, что для пыли в господском доме отведены специальные места.

Прибыв за океан, герр Мейер поселился в отдалённой долине, где повёл замкнутый образ жизни. В обнимку с винчестером переселенец блуждал по горным кручам, встречая на своём пути лишь понимавших испанскую речь низкорослых индейцев в пёстрых пончо и широкополых шляпах, прошитых цветными нитями, или едущих верхами неразговорчивых кабальеро в сомбреро с золотистыми накладками, кутающихся в чёрные чарро с серебряными галунами. Гордые всадники на чилийских лошадях могли похвастать толикой португальской или испанской крови, но и с этими соседями-латифундистами поболтать на нормальном языке у немца не получалось. Испанский был для этих сеньоров родным, а Карлу он давался нелегко.

От скуки отшельника спасала Всемирная паутина, она и телефон, и почта, одним словом, окно в мир. Со временем дон Гран, так Мейера называли пеоны, оставил даже охотничьи заботы. В интернете нашлось великое множество всевозможных квестов, и Карл не заметил, как превратился в затворника. Язык он выучил не то чтобы в совершенстве, а на бытовом уровне – оплатить услугу, по телефону заказать в магазине разные мелочи. Он продолжал творить, сотрудничая со множеством известных изданий, и почта из Европы, а также продукты и предметы обихода исправно подвозились к закрытым на висячий замок воротам гасиенды. От них посыльные связывались с сеньором Граном по домофону.

Сегодня выдался именно такой день. Карл, резво стуча по клавиатуре, сочинял письмо главному редактору издательства «Блумсбери»: «Леди...» – редактор была дамой, – когда от входных дверей донеслось слабое треньканье. График нахмурился, но ненавистный перезвон только усилился. Прокричав: «Да иду я, иду!» – художник, забыв о письме, скрипя половицами, отправился сквозь потёмки комнат к стеклянным дверям прихожей.

– Что там за пожар? – проворчал хозяин в трубку домофона.

– Мебель! – выплонула ему в ответ мембрана переговорного устройства.

– Мебель? – повторил сеньор, желая уразуметь, что это за штука. – Какая, чёрт вас побери, мебель?!

– Зеркальный шкаф, – искажённый техникой голос был бесстрастен, – тот, что вы, дон Гран, заказывали в нашей компании в прошлом месяце!

Мейер задохнулся от возмущения, но, досчитав до тридцати, успокоился:

– Не вздумайте выгружать! Сей момент я лично подойду и гляну, что за гнусность ваша компания пытается всучить доверчивым господам! – Прихватив сомбреро, сеньор, оставив дверь приоткрытой, засеменял по дорожке, устланной фиолетовыми лепестками вечнозелёной жаккаранды. В конце туннеля из древесных ветвей, зелёной листвы и метёлок фиолетовых

соцветий его ждали ажурные ворота, за которыми стояла фура. Подбоченясь, гневающийся сеньор потребовал отчёта от чернявого водителя в хэбэшной куртке, джинсах и кепке, что, покуривая у подножки авто, перебрасывался словами с мордастым грузчиком, сидевшим на пассажирском сиденье.

– Итак, любезный сеньор Гран, – воскликнул водитель, – у меня накладные... – И сквозь прутья ворот протянул владельцу гасиенды пачку путевых документов.

Сеньор отстранился от бумаг:

– Оставьте, юноша! – он был непреклонен. – Мне не нужна мебель...

Но его прервали:

– Дон Гран, вы зря отказываетесь от заказа, – не покидая кабины, здоровяк-грузчик, опустив стекло, вмешался в разговор.

Карл, желая хорошенько обругать негодника, вперил взгляд в его улыбающееся лицо и даже открыл рот для отповеди. Но рабочий его опередил:

– Сеньор, едва глянув на шкаф, одобрит свой выбор... это не мебель, это ковчег Ноя! Право дело, благородный дон, в этом зеркальном шкафу запросто можно отыскать две дюжины скелетов.

Пылающие праведным гневом раздутые щёки Мейера, бледнея, опали. Сеньор стусывался. Ему вдруг захотелось оказаться подальше от этого благоухающего фиалками места. Верзила-грузчик, скалившийся из окна фуры, помянув «ковчег Ноя», подал ему знак: «Я свой». Прошлое настигло Мейера и в этой цветущей долине. Едва передвигая ноги, с поникшей головой он поплёлся за водителем смотреть приобретение.

Внутри фуры царил полумрак. У задней стены брезентовые растяжки удерживали громаду шкафа из красного дерева под резной короной, символизирующей изобилие. Двери мебели горели морёным деревом, центральная поблескивала массивным зеркалом. Карл

осторожно сделал пару шагов по звонкому дну кузова, и его аватар в зеркале: чёрное чарро, короткая суконная куртка, белая рубаша и заправленные в высокие сапоги бриджи с лампасами – повторил его движения. Он на секунду смежил веки. Открыл глаза, а перед ним вместо зеркала ничего не отражающий чёрный квадрат. Не на шутку испугавшись, Мейер до звона в ушах принялся вглядываться пустую тьму зазеркалья. Постепенно чернота в раме из красного дерева принялась сереть, и Карл различил в ней блеск переносицы. Образ проступал, и, в предчувствии несчастья, сеньора затрясло от ужаса, аж ноги подкашивались, однако опереться или сесть было не на что. Из чёрной краски эфира проявлялся его собственный портрет: высокий лоб с залысынами, округлое лицо, длинные волосы, спелой соломой лежавшие на эполетах куртки, едва намеченные тёмными полукружьями близко посаженные глаза, острый нос с тонкими чувственными ноздрями... Карл ещё успел подумать: «Уже с горбинкой...» Перед его глазами полыхнула белая вспышка... дальше ничего.

Карл присел на широкий диван. Сутками не выключаемый телевизор бубнил новости. Мейер потянулся и, ухватив высокий бокал, брезгливо понюхал его нутро. Бокал пах пивом: «Грязный!» Оглядев сервировочный столик и не найдя чистой посуды, он взялся за тёмный бок пивной бутылки. Свернув укупорку, по-хозяйски кинул пробку на деревянный лоток стола. Отхлебнул из горлышка, напиток ему не понравился: «Дрезденский "Радибергер" лучше!» Диктор в телевизоре заговорил о продлении санкций. «Надоели!» – подумал Мейер. Затем его тонкие, вечно поджатые губы расслабились в улыбке: «Хотя... я вроде бы уже и не раб на галерах...» – Хозяин гасиенды сделал другой глоток, и в этот раз пиво ему понравилось. **А**

Виктор УСОВ

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ – СВЯЗЬ ВРЕМЁН

В конце июня Союз писателей России вернулся к полноценной работе, начав её с заседания секретариата. Дата, 25 июня, была выбрана не случайно – парад Победы, состоявшийся накануне, является своеобразным символом, нравственным ориентиром для Союза писателей. А связь времён не пустой звук для писателей России.

Среди первоочередных обсуждался вопрос о подготовке к годовщине со дня рождения Сергея Есенина, которую будут отмечать в октябре. Кроме традиционных литературных конкурсов и премий, выезда на родину Есенина в село Константиново, в этом году запланировано участие писателей в торжественном мероприятии у памятника поэту на Есенинском бульваре в Юго-Восточном округе Москвы, инициатором которого стал секретарь СП России Анатолий Труба, он же назначен и ответственным за его проведение.

Центральным событием секретариата стало награждение медалями «Михаил Шолохов», которые доставил Анатолий Труба. 23 июня в

станции Вёшенской состоялось первое награждение этими медалями сотрудников Государственного музея имени М. Шолохова, которое произвёл от имени секретариата председатель Ростовского регионального отделения СП России Алексей Береговой.

На самом заседании секретариата председатель Союза Николай Иванов перед церемонией награждения пригласил к бюсту Шолохова актрису театра на Таганке Полину Нечитайло, которая исполнила отрывок из романа «Тихий Дон». Ей и народному артисту Юрию Назарову и были вручены первые медали. Наград удостоились А. В. Черномырдин, который многое сделал для издания книг нобелевского лауреата, издатель А. Стручков, писатели Н. Дорошенко, В. Дворцов, П. Кренёв, К. Ибрагимов, А. Бобров. Медалей были удостоены также главный редактор журнала «Александръ» Анатолий Труба и шеф-редактор Александр Сёмин. В ответ Анатолий Труба вручил Николаю Иванову сертификат о Шолоховском сорте яблоки. 🍏

Александр СЕРГЕЕВ

«АЛЕКСАНДРЪ»

 alexlib.ru